

Российская Академия наук
Институт славяноведения и балканстики
Международный фонд югославянских
исследований и сотрудничества
“Славянская летопись”
Университет им. Е.Р.Дашковой

И. И ЛЕЩИЛОВСКАЯ

**СЕРБСКАЯ КУЛЬТУРА
XVIII ВЕКА**

Москва — 1994

Российская Академия наук

Институт славяноведения и балканистики

**Международный фонд югославянских
исследований и сотрудничества
“Славянская летопись”**

Университет им. Е.Р.Дашковой

И. И . ЛЕЩИЛОВСКАЯ

СЕРБСКАЯ КУЛЬТУРА

XVIII ВЕКА

Москва — 1994

ББК 63.3(4)

Л54

Печатается в соответствии с решением Ученого совета
Института славяноведения и балканистики РАН

Рецензенты:

доктор исторических наук А.П. Бажова,
кандидат исторических наук С.И. Данченко

Ответственный редактор

доктор исторических наук Т.М.Исламов

ISBN 5-87141-001-4

© Лещиловская И.И.

© Верстка, изготовление оригинал-макета
АО "ИСМ", 1993

*Мощно, велико ты было, столетье!
Радищев А.Н. Осмнадцатое столетие.*

ВВЕДЕНИЕ

В истории Европы XVIII век был временем победного утверждения свободной рыночной системы Нового времени в островной Англии и перехода к ней на континенте. Все было в постоянном движении и изменении. На фоне межгосударственных войн и внутренних социальных потрясений на Западе и в России разворачивалась масштабная борьба в духовной сфере, отражавшая реальное столкновение на исторической арене уходящих и восходящих сил с их непримиримыми интересами. В интеллектуальном противостоянии на основе материального усиления возрастала духовная зрелость новых общественных слоев. Мощным завершением социального противоборства, неотъемлемой составной частью которого было идеологическое столкновение Средневековья и Нового времени, стала Великая Французская революция.

Вместе с тем XVIII век при всем борении социальных и национальных страстей был отмечен интеграционным процессом в духовной жизни Европы, связанным корнями с крепнувшей свободной рыночной экономикой. На смену жестким истинам и “монопольным” доктринах Реформации, фанатичной нетерпимости Контрреформации на первый план выступила ниспровергающая нормативы, духовные запреты и обязывающие постулаты философия всесильного просвещенного Разума. Она открыла простор свободомыслию, расковала духовные силы людей и связала носителей нового мировосприятия, независимо от веры и языка, при идейных, политических и национальных разногласиях, в духовную европейскую общность с близкими социальными идеалами, художественным мышлением и научными исканиями. Впервые в истории светская мысль выработала философскую систему, способную на современном тогда уровне сознания стать объединяющим фактором в духовном обновлении человечества. Критическая философия была ограниченной в смысле объяснения мира и тем более теоретического обоснования пути его обновления. Но культ разума означал самоосознание человечеством себя как целого.

Сербы вступили в XVIII век под знаком крупного события — массового переселения части народа с Балкан, где властвовали османы, в Австрийскую монархию. Это столетие было отмечено в сербской истории генезисом рыночной экономики и пробуждением нации в условиях чужеземного господства. Внутренние и внешние факторы, встряхнувшие народ, двинули вперед его общественное развитие. Застывшая, казалось, под гнетом османского средневекового государства, изолированная от Запада балканская райя — подвластное христианское население — выступила на арену мировой истории, заявив о себе в начале XIX в. всенародным освободительным восстанием, приковавшим к себе внимание всей Европы. Этому предшествовало длительное накопление материальных и духовных сил народа. Экономические перемены порождали сдвиги в сознании сербов, хотя соотношение материальных и духовных изменений было отнюдь не прямолинейным. Развернулся процесс ломки старых и рождения на новом уровне, заново коренных национальных, интеллектуальных и нравственных установок.

XVIII век в духовной жизни сербов означал крушение средневековья и включение в значительной мере посредством связей с Россией в общеевропейский интеллектуальный, художественный и научный процесс. Исторический опыт со всей очевидностью показывает, что в переломные эпохи с особым трудом происходит преображение именно духовного мира общества, меняющего социально-экономическую структуру, становление его нового типа в соответствии с общечеловеческими, национальными и социальными чертами. У сербов сложнейший процесс обновления духовного склада в силу особенностей исторического развития, чужеземного угнетения, положения народа был отмечен особыми затруднениями и противоречиями.

В многоликости, исторической моши и переходности XVIII века состоят трудности его исследования. По степени изученности это одна из наиболее загадочных для науки эпох. Насыщенный и своеобразный процесс духовного преображения сербского народа в XVIII веке представляет интерес для науки не только в плане углубления познания конкретного исторического пути сербского народа, но и шире — понимания особенностей переходных эпох и смены исторических типов культуры.

Культура* сербов в XVIII веке привлекала и привлекает внимание исследователей разных стран и специальностей: историков, историков литературы, лингвистов, искусствоведов и др. К ней обращались в прошлом сербские и русские ученые, занимаются ею научные работники современной Югославии и России. Люди науки подходили к культуре сербского народа с разных методологических позиций, использовали различную научную методику. Но общим было и остается изучение сербской культуры XVIII в. по "видам".

Широкую панораму культурной жизни народа в середине XVIII в. представил М. Костић в работе "Граф Колер как культурно-просветительный реформатор у сербов в Венгрии в XVIII веке"¹.

Начало многоплановому изучению национальной литературы XVIII в. положил историк литературы и критик Й. Скерлич. В 1909 г. он выпустил книгу "Сербская литература XVIII в."², в которой с демократических позиций показал развитие литературы, периодической печати, типографского дела у сербов в связи с политическими и общественными условиями. Й. Скерлич создал культурную картину эпохи и дал на ее фоне критические портреты сербских писателей. Его книга благодаря фактическому материалу, анализу многих явлений культурной жизни сербов, живому стилю изложения до сих пор сохраняет место в кругу значимых научных исследований.

Крупным знатоком истории сербской литературы был Т. Остоич, в начале XX в. секретарь Матицы сербской — важной культурно-просветительной организации у сербов, а после Первой мировой войны профессор философского факультета в Скопле. Он написал первый обзор истории сербской литературы с конца XVII в. до начала писательской деятельности Досифея Обрадовича. Т. Остоич посвятил также две специальные работы жизни и творчеству этого писателя. В 1923 г., после смерти ученого, увидела свет его монография, в которой впервые было показано место другого видного деятеля — Захарии Орфелина в сербской культурной жизни XVIII столетия³.

В 1927 г. вышел капитальный труд В. Петровича и М. Кашанина "Сербское искусство в Воеводине", в котором была дана стилистическая

---

* Здесь и далее имеется в виду духовная культура.

характеристика сербского изобразительного искусства XVIII в.⁴

Й. Радонич издал солидную монографию о жизни и творчестве сербского историка начала XVIII в. Дж. Бранковича⁵. Монография не утратила научного значения до настоящего времени. Старая национальная школа заложила фактологические основы изучения отдельных видов сербской культуры XVIII в., анализировала разные стороны духовной жизни своего народа.

В послевоенной Югославии исследованием сербской культуры рассматриваемого периода занимались специалисты разных профилей. М. Павич углубил изучение сербской литературы XVII — первых десятилетий XIX в. Его перу принадлежат солидные труды “История сербской литературы эпохи барокко (XVII и XVIII века)” и двухтомник “История сербской литературы классицизма и предромантизма”⁶. Автор показывает развитие сербской литературы под углом зрения смены стилей. Он характеризует время с середины XVII в. и “почти до конца XVIII в.” как эпоху барокко, содержание которой видит в высвобождении сербской литературы от византийского влияния и включении ее в литературный мир Запада. Литература в хронологических рамках со второй половины XVIII в. по 30-е годы XIX в. была отмечена, по мнению исследователя, своеобразными “историзмом и энциклопедизмом”, обусловившими параллельное существование в ней классицизма и предромантизма”⁷. М. Павич занимался и изданием литературных текстов.

Внушительную картину многовековой литературной жизни сербов со времени возникновения у них письменности до современности нарисовал в 1983 г. Й. Деретич в книге “История сербской литературы”. Вышел также сокращенный вариант этого исследования. Й. Деретич выделяет период с 1690 г., со времени массового переселения части сербов с Балкан в Австрийскую монархию, до выступления в печати Досифея Обрадовича как переходный этап от “старой” литературы к “новой”. И в более широком плане — от старой цивилизации к созданию “новой светской буржуазной культуры по западноевропейской модели”⁸.

Помимо изучения в общей форме или в виде частных разработок отдельных сторон сербской литературы XVIII в. национальная историография уделяла внимание крупным ее представителям. Под жи-

вым пером М.Павича предстал образ сербского книжника первой половины XVIII в. Г. Венцловича⁹. В. Ерчич посвятил внушительный труд М. Козачинскому, включив в него текст восстановленной ученым "Траедокомедии" украинского деятеля¹⁰. Особенно большое внимание югославские исследователи уделяют центральной фигуре сербской культуры XVIII в. Досифею Обрадовичу. М. Костић в монографии "Досифей Обрадович в исторической перспективе XVIII и XIX вв." представил мыслителя и писателя как главного носителя европейского рационализма и философии Просвещения у сербов¹¹. Многие вопросы творчества Обрадовича получили освещение в специальных работах Й. Деретича "Досифей и его время" и "Поэтика Досифея Обрадовича", в которых писателю отведена роль основоположника новой сербской литературы¹². Его взгляды и произведения стали предметом изучения М. Стояновича ("Досифей и антика") и А. Стойковича ("Философские взгляды Досифея Обрадовича")¹³.

Особое место занимают фольклористические работы. Их число увеличилось в последнее время в связи с 600-летием Косовской битвы 1389 г., означавшей поворот в исторических судьбах сербского народа. Она получила широкое отражение в трагическом цикле народных песен¹⁴.

Пристальное внимание ученых вызывают пластические искусства у сербов в XVIII в. В отличие от М. Коларића, который не склонен придавать ощутимое значение российско-сербским связям в этой области¹⁵, ведущие исследователи Д. Медакович, Д. Давидов, И. Васич¹⁶ и др. выделяют 20-60-е годы как время решающего художественного влияния России на сербов, рассматривая дальнейшее развитие сербской живописи и графики в прямом контексте с западным искусством. Д. Медакович подвел итог личного тридцатилетнего изучения сербского изобразительного искусства в книге "Сербское искусство XVIII в."¹⁷. Автор охватил живопись, графику, миниатюру, декоративно-прикладное искусство и архитектуру. Он показал застой византийской традиции и проникновение в сербскую живопись барокко, а затем классицизма, связав эстетические новации с влиянием на духовный мир сербов России и Запада. Панораму сербского искусства XVIII в. дополняют книги и статьи по истории театра, зодчества и др.¹⁸. Большой вклад в изучение истории сербской исторической науки внесли Н. Радич и Р. Самарджич¹⁹.

Подробное освещение как в специальных работах, так и в трудах с более широким хронологическим и тематическим охватом получили литературно-языковая ситуация у сербов в XVIII в.²⁰, развитие школьного образования²¹, типографского дела и периодической печати²². К этому кругу работ относится "Сербская библиография XVIII века", составленная Г. Михайловичем²³. Аннотированная библиография печатных изданий, написанных сербами и выпущенных на их книжных языках, проливает свет на историю книги у сербов. Богатый и разнообразный материал включает трехтомная монография Д. Поповича "Сербы в Воеводине"²⁴. Хотя положение народа представлено автором в статике, Попович сообщает, в частности, массу интересных сведений об образе жизни сербов, их быте, общении, нравах и т.д. — о том, что составляет атмосферу и колорит эпохи. Среди краеведческих работ выделяются многотомные издания В. Стича, много лет посвятившего изучению культурной и политической истории Нови-Сада²⁵.

Важным направлением национальной науки является исследование российско-сербских культурных отношений в XVIII в. К такого рода работам относятся статьи М. Божков, значительно расширившие научные представления о функционировании российских книг в сербском обществе и влиянии русской и украинской литературы на развитие общественной мысли сербов. Рассматривались связи сербов в области культуры и с другими народами²⁶.

Развитие сербской культуры в контексте исторического развития югославянского региона получило освещение в "Истории народов Югославии"²⁷. Отдельные виды сербской культуры XVIII в. представлены в фундаментальном обобщающем труде "История сербского народа"²⁸, опирающемся на источниковый материал и новейшие аналитические исследования.

Конкретные явления интеллектуальной и художественной жизни сербского общества в XVIII в. рассматривались в статьях самого разнообразного характера. Многие из них расширили фактические сведения о культурном процессе и отмечены глубиной постановки вопроса²⁹.

Современная национальная историография связала развитие сербской культуры XVIII в. с подъемом буржуазии как составной части широкого процесса возвышения третьего сословия в Европе.

В России видным исследователем сербской культуры XVIII в. был Н. А. Попов³⁰. Книга К. Т. Радченко “Досифей Обрадович и его литературная деятельность” (Киев, 1897) в настоящее время является лишь фактом историографии.

Серьезно разрабатывалась тема российско-сербских связей. В 1876 г. в Киеве вышла книга Н. Петрова “Исторический взгляд на взаимные отношения между сербами и russkimi в образовании и литературе”. Известный славист П. А. Кулаковский в монографии “Начало русской школы у сербов в XVIII в.” (СПб., 1903) подробно осветил деятельность М. Суворова и других учителей из России по налаживанию начального образования у сербов. П. А. Заболотский показал русское влияние на сербскую литературу Нового времени³¹.

В последние годы русские и украинские ученые в связи с общим повышением научного интереса к XVIII в. и проблемам культуры издали немало работ, касающихся разных сторон духовной жизни сербов в рассматриваемое время. Большое внимание уделялось российско-сербским связям в сфере культуры. Свежие факты об учебе сербов в Киево-Могилянской академии в XVIII в. привел известный украинский ученый Ф. П. Шевченко в книге “Роль Киева в межславянских связях в XVII — XVIII вв.”³². В Москве в 1984 г. вышел солидный корпус документов “Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в.”, где в рамках широкой проблемы получили освещение и вопросы культурного взаимодействия сербов с народами России. А. П. Бажова в монографии “Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в.” (М., 1982) на основе архивных материалов показала в комплексе политические, экономические и культурные отношения России с югославянскими землями и важное значение этих связей для обеих сторон. В последние годы на Украине были защищены кандидатские диссертации о взглядах М. Козачинского и украинско-сербских контактах в XVIII в.³³.

Характеристика разных сторон сербской культуры XVIII в. содержится в работах общего плана. В книге Л. С. Алешиной и Н. В. Яворской “Искусство Югославии. Очерки” (М., 1966) нашли место творческие портреты виднейших сербских художников XVIII в. Крупными знатоками сербского эпоса были И. Н. Голенищев-Куту-

зов и Н.И. Кравцов³⁴. Важная тема развития литературного языка сербов стала предметом анализа в многоплановом труде Н.И. Толстого "История и структура славянских литературных языков" (М., 1988). В. П. Гудков в монографии "Сербская лексикография XVIII века" (М., 1993) исследовал сербские словари XVIII столетия.

Развитие отдельных видов культуры сербов на протяжении веков в связи с общеисторическим процессом раскрыто в обобщающем труде "История Югославии" (Т. 1. М.. 1963). Состояние сербской культуры в период Просвещения в совокупности с однотипными интеллектуальными и художественными явлениями у других народов Восточной Европы представлено в книгах "Концепции национальной художественной культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы XVIII — XIX вв." (М.. 1985) и "Культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху Просвещения" (М., 1988). Сербские сюжеты присутствуют также в разного рода изданиях со всемирным охватом истории культуры, в соответствующих разделах вузовских учебников по истории южных и западных славян.

В многочисленных статьях, дополняющих солидные издания, поднят широкий круг конкретных вопросов, относящихся к структуре сербской культуры XVIII в., языковому облику литературы, творчеству наиболее видных писателей и художников, поэтике фольклора и др.

Обширна и разнообразна литература о явлениях сербской культуры XVIII в. Наука располагает большим фактическим материалом. Принципиальным итогом его научного анализа является вывод о связи перемен в духовной жизни сербов с социальными процессами при воздействии на общественное сознание и общеевропейских культурных новшеств.

Однако отдельные отрасли сербской культуры изучались неравномерно, притом изолированно друг от друга, в лучшем случае в совокупности и параллельно. Глубже других рассмотрена литература, слабее показаны общественная мысль, научное сознание, музыка. Исследование внешних связей разных отраслей сербской культуры, включая российско-сербские взаимоотношения, велось в отрыве от внутреннего преобразования сербской и русской духовной жизни. Многие вопросы как общего, так и частного характера остаются

вовсе неизученными или нуждаются в дополнительном освещении. Это касается критериев периодизации и характеристики этапов сербского культурного процесса в XVIII в., причин и закономерности возникновения сербской культуры Нового времени, ее основополагающих категорий, связей с предшествовавшей средневековой традицией и современной духовной жизнью других европейских стран, значения в общественном развитии сербского народа и др.

В основу настоящей книги положено видение культуры как сложной, многогранной и целостной системы. В монографии ставится задача показать развитие культуры сербского народа в связи с изменениями характера общества, раскрыть содержание историко-культурного процесса в XVIII в.. Хронологические рамки работы определяются, с одной стороны, таким важным в истории сербов событием, как переселение многочисленной части народа в конце XVII в. из Сербии в Австрийскую монархию, с другой — Первым сербским восстанием 1804 — 1813 гг. Крупные исторические события всегда являлись важным фактором духовного развития общества, хотя их воздействие на культурный процесс было далеко неоднозначным.

Одним из наиболее сложных вопросов является выработка показателей зарождения в позднесредневековых условиях культуры нового исторического типа. В качестве главного критерия сдвига в историко-культурном процессе представляется изменение социального содержания культуры, которое наиболее отчетливо выражается через идеологию. Поэтому показателем зарождения нового исторического типа культуры можно считать возникновение мировоззрения, отличного от средневековых стереотипов, появление признаков осознания обществом исторических задач Нового времени.

Процесс смены исторических типов культуры, начавшийся у сербов в XVIII в., растянулся на целое столетие. На этом пути принципиальное значение для духовной жизни народа имело Первое сербское восстание, положившее начало освобождению Сербии от средневековья и турецкого угнетения. Оно стало рубежом в историческом развитии сербов, дав мощный импульс во все сферы жизни, в том числе и духовную, подняв сознание общества на новую ступень на основе достижений XVIII в. и одновременно в результате преодоления исторически изживших себя идеалов Просвещения,

его иллюзий и наивного оптимизма. Уровень, состояние и тип культуры при всей относительной самостоятельности духовной сферы в конечном итоге определялись всей совокупностью социальной практики народа.

Не отрицая правомерности и значения исследования истории культуры "по видам", комплексный подход позволяет раскрыть то, что объединяет в целостную систему духовный процесс, представляющий собой осознание обществом себя и освоение окружающего мира (разные формы общественного сознания); деятельность по получению материализованных результатов познания и отражения жизни и их распространению в обществе (издательское дело, периодическая печать, школы, библиотеки, др. учреждения); формирование типа Личности как идеальная цель такой деятельности, реальные результаты ее воздействия на сознание рядовых людей.

Рассматривая культуру с точки зрения глубинных, сущностных связей всех ее видов, уровней и компонентов, можно выделить следующие основные категории этого сложного общественного комплекса: социальную многоукладность культуры; социально-этническую целостность культуры; сочетание и взаимосвязанность идеально-осознанного (так называемого профессионального) и стихийно-психологического начал в духовной сфере; открытость культуры для внешнего воздействия, ее общечеловеческое наполнение. Духовное достояние человечества при всех антагонизмах и конфронтациях разной природы выполняет связующую роль между людьми в мире и в цепи времен.

Многое сделано наукой в области изучения культуры сербского народа XVIII века. Но нет предела человеческим знаниям. Неизвестные ранее факты, неожиданный поворот исследования, свежий угол зрения способны открывать новые аспекты сербского культурного процесса.

В настоящей монографии приводятся тексты на народном языке сербов в современном переводе, цитаты на церковнославянском и русском языках XVIII в. даются в соответствии с "Правилами издания исторических документов в СССР" (М., 1969).

ГЛАВА I

СЕРБСКИЙ НАРОД В XVIII ВЕКЕ

Под властью Австрии, Турции и Венеции

1 690-й год круто изменил судьбы значительной части сербского народа. В этом году 60-70 тыс. сербов, живших под властью Турции, в ходе австро-турецкой войны и отступления австрийских войск, спасаясь от насилий и зверств со стороны османов, переселились во главе с патриархом Арсением III Црноевичем¹ в монархию Габсбургов. Безудержными и массовыми были эмиграционные волны, связанные с австро-турецкими войнами 1737-1739 и 1788-1790 гг.

В конце столетия в Австрийской монархии насчитывалось 650 — 680 тыс. сербов². В Сербии проживало около 1 млн. человек и примерно столько же сербов — в других балканских провинциях под властью Порты, а также в Далмации и Боке Которской, входивших в состав Венецианской республики³.

На протяжении веков сербы подвергались чужеземному угнетению, однако были неодинаковы положение сербского народа в составе равных государств, уровень социально-экономического развития, условия общественной жизни и состояние культуры.

С переселением значительной части сербов в государство Габсбургов, где были более благоприятные условия для их развития, нежели на Балканах, в Австрийской монархии сложилось сербское культурное ядро, которое вплоть до середины XIX в. доминировало в духовном развитии сербского народа. Сербы населили в основном исторические области Бараню, Бачку, Банат и Срем, в которых исстари проживало сербское население. В XIX в. за ними закрепилось название Воеводины⁴.

Они были присоединены к Австрийской монархии в результате войн с Турцией по Карловицкому миру 1699 г. и Пожаревацкому миру 1718 г. Согласно последнему договору, под власть Габсбургов отшла и большая часть Сербии с Белградом. Однако по условиям Белградского мира 1739 г. Австрия утратила эти владения. Сербские поселения сложились также в средней Венгрии, Хорватии и Австрии.

В XVIII в. территория основного расселения сербов в Австрийской монархии имела неодинаковое административно-политическое устройство. Так называемый "Провинциал", или районы гражданского управления, первоначально большей частью находился непосредственно под властью Вены, а затем входил в состав Венгрии и Славонии. Венгерское королевство, располагая феодальной конституцией, занимало особое положение в государстве Габсбургов. В течение столетия на пограничной с Турцией территории вдоль Савы, Тиссы и Дуная формировалась Военная Граница как область военных поселений. Она подчинялась австрийским властям. После многочисленных реформ статус Границы был окончательно утвержден "Основным законом" 1807 г.

Первая половина XVIII в. в истории сербов в Австрийской монархии прошла под знаком австро-турецких войн, мощного антигабсбургского восстания в Венгрии под руководством Ференца II Ракоци, когда обе стороны стремились вовлечь сербов в борьбу под своим флагом, бесконечных конфликтов между австрийскими военными властями и венгерскими, а также хорватскими феодалами за господство над сербскими крестьянами, давления на непокорный народ, его волнений, а также разбоев и опустошительной чумы. Лишь в середине века стабилизировалось состояние, получили очертания формы социальной жизни на территории по Саве, Тиссе и среднему Дунаю.

Положение сербского народа в габсбургском государстве определялось нормативными актами - "Привилегиями"⁵. Желая привлечь сербов и заселить опустошенные войной пограничные с Турцией области, Леопольд I в 1690 — 1695 гг. даровал православным поселенцам права, согласно которым они находились под защитой монарха и пользовались автономией. Митрополит был признан главой православного населения. "Привилегии" стали основой сербского самоуправления. Однако они были предметом постоянной борьбы между сербами, стремившимися упрочить свое положение в монархии, и Габсбургами с их политикой ограничения привилегий исключительно церковными делами. Позиция Вены в отношении сербского народа колебалась в зависимости от взаимоотношений двора с венгерскими и хорватскими "чинами и сословиями", потребностей в грани-

чарских войсках, внешнеполитической активности Австрии и ее заинтересованности в поддерживании союза с Россией. В первой половине XVIII в. австрийские монархи в обстановке восстания Ракоци II и двух войн с Турцией были вынуждены неоднократно подтверждать права сербов. Но тенденция была к сокращению объема привилегий.

Во второй половине XVIII в. положение сербов существенно изменилось. 60-80-е годы в Австрийской монархии характеризовались реформами "просвещенного" абсолютизма, охватившими экономическую, политическую, церковную и культурную жизнь государства. Вызванные потребностями крепнувшего рыночного хозяйства, они до некоторой степени облегчали общественное развитие, но вместе с тем означали укрепление централизаторского режима и упрочение над угнетенными народами власти Габсбургов.

Реформы Марии Терезии и Иосифа II оказали двойственное влияние на развитие сербов. В 1779 г. была издана "Декларатория", дополненная в 1782 г. консисториальной системой. Вплоть до 1868 г. они определяли положение православной церкви⁶. В 1781 г. Иосиф II знаменитым декретом "о веротерпимости" провозгласил свободу отправления христианских культов. Декрет не означал равноправия православия и государственного католицизма, но расширял общественные возможности православных подданных.

"Декларатория" свела самоуправление сербов к церковным и школьным делам, подвергнув их прямому надзору со стороны австрийского государства. Правительственный акт утверждал автокефальность православной церкви. Ее главой в габсбургском государстве выступал митрополит. Он избирался народно-церковным събором — церковным и общественным форумом, состоявшим из представителей Провинциала и Военной Границы, — и утверждался Веной. "Декларатория" закрепляла верховную власть над сербами австрийского монарха.

Вместе с тем "Декларатория" отменила некоторые отжившие обычаи в жизни сербов. Она ограничила компетенцию церкви духовной сферой, регламентировала доходы и судебную власть православного духовенства, поставила некоторые препоны своеволию клира и т.д. Реформы "просвещенного" абсолютизма способствовали секуляриза-

ции общественной жизни сербов. В то же время они подорвали и без того ограниченную автономию православного населения.

В годы “просвещенного” абсолютизма сербы столкнулись с новым политическим явлением — насилиственной германизацией. В 1784 г. Иосиф II ввел немецкий язык в качестве официального во всем государстве. И хотя накануне смерти австрийский монарх отменил свои реформы, кроме декрета “о веротерпимости”, его германизаторские меры остались в памяти угнетенных народов. На Военной Границе германизация югославянского населения постоянно была неотъемлемой частью австрийской политики.

Реформы “просвещенного” абсолютизма вызвали среди сербов острую и неоднозначную реакцию. Сложное сплетение разнородных социальных интересов, ущемления народа в правах, религиозный испуг и паника привели к волнениям, особенно значительными были они в 1777 г. в Бршце и Нови-Саде. В то же время на протяжении второй половины XVIII в. австрийский двор под давлением политических обстоятельств неоднократно учреждал самостоятельные высшие органы власти, ведавшие делами сербов в монархии. Их функционирование способствовало утверждению сербов в сознании своей значимости в государстве, не только религиозной, но и политической автономии.

Поскольку часть территории, на которой проживали сербы, входила в состав короны св. Иштвана, венгерское дворянство претендовало на полновластное господство на ней. Государственное собрание королевства отказывалось признать права сербов. Лишь в 1791 г. после смерти Иосифа II, когда развернулось венгерское национально-освободительное движение, Государственное собрание, желая привлечь сербов и предотвратить их использование новым австрийским монархом Леопольдом II в целях ослабления Венгрии, уравняло православное население в гражданских правах в соответствии с сословным принципом и признало его церковно-школьную автономию⁷. Но провозглашенное равенство католиков и православных осталось формальным.

В конце XVIII в. появилась угроза мадьяризации невенгерского населения Венгрии. На Государственном собрании 1790–1791 гг., которое отразило двойственный характер венгерского национально-

освободительного движения — его направленность на достижение венграми равноправия, но одновременно и претензии венгерского дворянства на господство над невенгерскими народами — впервые встал вопрос о введении венгерского языка в официальную жизнь многонационального королевства. Но тогда оппозиции удалось добиться от австрийских властей лишь согласия на организацию кафедр венгерского языка в высших и средних учебных заведениях Венгрии. Началось принудительное обучение сербской молодежи венгерскому языку. В дальнейшем сфера его официального употребления постепенно расширялась и политика мадьяризации становилась все опаснее.

Несмотря на дарованную сербам австрийскими монархами свободу вероисповедания, сербский народ постоянно подвергался религиозному давлению. На протяжении XVIII в. католическое и униатское духовенство настойчиво и упорно при скрытой, а иногда и явной поддержке государственного аппарата навязывало сербам унию. Это был один из путей упрочения над ними господства Габсбургов.

В XVIII в., когда религия пронизывала духовный мир сербов и православие воспринималось ими как связующее начало и неотъемлемая черта сербской общности, посягательства на веру ощущались весьма остро, вырастая в сознании до угрозы гибели народа. На противодействии унии в значительной мере держался авторитет православного духовенства в сербском обществе. Религиозное неравноправие сербов проявлялось в социально-экономической, политической и общественной жизни.

Формирование административно-политического устройства Границы шло в направлении ликвидации местного самоуправления, утверждения господства немецкой военной бюрократии, полной милитаризации жизни и германизации югославянского населения.

На исходе XVIII в. в жизни сербов в Австрийской монархии произошло знаменательное событие. Влияние Французской революции, неудачная для Австрии война с Турцией, потребовавшая больших человеческих и материальных жертв, смерть Иосифа II, проводившего в стране жесткий абсолютистский курс, — эти события разного характера и значения привели в движение угнетенные народы. Для австрийского двора сложилась трудная и опасная ситуа-

ция. В противовес Государственному собранию Венгерского королевства Леопольд II санкционировал созыв народно-церковного сабора православного населения. Эта мера преследовала цель оказать давление на Венгрию, но одновременно была уступкой сербам и влахам. На Темишварском саборе 1790 г., имевшем отчетливо политический характер, выявились две тенденции, одна из которых была ориентирована на Вену и преследовала задачу учреждения территориальной автономии сербов, а вторая — на включение их в государственную систему Венгрии. Документы сабора отразили эти противоречивые линии⁸.

Напряженная динамика политического процесса, переживаемого сербами в Австрийской монархии в XVIII в., — нарастание государственного бюрократического давления, натиск венгерского дворянства, нажим католической церкви, с одной стороны, и начавшееся национальное пробуждение других угнетенных народов, с другой — все это создавало действенный фон духовного развития сербского общества.

На Балканах сербский народ жил в условиях разложения военного позднесредневекового строя Османской империи. Сербия была подвержена военным опустошениям, свирепым грабежам османов, Босния — междуусобным кровопролитным столкновениям провинциальных сановников. Ослабление центральной власти сопровождалось анархией, произволом и бесчинствами османов над христианской рабий. На рубеже веков в Белградском пашалыке разгул насилия получил небывалый размах. В феврале 1804 г. османы уничтожили наиболее авторитетных и видных сербов. Это событие, получившее в народе название “сеча кнезова”, явилось непосредственным толчком к народному восстанию.

Традиционными институтами жизни сербов в Белградском пашалыке были сельская община, располагавшая правом сбора налогов и распределения повинностей, и патриархальная семья — задруга, в мире насилия последняя защита и убежище для рабий. Они сыграли важную роль в противостоянии угнетению и сохранении этнической самобытности сербов. Именно в Сербии, где общественные противоречия достигли предельной остроты, в начале XIX в. разыгрались события, получившие судьбоносное значение для всего народа.

Важным политическим фактором, существенно влиявшим на жизнь сербов, были войны габсбургской монархии и России с султанской Турцией. Австро-турецкие войны, в ходе которых Габсбурги стремились использовать порабощенные Турцией народы в качестве орудия своей политики, тем не менее активизировали сербов, не только находившихся под властью Порты, но и австрийских подданных. В еще большей мере надежды на возможность освобождения от османского ига крепли в результате успешных войн России с Турцией. Войны сопровождались подъемом вооруженной борьбы угнетенного населения с османскими войсками. И хотя она направлялась соответствующими дворами, народ вкладывал в борьбу свои надежды и чаяния. Самостоятельные действия добровольческого отряда под командованием Кочи Анджелковича в ходе войны Австрии и России против османской Турции в 1787-1791 гг. стали прелюдией восстания в Сербии. Войны создавали новые международные предпосылки для борьбы сербского народа против османского гнета.

Действия добровольческих отрядов, включавших население с той и другой стороны Савы и Дуная, неоднозначные по своему характеру выступления гайдуков, одним из руководителей которых был будущий вождь Первого сербского восстания Карагеоргий Петрович, миграция населения в зависимости от движения войск, напряженное ожидание населением освобождения от османского ига, юридически закрепленное в договорах покровительство России единоверным народам под властью Порты — эти стороны жизни сербов, особенно во второй половине XVIII в., создавали ту политическую, социальную и психологическую атмосферу, без которой невозможно представить сплачивание сербской нации, развитие национального самосознания, зарождение освободительной мысли, общественный взрыв в Сербии в начале XIX в., потрясший все Балканы.

Хозяйство

В XVIII в. в хозяйстве Барани, Бачки, Баната и Срема протекали процессы, характерные для Австрийской монархии в целом, но с локальными особенностями.

В годы присоединения к государству Габсбургов это были обжитые, с торгово-ремесленной традицией национальных местечек, но

обезлюженные в ходе трех опустошительных войн и османских набегов заболоченные земли. Центральное правительство, заинтересованное в хозяйственном оживлении новых владений, а также преследуя политические цели, проводило в широких масштабах их колонизацию. С середины XVIII в., со стабилизацией положения она получила особый размах, продолжаясь еще и в первой половине XIX в. Так сложилось пестрое в национальном отношении население Воеводины⁹.

Интересы фиска и меркантилистические принципы побуждали правительство проводить мелиорационные работы, строить каналы, регулировать водное сообщение, поощрять культивацию новых сельскохозяйственных культур. Эти меры содействовали относительно быстрому оживлению экономики края.

В той мере, в какой отдельные части территории по Саве, Тиссе и среднему Дунаю различались между собой по административно-политическому положению, они различались и в социально-экономическом отношении. Но второй половине XVIII в. гражданские районы были областью государственного и дворянского землевладения¹⁰. Большая часть земель здесь оказалась в руках иностранцев, венгров и немцев, но имелся немногочисленный слой сербских, хорватских и влашских землевладельцев. Среди сербов не было титулованной знати, в основном это были дворяне среднего и малого достатка¹¹.

В первой половине XVIII в. в условиях общей нестабильности жизни отношения между феодалами и крестьянами не были упорядоченными. В середине века государство под влиянием крестьянских волнений, потребностей развивавшейся промышленности и необходимости устойчивых налоговых поступлений в казну регламентировало их специальными актами — в Венгерском королевстве генеральными урбариями.

С 70-х годов XVIII в. в связи с повышением потребностей экономики более развитых областей монархии в продовольствии для городов и сельскохозяйственном сырье для растущей промышленности, а также с усилением спроса на зерно на мировом рынке стала быстро расти товарность дворянских хозяйств Посавья и Подунавья. Приспособление дворянских владений к рынку, общее изменение образа жизни землевладельцев и повышение их запросов сопровождались наступлением на земли и права зависимых крестьян. Сокра-

щение крестьянских угодий в результате расширения барской за-пашки, возрастание повинностей, лишение крестьян их старинных хозяйственных прав, неуклонное повышение государственных налогов и всякого рода поборов, наконец, насилия со стороны чиновников и барских служащих — такова была безотрадная картина села в Провинциале на исходе XVIII в. С другой стороны, и сами крестьяне втягивались в рыночные отношения. На арену социальной жизни выступил крестьянский вопрос¹².

В XVIII в. формировалась экономическая организация Военной Границы. Ее основой были верховная собственность государства на землю и “ленные” держания граничар на условии несения военной службы и выполнения разного рода повинностей. В связи с лишением граничар былых свобод, введением дополнительных платежей и отработок на Границе периодически вспыхивали волнения. Наиболее крупные из них произошли в середине XVIII в.

Экономика Военной Границы непосредственно зависела от политики австрийского правительства. Поскольку граничарские хозяйства обеспечивали содержание многотысячной армии, военные власти в определенной мере старались поднять здесь сельскохозяйственное производство. Однако ограничения хозяйственной деятельности, тяжесть военной службы и принудительных работ, мелочная регламентация всей жизни, злоупотребления немецких военных властей — все это было препятствием на пути социально-экономического прогресса.

Потребности населения в промышленных изделиях удовлетворяло городское цеховое и сельское ремесло. Среди безбрежного моря ремесленных мастерских во второй половине XVIII в. возвышались одинокие мануфактуры. В Темишваре открылось текстильное предприятие, работали мануфактуры по производству сукна, бумаги, кирпича, пороха, веревочно-канатных изделий и др.¹³. Однако крупная промышленность не получила еще устойчивого влияния. Ее развитие проходило с большим трудом и крайне медленно. Оно тормозилось зависимым положением крестьян, военным режимом на Границе, ограничительной политикой Габсбургов и начавшейся конкуренцией австрийской промышленности, набиравшей силу не в последнюю очередь за счет эксплуатации Венгерского королевства и Воинной Границы¹⁴.

Торговый капитал опутал города и села, открыв для себя заманчивые перспективы и во внешнем мире. Характер и уровень торговли непосредственно зависели от местной производственной базы и экономической политики Габсбургов, регулирующей коммерцию в соответствии с интересами австрийских наследственных земель. Живой и прибыльный обмен совершался на базарах и ярмарках. С 70-х годов XVIII в. среднее Подунавье, наращивая вывоз зерна, стало превращаться в житницу Европы. Хлеб и скот отправлялись отсюда на австрийский и внешний рынки. Важным пунктом хлебной торговли был город Бечей на реке Тиссе. Ее подъему способствовали строительство дорог, регуляция водных артерий.

В XVIII в. важным направлением торговой политики Австрии стало проникновение на Восток. В мирных договорах, заключенных между Австрией и Турцией, неизменно присутствовал тезис о свободе торговли между ними. В начале 70-х гг. XVIII в. объем австро-турецкой торговли удвоился и имел тенденцию дальнейшего роста. Основная часть товарного потока шла через Белград и Земун. Сербию и среднедунайские земли в монархии экономически связывали как двусторонний обмен, так и международный транзит через них¹⁵.

Экономический подъем Барани, Бачки, Баната и Срема, ставший особенно заметным с 70-х гг. XVIII в., сопровождался ростом городов¹⁶. Он происходил и за счет переселенцев с Балкан, так как перемещались самые видные и имущие горожане. Однако городская экономика, в которой довлели торговля, ремесло и сельское хозяйство, сохраняла характер, свойственный городам позднесредневекового типа¹⁷. Ростки рыночного хозяйства Нового времени были слабыми и не могли еще существенно изменить общий облик городов.

Важным центром оптовой и розничной торговли был Земун. Он занимал чрезвычайно выгодное географическое положение на перекрестке двух важнейших торговых артерий, имевших международное значение. Одна из них связывала Венгрию, а через нее и Среднюю Европу со Средиземноморьем, а вторая — Австрию и Западную Европу с Османской империей. Полноводные реки, важные сухопутные дороги, отходившие от города, создавали возможность для широких хозяйственных связей.

Торговое значение Земуна стало быстро расти с 70-х гг. XVIII в.

и достигло кульминации на рубеже XVIII и XIX вв. В 1780 г. доходы земунской таможни составляли огромную для того времени сумму — около 100.000 форинтов. Тесные хозяйствственные связи поддерживались между Земуном и Белградом. Между ними каждодневно действовала скела — место на границе для провоза товаров и пассажиров. О живости этого сообщения говорит тот факт, что в 1786 г. она была сдана на откуп за 15.000 фор. в год. Крупные земунские торговые фирмы имели свои филиалы и комиссионерские заведения в Белграде, а турецкие подданные располагали агентствами в Земуне. С началом Первого сербского восстания транзитная торговля через Земун ослабла, поскольку обмен с Сербией был затруднен, и поток восточных товаров направился в Австрийскую монархию, минуя Белград. В дальнейшем хозяйственная обстановка для Земуна неоднократно менялась. Но с ростом Белграда роль Земуна в австро-турецкой торговле постепенно снижалась¹⁸.

В числе крупных торгово-ремесленных центров выдвигался видный и имущий Нови-Сад, получивший в 1748 г. статус свободного королевского города. Если в 1762 г. в нем насчитывалось 173 ремесленника, то в 1774 г. из 8491 жителя 1134 человека были связаны с торговлей и 902 — с ремеслом¹⁹. В середине 70-х годов торговлей и ремеслом занималась почти половина мужского населения. В 1805 г. город насчитывал около 13 тыс. жителей. Через несколько лет сербский ученый, писатель, собиратель и издатель фольклора Вук Караджич назовет Нови-Сад “самым большим сербским обществом на свете”²⁰. Рост городов означал увеличение общественного влияния и роли торгово-ремесленного населения.

В XVIII в. экономическая жизнь Барани, Бачки, Баната и Срема сошла с привычной, устоявшейся колеи. В ней сталкивались и перемешивались монопольные привилегии и деловая инициатива, прибыльная коммерция и стабильная ценность земли, традиции натурального хозяйства и запросы рынка. Начался переход от позднесредневековых форм хозяйствования к рыночным. К концу столетия при всей замедленности и отяженности многочисленными препятствиями процесс нарастания новых явлений стал более заметным. Их значение усиливалось благодаря общему укреплению рыночной экономики Нового времени в монархии и в Европе. Век Просвещения окрашивали глу-

бинные противоречия материального мира.

Балканы, где проживала большая часть сербов, относились к региону с исключительными особенностями социально-экономического развития. Характерной чертой аграрных отношений в Сербии и Боснии во второй половине XVIII в. было ускорение при всех локальных различиях процесса почитученья — насильтственного захвата преимущественно мусульманами земли в полную собственность. Это вело к усилению крестьянских тягот, а в Боснии — и к сгону крестьян с земли²¹. Аграрные процессы разворачивались на фоне периодического разрушения сел, эпидемий чумы. Но неиссякаемая сила народной жизни восстанавливала разоренные и разграбленные хозяйства. Райя использовала военные передышки и малейшие послабления угнетательского режима для наращивания земледельческих продуктов и особенно скота.

На особенности османского хозяйства налагались специфические черты сербской жизни с ее задругой, старинными обычаями хозяйственной взаимопомощи односельчан, общиными интересами. Все это создавало особый социальный мир сербского села.

В последнем десятилетии XVIII в. заметно выросла торговля Сербии и Боснии скотом с Австро-Венгерской монархией и транзитом через нее со Средней Европой. Из Боснии, которая являлась хозяйственной базой восточной Адриатики, нескончаемым потоком шли караваны с товарами в Дубровник и далматинские порты.

В Сербии извечное противостояние сельского мира городу усугублялось тем, что города здесь были средоточием турецкой администрации и войск, склонных ко всякого рода бесчинствам, и в них по численности и хозяйственной активности преобладали мусульмане, греки, армяне и другие национальности. Австро-турецкая война на исходе столетия разрушила хозяйство Белграда²².

К концу XVIII в. социально-экономический строй Сербии пришел в движение. Его доминантой было неудержимое втягивание крестьянских хозяйств в орбиту внешнего рынка. Торговля связывала-сербское село с набиравшей в Европе силу свободной рыночной экономикой.

Жизнь сербов под властью Венеции имела свои особенности. Далмация представляла собой в XVIII в. провинцию с существен-

ными климатическими и хозяйственными отличиями отдельных районов, разноликим административным управлением, запутанными аграрными отношениями. Сербы населяли в основном континентальную часть провинции с ее бесплодными каменистыми землями, бездорожьем и запустением. Венеция, получившая ее во второй половине XVII столетия, установила здесь систему военных поселений, аналогичную Военной Границе в Австрийской монархии. Военнообязанное крестьянство вело примитивное натуральное хозяйство, страдало от принудительных общественных работ. Голод и страх перед голодом были постоянными спутниками его жизни.

Прибрежная Далмация 400 лет находилась под властью Венеции, которая деспотически контролировала ее жизнь. Экономический и культурный облик приморья определяли города, постепенно набиравшие экономическую силу, много уступая, однако, по значению на Адриатике относительно свободному Дубровнику. Впрочем, сербы играли в далматинских городах подчиненную роль.

Позиция Венецианской республики в отношении православного населения Далмации была изменчивой в зависимости от обстоятельств. Но в целом православная вера была гонимой, и исповедующие ее сербы занимали ²³ униженное положение.

Общество

Сменились устои жизни, а с ними менялась социальная картина общества, трансформировались интересы, отношение к миру, ценностные ориентиры.

На Балканах сербского дворянства не было. Но в Австрийской монархии в течение XVIII в. сложился немногочисленный слой сербов-дворян, получивших дипломы в качестве вознаграждения за заслуги перед короной. В конце века правительство, испытывая в связи с войнами против революционной Франции растущие финансовые трудности, использовало продажу дворянских дипломов для пополнения опустевшей казны. Дворянство получали офицеры, богатые торговцы, чиновники, церковные сановники и их родня. Условия происхождения и жизни обуславливали гетерогенность сербского дворянства, разнородность судеб и интересов внутри него, тяготение его представителей к тем слоям населения, с которыми

были связаны в своей исходной деятельности. Хотя сербское дворянство участвовало в работе саборов, которые в течение XVIII в. неоднократно поднимали голос в защиту сербских привилегий, но не играло в них самостоятельной роли.

Малочисленные сербские дворяне, обретшие земельные владения и принявшие соответствующий образ жизни, ввиду шаткости своего положения тянулись к венгерскому дворянству в надежде на хозяйственное укрепление и повышение политической роли в опоре на него. Признание Государственным собранием за ними такой же правоспособности, какой обладали венгерские землевладельцы, окончательно сблизило тех и других. Нарастал процесс мадьяризации сербского дворянства. В целом, оно не наложило свойственного этому сословию в других частях монархии (например, в Венгрии, Хорватии) отпечатка на общественное и культурное развитие нации²⁴.

В жизни сербов особое положение занимала православная церковь. В Австрийской монархии она располагала землями и финансами фондами, которые, однако, не могли равняться с богатствами самовластной католической церкви. Освящая существующий социально-экономический порядок и держа в подчинении клерикальное общественное сознание сербов, Карловацкая митрополия была крепко связана со средневековьем. При малочисленности национального дворянства, в условиях церковно-школьной автономии высокое православное духовенство занимало самое видное место в сербской среде. В первой половине XVIII в. оно безраздельно верховодило не только в церковной, но и в светской жизни, являясь вершителем судеб сербского населения. Во второй половине столетия с социальными изменениями в сербском обществе и начавшимся пробуждением самосознания среднего класса монополия церкви была нарушена.

Вместе с тем православная церковь в Австрийской монархии выступала как конфессионально-политическая организация сербов. С церковью была связана ограниченная автономия православного населения, и Карловацкая митрополия проводила ее в жизнь. Существование самостоятельной церковной корпорации утверждало положение сербов как особого народа в габсбургском государстве.

В Австрийской монархии православный клир был лоялен к вен-

скому двору. В середине 70-х гг., когда разворачивались церковные реформы, Мария Терезия расположила к себе православных епископов богатыми подарками. Однако неудовлетворенность положением церкви, в особенности сужением ее материальной базы и ограничением власти, постоянно присутствовала в умонастроениях высшего духовенства. Стремление отстоять свои позиции и вместе с тем сознание нерасторжимости судеб православной церкви и сербского народа побуждали ее выступать в защиту особых прав православного населения²⁵. Она возглавляла религиозную самооборону сербов в условиях давления католицизма и навязывания уния. При всей непоследовательности церковь сдерживала угнетательский на- тиск на сербов и ограждала их самобытное развитие.

Более определенной была позиция Карловачкой митрополии в отношении османской власти на Балканах. Церковь поддерживала в сербах сознание их былой государственности. В последних десятилетиях XVIII в. в преддверии и во время австро-турецкой войны, когда многим сербам представлялось реальным освобождение Сербии и Боснии с помощью Габсбургов из-под власти Порты, отдельные священники проводили деятельную агитацию среди населения, призывая райю к выступлению против турок. Большую активность проявлял епископ Бачки Йован Йованович, который в годы войны трижды обезжал Сербию с целью поднять народ на восстание. В середине 1790 г. Йованович, разочарованный в политике Австрии, пожертвовавшей Сербией при заключении мира с Турцией, обратился с просьбой о помощи к России²⁶.

В 1804 г. с началом Первого сербского восстания Йован Йованович представил Александру I план воссоздания "сербского царства" (в действительности речь шла о южнославянско-валашском государстве) путем вооруженной борьбы угнетенных народов против Турции при поддержке и под покровительством России²⁷. В 1805 г. епископ направил послание "ко всей сербской и болгарской нации" с призывом подняться на борьбу против османского господства и при помощи России создать сильное и просвещенное государство²⁸.

В непосредственной связи с событиями в Сербии митрополит Стефан Стратимирович, глава православной церкви в Австрийской монархии, составил тайный проект создания дипломатическим пу-

тем нового Славяносербского государства в составе Сербии, Срема, Боснии, Герцеговины, части Далмации с Бокой Которской под верховной властью Порты и под покровительством России. В нем виделась предпосылка благоприятных и для сербов в Австрийской монархии перемен. Свой проект Стратимирович передал Александру I²⁹. Он поддерживал и практические связи с руководством повстанцев. Однако отношение митрополита к восстанию в целом было сложным. Сочувствуя национально-освободительной стороне движения, он в то же время официально следовал в фарватере австрийской политики, направленной против развития восстания, и придерживался консервативной позиции, что расходилось с конечными устремлениями отважно поднявшегося на борьбу народа.

Хотя в вихре событий православная церковь в Австрийской монархии сохраняла бытые устои, духовенство испытывало влияние исторических перемен. Усугублялась разница в положении сановников и сельских священников, что порождало различия в их психологии и настроениях. Если митрополиты, епископы, настоятели монастырей стремились обеспечить социальный мир и покорность населения, то приходские священники, близкие к простому народу, иногда возглавляли бунтовавших крестьян и граничар. Во второй половине XVIII в. в среде духовенства начались новые процессы, в результате которых отдельные наиболее образованные и дальновидные представители духовенства стали проникаться просвещенческими веяниями.

На Балканах после ликвидации в 1766 г. Печской патриархии и распространения на ее территории юрисдикции Константинопольского патриаршества руководство церковной жизнью оказалось в руках фанариотского греческого духовенства, которое стояло на пути национального развития всех балканских народов. Но местная сербская церковь самоотверженно хранила косовские традиции — традиции героического сопротивления иноземному угнетению, ведущие свое начало с трагической битвы объединенных сербских сил против османских завоевателей в 1389 г. на Косово поле.

В XVIII в. сербские священники в противовес протурецкой позиции высшего фанариотского духовенства принимали деятельное участие в антиосманских движениях. Священники и игумены не-

редко возглавляли добровольческие отряды. Монастыри Йошаница и Раваница были опорными пунктами повстанцев под руководством Кочи Анджеликовича. Османы сожгли и опустошили их³⁰.

Особо следует отметить роль православной церкви в сохранении сербских древностей и реликвий. В условиях переселения и униженного положения сербов церковь выступала как олицетворение прерванной государственности, символ их былого величия, старины и значимости. Все это в сочетании с церковными фресками, иконами, гравюрами с изображением сербских святых имело значение в поддержании исторического сознания сербского народа. Церковь берегла средневековые культурные достижения сербов и тем самым создавала условия для преемственности историко-культурного развития.

В условиях разделения территории расселения сербов между разными чужеземными государствами и притом проживания их в ряде земель вперемежку с другими народами, в обстановке исламизации и германизации православная церковь выполняла важную функцию по поддержанию у сербов этнического самосознания, чувства общности исторической судьбы, понимания целостности народа.

Сербские церковные учреждения в Австрийской монархии и на Балканах сохраняли позднесредневековый характер. Однако на заре Нового времени их усилия по поддержанию этнической самобытности сербского народа, сбережению его культурных ценностей, консолидации сербов, как и их противостояние османскому игу отвечали общественным потребностям. Перед лицом угнетения сербская церковь на протяжении XVIII в. по ряду аспектов жизни представляла общесербские интересы. Влияние, а также сложность и противоречивость положения православной церкви в сербском обществе во многом обусловили специфику культурного процесса у сербов.

Отмеченный материальным прогрессом и вместе с тем наполненный противоречиями и борьбой XVIII век выдвинул у сербов на историческую арену новую социальную силу — городских торговцев и предпринимателей. Отличительной чертой их развития в монархии было то, что они сосредоточивались не только в городах на территории основного расселения сербов, но и в крупных экономических центрах Венгрии (Буда, Пешт), Австрии (Вена, Триест), Хорватии (Загреб, Крижевцы, Карловац, Копривница) и

хорватских секторов Военной Границы. Их хозяйственная деятельность была разносторонней, но главное место в ней занимала торговля хлебом и скотом. Это был по преимуществу торговый слой, сочетающий коммерцию с занятием сельским хозяйством, разного рода предпринимательством, экспедиционно-комиссионерскими делами, финансовыми операциями, откупом и т.д. Хозяйственный универсализм был спутником экономической незрелости среднего класса. В то же время он, как и распространение сербских торговых колоний по разным городам монархии облегчали сербским дельцам контакты с прочими социальными слоями сербского общества и связи в инонациональном мире.

Сербские торговцы и предприниматели в основном были среднедостатка. Но имелись и денежные люди, располагавшие солидными капиталами и поддерживавшие широкие деловые связи. На исходе века в Среме выдвинулся ряд крупных дельцов, которые совершали коммерческие сделки на десятки тысяч форинтов и находились в деловых сношениях с торговцами из Осиека, Риеки, Триеста, Граца, Вены, Пешта и других австрийских центров и городов Турции³¹. Так, горожанин Сремски-Карловцев Д.Анастасиевич Сабов разбогател, будучи портным, на торговле сукном, полотном и вином. Он занимался также виноградарством и финансовыми операциями. Сабов выступал заимодавцем австрийского государства в годы непрестанных войн и политических осложнений в конце века, ссужал деньги не только дворянам, но и городам. В 1791 г. он пожертвовал 20.000 форинтов на основание гимназии в Сремски-Карловцах. За свои разносторонние "заслуги" Сабов получил дворянство³².

Сербы-торговцы с целью увеличения капитала и расширения сферы деятельности организовывали компании, которые нередко охватывали купцов весьма отдаленных районов и разных национальностей. Знаменитая торговая компания, основанная сербами и греками в 1773 г. в Темишваре, включала 425 торговцев и ежегодно платила за привилегию весьма крупную сумму в 10.500 форинтов. Торговые компании вступали в разного рода договорные отношения, в том числе и с государством, осуществляли операции на территории всей монархии. Деловые оборотистые сербы держали в

своих руках значительную часть торговли с Турцией, занимали видное место в торговле с Италией, играли важную роль в экономике Венгрии и Хорватии в целом. Они поддерживали тесные контакты с Сербией, носившие главным образом деловой, но также личный и родственный характер³³.

Торговцы до характеру своей деятельности, а также ремесленники, которые обязательно проходили курс мастерства в других краях, составляли наиболее подвижную часть сербского населения в Австрийской монархии. Они непосредственно были знакомы с другим образом жизни, непохожим обликом городов, иной культурой. Все это расширяло их кругозор, облегчало восприятие накопленного человечеством культурного опыта. Эти факты иллюстрируют не только масштабы хозяйственной деятельности и размеры капиталов крупных сербских торговцев, но и широту их знакомств, условия получения и обмена информацией. Видные и деятельные горожане не могли не ощущать значимости своего места в жизни сербского общества,

Горожане проявляли высокую активность в общественных делах в рамках сербских привилегий. На сaborах, в епископиях и церковных общинах они вели постоянную и упорную борьбу с церковной иерархией за право участвовать в руководстве церковными и общественными делами и финансовыми фондами, против монопольных прав православного духовенства. Горожане боролись против давления церкви, поборов, вымогательств и своевластия высшего клира. В этой борьбе впереди шли сербские торговцы в Буде и Пеште³⁴.

Церковная иерархия была вынуждена считаться с настроениями и позицией торгово-предпринимательского слоя, тем более что он давал большие пожертвования на ведение общественных и церковных дел. Торговцы нередко являлись хранителями церковных драгоценностей, они играли главную роль в церковных общинах³⁵.

Одновременно горожане были деятельной силой в саборе и на местах в борьбе не только за сохранение привилегий, но и за расширение прав сербского народа, улучшение условий его национального развития. В преддверии Государственного собрания Венгерского королевства в 1790 г. сербы в Земуне обратились к митрополиту Путнику с призывом добиваться от Леопольда II подтверждения

привилегий, учреждения “правительствующего национального магистрата”, избрания воеводы, восстановления светской власти митрополита и его участия в работе Государственного собрания, уравнения сербов в гражданских правах, учреждения православных гимназий в Банате и Хорватии. Сербы в Сомбре настаивали на узаконении Государственным собранием сербских привилегий, введении гражданского равноправия сербов, свободном доступе сербской молодежи в гимназии, академии и университеты и обучении любым наукам, открытии семинарий и т.д.³⁶. Эти выступления делали торгово-предпринимательский слой значительным фактором общественном жизни сербов. В то же время совместные акции в саборе против давления центрального правительства, венгерского дворянства и католической церкви сглаживали конфликт между сербской городской средой и высшим православным духовенством.

Горожане-сербы в упорной борьбе с немцами и венграми обеспечили себе видную роль и в городской жизни Посавья и Подунавья. В Нови-Саде, Сомбре, Темишваре православные составляли если не большинство, то во всяком случае половину населения³⁷. Авторитет и влияние сдерживали тягу среди них к инонациональным господствующим слоям. Благодаря “Привилегиям” сербы-горожане были довольно отчетливо отделены от инонационального мира. Они всегда были связаны со своей этнической средой. Хотя официальным языком городских магistrатов в Венгерском королевстве являлся латинский, а языком деловых отношений считался немецкий, сербский язык был заметным явлением в общественной жизни городов с компактной массой сербского населения³⁸. На родном языке говорили в семьях и при неофициальных контактах. Все это благоприятствовало развитию в сербской торгово-предпринимательской среде национального самосознания.

С повышением материального достатка и общественного авторитета национальные торговцы и предприниматели упрочивались в стремлении к самостоятельной, решающей роли в сербском обществе, к свободе и общему улучшению условий своей деятельности. Однако относительная возможность обогащения в существующих условиях, численная слабость, различные контакты с высшим клиром — все это порождало у них осторожность в мыслях и действиях.

Психология и сознание горожан с трудом освобождались от средневековых стереотипов. Свои надежды многие из них еще связывали с тем, как бы выбиться в дворянство.

Развитие городского населения на Балканах протекало в условиях позднесредневековой государственной регламентации всех сторон экономической жизни. Больше свободы и возможностей накопления предоставляла торговля. Во второй половине XVIII в. материальный достаток ряда православных балканских торговцев достиг такого уровня, что это позволяло им совершать сделки в Австрийской монархии и Германии вплоть до Пешта, Вены и Лейпцига. Они надолго задерживались и даже селились в наиболее известных экономических центрах монархии и Адриатического побережья. Их отношения с местными торговцами были сложными — совершались и совместные операции, случались и конфликты на конкурсной основе. При этом сербы не порывали связей с родными краями, завещали богатые дары монастырям, случалось, и сами посещали их. С 70-х годов под давлением венского двора ускорился процесс перехода их в австрийское подданство и слияния с местной сербской торгово-предпринимательской средой³⁹. Проживавшие в балканских городах сербские торговцы и ремесленники вели восточный образ жизни, но они были сплочены в рамках церковных общин.

Новые духовные потребности была призвана удовлетворить национальная интеллигенция, которая во второй половине XVIII в. складывалась в особый социальный слой. Православная молодежь в Австрийской монархии получала образование как внутри страны в протестантских лицеях, прежде всего в пожоньском⁴⁰ лицее с его высоким уровнем преподавания, католических гимназиях, в высших учебных заведениях Вены, так и за пределами монархии — в университетах Германии (Галле, Лейпциг, Геттинген), отличавшихся в то время свободомыслием⁴¹. Сербская интеллигенция сосредоточивалась в основном в Пеште и Нови-Саде. Она чутко ощущала импульсы, исходившие от внешнего мира — с Запада и из России. Интеллигенция имела и свои профессиональные интересы. У нее развивалось сознание своей важности в обществе, тем более при невысоком культурном уровне даже верхних и средних слоев сербского населения.

Интеллигенция становилась важным фактором национальной жизни. Ввиду слабости сербского дворянства в Австрийской монархии и его отсутствия в Сербии она отличалась от соответствующего слоя в Венгрии или Хорватии большей социальной (и соответственно идейной) однородностью. Благодаря общественному положению, образованию, контактам с европейской прогрессивной мыслью сербская интеллигенция в наибольшей мере была подготовлена к осознанию назревших общественных потребностей, выдвижению новых социальных идеалов и воздействию в соответствии с ними на общество. А компактность сосредоточения, связь множественными нитями с другими слоями облегчали подъем ее общественной активности. Этому способствовали и реформы "просвещенного" абсолютизма, которые при всей своей противоречивости благодаря антисклерикальной направленности утверждали светские начала в жизни.

На Военной Границе сложились династии сербов-офицеров. Высшие командные посты, как правило, занимали немцы. Но все же во второй половине XVIII в. было 32 серба — генерала и полковника, фактически слившихся с немецкой аристократией⁴². Граничарские офицеры силой самих обстоятельств, не в последнюю очередь благодаря замкнутому кругу родственных связей составляли особый слой. Их значимость и вместе с тем обособленность от других групп сербского населения получала общественное выражение в отдельном представительстве на народно-церковных сaborах. На Темишварском сaborе граничарские сербы-офицеры наряду с корпоративными интересами проявляли и более широкие стремления. Поддержав общие положения основного документа, они высказались также за уменьшение тягот граничар, развитие национальной школы на Границе⁴³. Жившие в атмосфере неметчины (языком военной службы был немецкий), клятвенно верные австрийскому монарху граничарские сербы-офицеры вместе с тем были крепко связаны со своим народом, а военные походы открывали для них новости и чужестранной жизни.

Основу социальной пирамиды составлял простой народ — крестьяне и граничары. На протяжении XVIII в. рынок вызвал перемены и в патриархальном мире села. В Австрийской монархии к концу века сербское крестьянство представляло пеструю массу и по обеспеченности

сти землей, и по имущественному положению, и по степени зависимости, и по роду занятий. Но все эти категории и группы крестьян объединяло стремление получить землю и освободиться от тягот.

В XVIII в. граничары-югославяне составляли треть австрийской армии. Они участвовали во всех многочисленных войнах, которые Габсбурги вели как на Востоке, так и на Западе⁴⁴. Военные поселенцы платили "дань" кровью австрийскому монарху, тем не менее их материальное положение было более обеспеченным, чем крестьян. Страх перед дворянским произволом был среди граничар-сербов столь велик, что тысячи из них в связи с демилитаризацией ряда секторов Границы в середине столетия предпочли переселиться в Россию, нежели оказаться под юрисдикцией дворянских властей. В сознании граничар сплетались и недовольство социальным и милитаристским гнетом, и иллюзии о своем особом положении в государстве и повышенной милости к ним монархов, и впечатления от далеких походов, и чувство родства с единоверным населением по другую сторону австро-турецкой границы.

Во второй половине XVIII в. на территории основного расселения сербов в Австрийской монархии появились мануфактурные рабочие. Но их было очень мало, и недалеко ушли они от крестьян.

В Сербии монолитность сельской райи, находившейся в патриархальных институтах села опору для выживания в условиях постоянных грабежей и насилий османов, общность ее интересов перед лицом угнетателей сочетались в конце века с появлением зажиточных крестьян — скопщиков и торговцев скотом. Они выделялись по роду занятий (но не по образу жизни), достатку, положению, пользовались большим общественным авторитетом и играли ведущую роль в местном самоуправлении. Именно зажиточные скотоводы-прастолы, связанные жизненными нитями с крестьянской гущей, остро ощущавшие всю тяжесть османского произвола на селе, неграмотные, но благодаря своей деятельности располагавшие разного рода информацией, выдвинулись в Сербии во главу национальной жизни. Этот слой не оторвался от села, но он не укладывался и в его патриархальные рамки.

Переходное время у сербов было отмечено разрушением устоявшегося сословного членения общества и появлением смешанных социаль-

ных типов. Это были дворянин, озабоченный рыночной конъюнктурой, купец, стремившийся подняться в ряды "земельных господ", церковный сановник, понимавший толк в ростовщических операциях, крестьянин, богатевший на торговле. Такая социальная нерасчлененность имела выход в общественную психологию, порождая нечеткость разграничения и даже порой слитность разнородных интересов.

В XVIII в. в Баране, Бачке, Банате и Среме ведущие социальные противоречия между феодалами и военной бюрократией, с одной стороны, крестьянами и границарами, с другой — ввиду разной национальной и конфессиональной принадлежности большей части господствующих кругов и трудового населения усугублялись национальным и религиозным противостоянием. В конце века скрытое и явное недовольство разной природы в сербском обществе создавало напряженный социальный климат. В Сербии на пороге нового столетия антагонизм между османами-угнетателями и христианской рапией достиг предельной остроты.

Социальные импульсы нарушили обычное духовное состояние сербов, веками находившихся в полном подчинении у православной церкви. На исходе XVIII в. духовная атмосфера представляла сложную картину, в которой смешивались смутная тревога старых сословий за свое будущее, надежды поднимавшихся сил на перемены, постоянное брожение простого народа. При этом в общественном сознании каким-то образом преломлялись судьбы сербского народа в целом.

Несмотря на разделение территории расселения сербского народа государственными границами, у него сохранялось единое религиозное и культурное пространство. В XVIII веке связи между сербами, входившими в разные государства, расширялись, крепли и обретали новые формы. Как уже отмечалось, на протяжении столетия постепенно нарастали торговые отношения между австрийским средним Подунавьем, Сербией, Боснией. Вместе с тем действовали объединявшие факторы вне экономики, происходили исторические события, способствовавшие преодолению изоляции раздробленных частей сербского народа.

В субъективном плане таким консолидирующим началом являлось прежде всего название "сербы". С давних пор сербское этническое са-

мосознание получало в нем законченное выражение. Сербы сохранили его и пронесли сквозь века вопреки историческим катастрофам и потрясениям. Этноним служил символом их генетического родства, общности судеб, целостности в условиях разделения государственными границами, смешанного с другими народами расселения.

XVIII век в истории сербов был отмечен массовыми миграционными процессами. Людские потоки шли с юга на север и с востока на запад. Вынужденное переселение сербов в Австрийскую монархию было крайне мучительным для народа. Толпы беженцев с домашним скарбом и скотом покидали родные места, порывали с устоявшимися привычными связями, погружаясь в чужой и неведомый мир. Прота Матия Ненадович, известный участник Первого сербского восстания, писал о событиях 1788 г.: “Меня и сейчас дрожь берет, когда я вспоминаю о том народном переселении... как народ стenal и мучился”⁴⁵. Многие беженцы, познав в чужих краях голод, холод и другие беды, возвращались на разоренные пепелища. Вместе с тем смешение населения с той и другой стороны Савы и Дуная, протекавшее на протяжении всего столетия, имело важное значение как в плане преодоления локальных бытовых и языковых различий, так и в поддержании в народе сознания своей целостности.

В XVIII в. были периоды, мирные или военные, когда Сербия (или часть ее) находилась в составе государства Габсбургов. Так было в 1718-1739 гг. и в ходе австро-турецкой войны 1788-1790 гг. Контакты между сербами из разных краев усиливались в ходе совместной борьбы за решение общей задачи — освобождение Сербии от османского владычества. В период добровольческого движения и позднее наиболее видные сербы из Белградского пашалыка —oberknезы, knезы, священники, торговцы — общались со своими единоплеменниками за Савой, граничарскими офицерами, добираясь даже до Вены. Эти контакты, благоприятные и неблагоприятные для Сербии, сама логика борьбы способствовали преодолению политических барьеров, формированию в сербской среде сознания общих задач, укреплению надежды на взаимопомощь. И не удивительно, что именно в это время зародилась в сербской среде освободительная политическая мысль.

Между сербами под властью Турции, Австрии и Венеции поддерживались обыденные контакты. Торговцы-турецкие подданные, находясь в Австрийской монархии, имели постоянную связь со своими родными местами, "ходили" в монахию монахи из балканских провинций, собирая и разнося всевозможную информацию, непоседливые зографы-иконописцы, передвигаясь от монастыря к монастырю, связывали своим мастерством отдаленные друг от друга районы Балкан, далматинские морлаки перебирались летом со скотом в австрийское и турецкое пограничье. Общение на бытовом уровне питало живую ткань "мира сербов".

Восстание в Сербии всколыхнуло сербов в Австрийской монархии, оказав огромное воздействие на их умы, чувства и настроения. Логическим развитием предшествующих постоянных контактов и сложившейся ситуации стала действенная помощь единоплеменников в монархии повстанческой Сербии вопреки контролю австрийских властей. Связи между сербами с той и другой стороны Савы и Дуная в годы Первого сербского восстания, получившие широкую народную основу и новые аспекты, стали важным фактором дальнейшего укрепления национальной общности сербов.

В рассматриваемое время важную роль в поддержании этнической целостности и самобытности сербов играли православная религия и церковь. Религиозное единство сербского народа на основе православия, корнями уходившее в средневековые, и с появлением новых факторов консолидации сохраняло значение связующего начала. Религиозная идеология, утрачивая в процессе общественного развития всеобъемлющий характер, подкрепляла зародившееся национальное самосознание. Но в процессе общения с другими народами, ввиду постоянного ущемления, религиозные чувства затрудняли и даже ограничивали духовные контакты сербов.

Православная религия оказала столь значительное влияние на общественную психологию, обычай, традиции, в целом на культуру сербского народа, что национальное размежевание между сербами и ближайше родственными им хорватами, явившись результатом всей совокупности особенностей их исторического развития, пошло по религиозному признаку.

До середины XVIII в. Печская патриархия объединяла в религи-

озном отношении всех сербов. Карловацкая и Цетинская митрополии оставались в ее лоне. Церковь не только поддерживала в сербском народе сознание своей целостности, но и на практике выступала как единственная связующая организация. Турецкие власти, ликвидировав в 1766 г. Печскую патриархию, разрушили целостность сербской церкви и тем самым лишили сербов устоявшейся в веках формы представительства как особого и притом единого народа. Но Печская патриархия, веками крепившая сербскую общность, прекратила свое существование, когда эта общность стала обретать новые очертания и основы.

Австрийское правительство во время своего двадцатилетнего правления в Сербии чинило препятствия ее церковному соединению с Карловацкой митрополией. В 1727 г. после упорных настояний карловацкого и белградского иерархов и народно-церковного собора, добивавшихся объединения митрополий, не без помощи щедрых "дишкреций" высокопоставленным должностным лицам временно власть над обеими митрополиями была сосредоточена в одних руках⁴⁶.

При существенной роли православной церкви в поддержании общности сербов в предшествующие века с началом действия новых общественно-экономических факторов это значение ослабевало. В процессе исторического развития сербов весьма ощутимыми будут консервативные черты церковного института, несмотря на его приспособление к меняющимся условиям жизни.

Наращивание в XVIII в. реальных связей между сербами, исторические судьбы которых временно разошлись, обеспечивало преемственность и общесербскую цельность культурного процесса при всех социальных противоречиях в обществе.

В XVIII веке сербский народ столкнулся с глобальными проблемами, решение которых придется на последующие столетия. Сербы вступили на путь перехода к Новому времени с его приоритетом частной собственности и соответствующими ей социальными отношениями, с национальными связями и открытостью внешнему миру, с культурой нового исторического типа — национальной культурой, важным компонентом которой являлось национальное самосознание. Мощным ускорителем обновления духовной жизни сербов стало влияние России и Западной Европы.

ГЛАВА II

СЕРБСКАЯ КУЛЬТУРА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

Под знаком традиции

Истоки сербской национальной культуры восходят к быту крестьянства, его обычаям, борьбе и художественному творчеству. Народная культура получила особое место и значение в культурном развитии сербов. Именно в ней прежде всего проявлялась их духовная жизнь в условиях упадка письменности, градостроительства, церковной живописи, последовавшего в результате турецкого нашествия.

Особую область сербской культуры как с точки зрения социальной природы, так и характера самого творчества, его способов и подхода к нему составлял фольклор. Его живительные родники были на Балканах. Отсутствие здесь аристократической культуры, консервация патриархальных устоев жизни, удаленность от центров Запада и Востока с их культурными влияниями и, как следствие, живучесть социальных идеалов героического эпоса — все это способствовало сохранению и дальнейшему развитию фольклорной традиции. Народные певцы были уважаемыми людьми. В первой половине XVIII в., когда масса сербов переселялась в Австрийскую монархию, вместе с ней шло перемещение и наиболее известных певцов-сказителей в Срем¹. Это оживило фольклорную среду в среднем Подунавье.

Фольклор, сопровождавший крестьянскую жизнь с колыбели, отражал мечты и предрассудки, этические нормы и моральные ценности, талант и мастерство трудового народа. Эпическая устная поэзия, наиболее характерная часть сербского народного творчества, создавалась и бытовала в условиях постоянного сопротивления сербов чужеземному угнетению. Поэтому ее пафос составляли ненависть к поработителям, мечта о свободе, беспредельная любовь к родной земле. Трагические песни Косовского цикла с их вечным призывом к отмщению, юнацкие песни, прославлявшие народных героев, цикл песен о богатыре Марко-кralевиче передавали страда-

ния, надежды и героизм народа². Эпические песни показывали стабильность исторической памяти неграмотной части населения. Передаваемые изустно из поколения в поколение поэтические сказания о делах и подвигах предков, об исторических катастрофах раскрывали крестьянское толкование поворотов сербской истории. Устная эпика в художественной форме воспроизводила представление самого народа о своем прошлом, отражая его глубокую мудрость.

Через эпическую народную песню выражалось отношение к современности. В 1731 г. митрополит Викентиј Јованович в послании пастве осудил гайдуцкие песни, подстрекавшие якобы к разбоям. Пронизанный идеальной героикой гайдуцкий эпос жил и развивался, поддерживая в крестьянстве веру в лучшие перемены³.

Устное народное творчество отличалось богатством, свежестью и выразительностью народного языка, ясным и вместе с тем величественным стилем, чистотой и сердечностью чувств. Истинно поэтической красотой отмечена, например, известная песня "Сербская девушка":

"У Милицы длинные ресницы,
На румяна щек их тень ложится,
На румяна щек у белолицей".

Фольклорное творчество располагало подлинными шедеврами, хотя оно имело пределы познавательных, образно-выразительных и социально-функциональных возможностей. Тонким поэтическим чувством проникнута и песня "Девушка":

"Ой, душа моя девица,
Чем ты так благоухаешь?
Померанцем иль айвою,
Базиликой иль лавандой?
Ой ты, молодец удалый!
Девушка благоухает
Не айвой, не померанцем,
Не лавандой, базиликой —
Девичьей своей душою!"⁴

Сербские народные песни, мало изменившиеся в течение столетия, в начале XIX в. в издании Вука Караджића покорят Европу. А пока сознательный интерес образованных людей к югославянской народной поэзии только зарождался. Около 1720 г. некто, по-видимому, австрийский офицер, впервые сделал запись сербско-хорват-

ских народных песен на Славонско-Хорватском пограничье. Это рукописное собрание, обнаруженное в 1913 г. в университетской библиотеке города Эрлангена, получило в науке название Эрлангенского сборника⁵.

В XVIII в. народное творчество было живой силой, которая пронизывала быт и сознание самых разных слоев сербского общества. А. Пишчевич, сын С. Пишчевича, сербского писателя и офицера, переехавшего в Россию, вспоминал, как он в 1783 г. в Шклове, имени генерала С. Зорича, серба по происхождению, оказался в обществе сограждан. Среди них был монах, прибывший из Австрийской монархии. По словам мемуариста, собравшиеся пели сербские песни, «к которым присовокупил монах одну весьма жалостную о падении Сербского царства и рассказывал сие происшествие так, как будто бы он сам был оному очевидцем»⁶. В условиях жизни сербов в разных государствах фольклор играл этносызющую роль. Народно-поэтическое творчество помогало сохранению в памяти сербов их истории, поддерживало в них чувство сопричастности к ней. Народная поэзия стихийно оказывала постоянное и многогранное влияние на все сферы духовной жизни сербов.

В конце XVII — первых десятилетиях XVIII вв. в Австрийскую монархию с Балкан переселилась наиболее имущая и грамотная часть сербского населения, которая принесла с собой не только знамена, церковную утварь, реликвии, драгоценности, но и книги, культурные традиции. Она вдохнула жизнь в захолустные места, притом и сама оказалась в новой обстановке с иными духовными взаимодействиями и влияниями.

В знаменитых монастырях, крупных церквях и городах хранилось и формировалось культурное достояние, которое отличалось от народных творений с их неосознанным художественным восприятием мира по социальной природе, приемам освоения жизни и сфере распространения. Оно создавалось в процессе духовно-практической деятельности образованными людьми, в первую очередь священнослужителями.

На Балканах, духовно изолированных от Европы, очагами сербской культуры с ее культом средневековой государственности сербов оставались православные монастыри и церкви, периодически

подвергавшиеся османами опустошению и ограблению. Культурная деятельность сербов проявлялась и в балканских городах, в общем чуждых этнически славянам.

Сербская культура, созданная грамотными людьми, теплилась и в Далмации, в первую очередь в трех известных православных монастырях — Крупа, Крка и Драгович — и сельских церквях. Особенность ее существования состояла в том, что она непосредственно соприкасалась не только с католической культурой хорватов, что было и в Австрийской монархии, но и с итальянской культурой, которая развивалась в приморских городах этого края.

Господствующую церковную культуру представляли монастыри и церкви. Они были не просто культовыми учреждениями, но воплощали в себе архитектурную мысль, являлись местом создания духовных ценностей и хранения произведений искусства, выступали памятниками культуры с давней и богатой традицией. В первых десятилетиях XVIII в., преодолевая последствия войн и разорения, народ восстанавливал старые монастырские здания и церкви и строил новые. Но культовое зодчество утратило уже образное выражение теологической концепции мироздания, символа вселенной. Сельские мастера исходили из наивных представлений о единстве человека с природой.

Живопись была только культовой. Она и гравюра на дереве представляли изобразительное искусство, и этим определялось их историческое место в сербской культуре. Церковная живопись была крепко связана с византийской традицией. Она входила составной частью в православное богослужение и находилась под неусыпным контролем духовенства. Однако зографы-самоучки, восполняя слабое знание правил церковной регламентации богатой интуицией, стихийно отступали от византийских канонов иконописи и воплощали народное представление о ней. В конце 30-х годов XVIII в. в живописи на территории Карловацкой митрополии появились слабые признаки веяний, шедших с севера и с юга. Это были живые краски икон, передающие радостное и светлое восприятие мира в противовес средневековому аскетизму, и большая свобода в изображении фигур⁷. Люди невысокой культуры, зографы писали как умели, перенимая неосознанно готовые решения. И все-таки наме-

ки на новые связи иконописи с жизнью были заявкой на будущее, хотя сами по себе они не выводили сербское изобразительное искусство за позднесредневековые рамки и не меняли его характера. Комплекс церковной архитектуры, культовой живописи и обслуживающего церковь декоративно-прикладного искусства, утверждавший религиозные чувства и наставлявший в вероучении, имел в те годы наибольшее значение среди видов культуры по степени воздействия на общество.

Сербская литература вступила в XVIII век, располагая богатыми традициями, но без свежих крупных имен и значительных оригинальных произведений. Она существовала в рукописном виде, была локально разрозненной. Ее творцами являлись церковные лица, что само по себе определяло идейный облик в рамках христианской догматики и предназначение преимущественно для обслуживания церкви и религиозного быта.

На рубеже XVII — XVIII вв. в сербскую литературу, которая была на местном церковнославянском языке, стихийно стал входить и народный язык⁸. Одними из первых разговорную речь начали применять в литературе монахи, происходившие из монастыря Рачи на Дрине и переселившиеся с массой населения на север. В числе наиболее образованных сербов того времени был Киприян Рачанин, переписчик церковных книг, составитель букваря сербского церковнославянского языка. С именем Еротея Рачанина связано описание путешествия в Иерусалим, выполненное на народном языке в жанре "хождения". Его нашел в XIX в. и опубликовал русский славист О.М.Бодянский.⁹

Наиболее даровитым и характерным представителем двуязычной литературы начала XVIII в. был Гаврил Стефанович Венцлович (ок. 1680-ок.1749 гг.)¹⁰. Одинокий священник, он значительную часть жизни провел в Джуре, Коморане и Сент-Андрее, не имея своего угла, "но всюду чуждее". Венцлович был учеником Киприяна Рачанина. Находясь в постоянном конфликте с греческой частью паствы, что было уделом многих сербских священников, он искал отдохновения от мирских неурядиц в литературном труде. Перу этого исключительно плодовитого книжника принадлежало около 20 тыс. страниц рукописного текста. Он переписывал и иллюстри-

ровал церковные книги, переводил русские и украинские богословские сочинения и проповеди, составлял оригинальные проповеди и церковные беседы, писал поэтические произведения.

Венцлович пользовался сербским церковнославянским языком при переводе литургических и канонических текстов и народным языком “ради разумения простого человека” при написании проповедей, рассчитанных на крестьян. Обращаясь к ним в своих беседах, Венцлович проявлял хорошее знание народной жизни и фольклора. Эти сочинения носили живой характер благодаря привлечению автором пословиц и поговорок, упоминанию эпических героев. Он использовал народные приемы в своих стихах. Однако не следует преувеличивать значение творчества Венцловича на народном языке в развитии сербской литературы. Его талантливые проповеди получали общественный выход в устной форме и были известны только прихожанам¹¹. Тем не менее Венцлович по существу положил начало практике использования разных языков для различных жанров сербской литературы.

В монастырях создавались смешанные сборники, в которые включались средневековые сербские памятники, выдержки из русской и украинской религиозно-дидактической литературы, извлечения из русских переводов различного характера. При полном господстве церковной литературы появлялись произведения и светского содержания. На основе народных эпических песен было написано прозаическое сказание о Косовской битве, получившее известность как “Житие князя Лазаря”¹². Фольклорная традиция стихийно проникала в письменную литературу, и в этом, в частности, сказывалось воздействие народной жизни на культурный процесс.

В 1733 г. появилась первая историческая драма на сербскую тему в стихотворной форме. Это была “Траедокомедия” Мануила (Михаила) Козачинского, повествующая на основе народного предания об убийстве князем Вукашином короля Уроша, последнего представителя династии Неманичей. Воспитанник Киево-Могилянской академии, он прибыл к сербам в числе других учителей из России.

Жанр трагикомедии, начало которому положил Феофан Прокопович, тогда преподаватель Киево-Могилянской академии, своим сочинением “Владимир” (1705 г.), был распространен в украинской

литературе в первой половине XVIII в. Козачинский следовал за Феофаном Прокоповичем и в выборе жанра, и в обращении к истории. В прологе автор раскрыл морализаторско-дидактическую направленность своего произведения, цель которого состояла в том, чтобы воспеть дела "мужей преславных" и показать их жизнь "к подражанию людем"¹³.

Козачинский отразил восхождение, славу и падение Сербского государства. Он вложил в уста Сербии гордые слова о своем прошлом:

"Ничто мне не достает; во всем изобилна
есм, и благонадежна, крепка же и силна"¹⁴.

Вместе с тем драма была проникнута чувством покаяния за тяжкие ошибки предков — раздоры и насилия. Живым отзвуком исторической трагедии народа стали строки:

"О, печаль моя, печаль. Печаль мне не мала,
яко Сербия бедна под Турка подпала"¹⁵.

Завершал Козачинский свое произведение жизнеутверждающим прославлением церковных предводителей, выведших сербов в "Римскую державу" и обеспечивших им "свободу и славу"¹⁶. Автор проводил мысль о пользе школы и образования, это был один из актуальных вопросов жизни сербов в то время.

Широко прибегая к аллегории, перемежая исторические личности символами, выражающими обобщенный смысл явлений, Козачинский следовал тенденции барокко. По чисто литературной традиции его драма тяготела к украинской литературе, но по тематике и поставленным вопросам она была частью сербской книжной культуры. Драма была написана тринадцатисложным силлабическим стихом, пришедшим в русскую и украинскую литературу из польской поэзии. Сербские книжники спорадически применяли его еще в XVII в. Но лишь с 30-х годов XVIII в., когда русские учителя стали обучать сербскую молодежь правилам силлабической версификации на русском церковнославянском языке, тринадцатисложный стих на долгое время прочно вошел в сербскую литературу¹⁷.

В 1734 учебном году драма Козачинского была представлена в Сремски-Карловцах на школьной сцене согласно требованиям поэтики украинского и русского школьного театра начала XVIII в. Очевидно, в 1740 и 1753 гг. усилиями учеников ставились сцены на пасхальные сюжеты, "схоластические комедии", давался вертеп.

Так было положено начало школьному театру у сербов¹⁸. Драма Козачинского многократно переписывалась. Широкую популярность получила песня из нее “Преславна Сербие”.

В первых десятилетиях XVIII в. в Австрийской монархии появился новый жанр сербской стихотворной литературы - городские песни. Это была светская поэзия со своим кругом мысли и интереса, разнообразная по тематике, сложная по метрической структуре, включавшая и стихотворные сочинения духовного содержания. Она испытала влияние русской поэтической литературы и еерского народного творчества. Городская песня возникла и бытowała в иной социальной среде, нежели народно-поэтическое творчество. Она была индивидуальным творением авторов, хотя и оставалась в основном анонимной. В отличие от фольклора, представлявшего постоянную импровизацию гусляров-сказителей и устно распространявшегося в народе, городские песни сохранялись в рукописных сборниках-песенниках. Не отличавшиеся, как правило, художественными достоинствами, они стали заметным компонентом словесной культуры XVIII в., заняв промежуточное место между народной поэзией с ее героическими идеалами, сердечностью и открытостью и “высоким” пафосом письменной литературы¹⁹.

Отличительной чертой сознания сербов было обостренное чувство своей истории. Оно проявлялось в народных песнях, в сохранении церковно-исторических реликвий, в переписывании летописей и их разновидности — родословов, сочинений средневековых сербских авторов. На этом фоне развернулось творчество Джордже Бранковича (1645-1711 гг.), первого видного сербского историка. Это был человек, познавший бурную жизнь. Обуянный дерзкими планами, он был отмечен трагической судьбой.

Дж.Бранкович воспитывался у старшего брата, митрополита Савы II в Трансильвании. Он получил хорошее образование, владел греческим, венгерским, румынским, турецким, немецким и латинским языками. Находясь при княжеском дворе в Трансильвании, а затем в Валахии, Бранкович занимался энергичной дипломатической деятельностью, он бывал в Константинополе, Бухаресте, Warsaw, Москве, Адрианополе, Солуне, Вене. Австрия в войне против Турции в конце XVII в. использовала его влияние и связи. В 1688 г.,

в момент, когда австрийский двор после поражения османов в 1687 г. под Веной намеревался развернуть наступательные операции, Бранкович, будучи посланником валашского князя, направил Леопольду I от себя лично проект создания Иллирийского царства с помощью Австрии и под ее верховной защитой. Захваченный иллюзиями, Бранкович видел себя в качестве деспота обширного балканского государства. Он направился в Трансильванию и Валахию действовать по реализации своих планов. Но его претензии представлялись Вене опасными. Он был арестован, брошен в тюрьму, а затем интернирован.

Двадцать лет Бранкович провел под домашним арестом. Эти годы он заполнил созданием ряда сочинений на неясном церковнославянском языке сербской редакции. Главным среди них был огромный рукописный труд “Славяно-сербские хроники” в пяти томах, насчитывавших 2600 страниц текста. Он был написан под влиянием австро-турецкой войны 1683-1699 гг., породившей надежды на восстановление сербской государственности. Это была первая история сербов, представленная на фоне исторического развития других южных славян и соседних народов. Всю силу исторической мысли и аргументации автор направил на то, чтобы доказать свое родство со средневековой сербской династией Бранковичей и тем самым обосновать свое право на пост главы сербского государства. В труде личные амбиции автора переплетались с мыслями о родстве и близости славян, особенно южных славян, с идеей освобождения сербов от иноземного господства.

По объему, широте охвата материала, количеству использованных источников и литературы “Хроники” далеко превосходили средневековые сербские сочинения. Бранкович впервые изучил венгерские, валашские и западные хроники, обратился к сочинениям древнегреческих и римских авторов, привлек исторические произведения XV — XVII вв., в том числе известный труд аббата бенедиктинского монастыря в Дубровнике Мавро Орбина “Славянское царство” (1601 г.), сочинения дубровчанина Ив.Луцича, болгарского книжника Г.Цамблака, польского историка М.Кромера, знаменитого французского византолога XVII в. Ш.Дюканжа и др. Бранкович проявлял также интерес к вопросам географии, этногра-

фии. Это был уникальный по авторской эрудиции труд.

Но в концепции и работе с источниками Бранкович следовал за средневековыми хронистами. Примитивная группировка событий вокруг властителей, отсутствие навыков отбора материала сочетались с почти дословным пересказом источников и литературы. Вместе с тем в "Хрониках" содержались элементы критического отношения к источникам и свидетельствам более ранних авторов. Но Бранкович руководствовался при этом патриотическими и конфессиональными критериями. Его сочинение стало первым шагом у сербов на пути перехода от летописания к исторической науке. "Хроники" полностью и в извлечениях многократно переписывались, были хорошо известны сербам и оказали большое влияние на сербскую историографию²⁰.

Литература и историография первых десятилетий XVIII в. отразили некоторый подъем творческого процесса у сербов. Несколько расширился состав литературы, в ее светской части появились неизвестные ранее сербам жанры. Историография начала освоение западных источников и трудов. Однако рукописная форма ограничивала распространение и восприятие письменной книжности узким кругом грамотных священников, дворян, торговцев, богатых ремесленников. Более широкое воздействие продолжали оказывать живые беседы и проповеди священнослужителей в церкви, которые учитывали психологию и уровень массового сознания слушателя.

Прекращение деятельности в XVII в. сербских типографий, гибель книжных сокровищ средневековья и вместе с тем постоянная потребность в книгах обусловили распространение у сербов, как и у других южных славян, переписывания книг. Эта средневековая форма "репродукции" книг бытовала и в XVIII в., хотя с появлением российских печатных изданий число переписчиков сократилось. Переписывались церковные книги, произведения старой сербской книжности, летописи, геналогии, новые сочинения²¹.

Перепиской книг занимались монастырские писари, но все больше мирские люди, священники и монахи с целью приработка. Было два рода мирских переписчиков. Одни жили в городах, имели свои мастерские и работали на заказ и на рынок. Они нередко сами переплетали книги, но чаще отдавали профессиональным мастерам. Го-

родские переписчики трудились обычно самостоятельно, но создавались и товарищества, иногда с переплетчиками книг. Переписанная книга начинала свою жизнь как ремесленное изделие.

Другую категорию составляли переписчики, которые работали на дому у заказчика. Они обслуживали в городах богатых торговцев и ремесленников, но случалось, их услугами пользовались также монастыри, сельские священники и даже зажиточные крестьяне.

В условиях разложения Османской империи, войн, учащавшихся волнений райи турецкие власти считали переписчиков книг причастными к сохранению исторической памяти народа и периодически преследовали их. Скрываясь от насилий, переписчики уходили в горы и трудились там в тяжелых условиях.

Как и в давние времена, внешним украшением рукописных книг занимались золотых дел мастера. Золото и серебро нередко были декоративными элементами окладов. Украшения значительно повышали цены на книги, делали их нередко произведением искусства. Рукописные книги вообще ценились дорого, особенно евангелия и псалтыри. Поэтому турки, грабя беспощадно и часто православные церкви и монастыри, забирали книги, а затем продавали их на городских базарах. Сербы выкупали книги из "агарянского" рабства и возвращали их церквам и монастырям. Так своеобразно преломлялась вековая мечта народа об освобождении от османского ига.

В рассматриваемое время у сербов в Австрийской монархии началось развитие общеобразовательной школы.

Обстановка в Австрийской монархии способствовала повышению потребностей высшего православного духовенства и части горожан и изменению их образа жизни. Если Арсение III Црноевич имел всего несколько книг, умешавшихся вместе с имуществом в одном сундуке, то митрополит Викентие Йованович располагал собранием книг в 558 томов, большей частью церковных, но также и светских на греческом, латинском и немецком языках²². Митрополичий дом в Белграде строился на показ, на славу. Уже было истрачено на его возведение 100 000 динар, но разразилась австро-турецкая война. В обиходе митрополита и его окружения появились золото, серебро, фарфор, предметы роскоши. Драгоценности хранились в Буде. Для придания веса своему двору Викентие содержал конный

полк²³. Но быт приходских священников нищенских церквей не отличался от крестьянского.

Города сохраняли восточный облик. В характере торговли и ремесел, в одежде, навыках, повседневном обиходе горожан многое напоминало о длительном общении и совместной жизни с мусульманами.

В первых десятилетиях XVIII в. переселившиеся в Австрийскую монархию сербы обустраивали новые места. Однако было сознание, что происшедшие перемены носят временный характер, жила надежда на возможность возвращения на старую родину. Умственная и художественная жизнь оживилась после длительного "оскудения". Не только монастыри и крупные церкви, но теперь и города, где сложились компактные группы сербского населения, становились средоточием так называемой профессиональной культуры. Ее питала освежающая сила фольклора, распространявшаяся главным образом с Балкан. Духовная жизнь протекала в привычном русле, но она становилась более открытой для современного европейского влияния.

“Стематография” в контексте сербской культуры середины XVIII века

С заключением Белградского договора 1739 г. в Подунавье на многие десятилетия установился мир. Общая стабилизация жизни благоприятствовала развитию духовных потребностей сербов.

1741 год в истории сербской культуры был отмечен выходом в Вене первой светской печатной книги. Это была “Стематография. Изображение оружий иллирических”. Она была выполнена в технике резцовой гравюры на меди. “Стематография” опиралась на одноименный геральдический сборник хорватского историка Павле Ритера Витезовича (Загреб, 1700, 1702; Вена, 1701), поборника идеи единения сербов, хорватов и словенцев. Однако в нее были внесены существенные изменения, придавшие оригинальность содержанию книги.

Идейным вдохновителем “Стематографии” выступил глава Карловачкой митрополии Арсение IV Йованович Шакабента. Графическая часть была выполнена зографом и живописцем Христофором Жефаровичем и венским гравером Томасом Мессмером в мастер-

ской последнего. Автором переводов с латинского языка на “славено-сербский”, в действительности на русский церковнославянский язык с сербизмами, и оригинальных стихотворений был патриарший секретарь Павле Ненадович Младший²⁴.

Х.Жефарович, выходец из Македонии, оставил заметный след в сербской культуре. Он начал творческую деятельность в качестве зографа на территории Печской патриархии. Переbrавшись в Австрийскую монархию, Жефарович расписал фресковой техникой в 1737 г. церковь монастыря Боджаны в Бачке. Уже на этом этапе он проявил себя мастером, освоившим на византийской основе барочные формы в левантийском варианте²⁵. Монументальная живопись в Боджанах была отмечена типичными для западного искусства композициями (коронование Богородицы), внесением светских деталей в евангельские темы (фигуры в современных западных костюмах), элементами примитивного реализма в изображении лицов и интерьера, экспрессией передаваемых чувств. Небольшие композиции из цикла “Происхождение” напоминали жанровые сцены (“Ужин в доме Лазаря”). Жефарович проявил начальные знания анатомии обнаженного тела, линейной перспективы, натюрморта. Однако в росписи храма, в которой большое место было уделено сюжетам, заметна уже утрата чувства монументальности и некоторая измельченность и слабость композиции.

Затем Х.Жефарович оказался в Вене, где серьезно занялся гравюрой на меди. Ишущий и беспокойный, не чуждый коммерческих интересов, он писал иконы, работал в монументальной живописи, занимался граверным делом, выпускал цельногравированные книги, изготавлял церковные ткани и торговал всем этим. Многогранность его деятельности была сродни энциклопедически образованной личности барокко. Умер Жефарович в Москве в 1753 г.²⁶.

“Стематография” была создана вскоре после массового переселения сербов во главе с печским патриархом Арсение IV в 1739 г. из османских пределов в габсбургскую монархию. Арсение IV добивался, чтобы он и в новых условиях сохранил достоинство патриарха, а его юрисдикция распространялась на всю территорию Печской патриархии. Он настаивал также на подтверждении австрийскими монархами “Привилегий”²⁷. Это было необходимо для утверждения

положения сербов в монархии, когда после Белградского мира стала очевидной тщетность надежд на освобождение Сербии от османского гнета. В позиции Арсение IV получили выражение не только личные интересы православного иерарха, но и нечто большее — понимание важности церковного единства сербов независимо от государственных границ. Это наложило отпечаток на содержание “Стематографии”.

Выходу книги предшествовало появление гравюры, выполненной Жефаровичем и Мессмером, “Святой Сава с сербскими святыми дома Немани”. Она была издана в связи со вступлением Марии Терезии на престол и предназначалась в качестве поздравительного адреса²⁸. Гравюра была проникнута духом величия сербского прошлого, но одновременно выражала и амбиции Арсение IV. Эти идеи получили развитие в “Стематографии”. Книга включала 29 изображений южнославянских святых и царствующих лиц, гербы с сопроводительным текстом, портреты Арсение IV и царя Душана, две песни в честь патриарха и Жефаровича. В песне, посвященной главе церкви, говорилось о заслугах сербов в войне “противу врага христианского” и подчеркивалось “наследное право” Арсение IV на патриаршую власть во всей “Иллирии”²⁹.

Несмотря на pragматические цели издания, “Стематография” заняла видное место в истории сербской культуры XVIII в. Это была первая книга, отмеченная политической тенденцией и нацеленная на решение актуальных проблем. Возвеличивая сербскую историю, она наряду с обоснованием личных претензий Арсение IV утверждала законность стремления сербов быть самостоятельным народом. По существу, “Стематография” апеллировала, хотя об этом и не говорилось в книге, к историческому праву сербов, корнями уходившему вглубь средневековья. Вместе с тем делались ссылки и на активную борьбу сербов против османов в настоящем.

Велико было идеологическое значение книги. Она напоминала сербам о прерванной государственной традиции и временах процветания и могущества южных славян. Подчеркивая ратные заслуги сербов, книга будила в них сознание собственной значимости как народа и вселяла уверенность в способности добиться улучшения положения.

В идейном отношении важную нагрузку нес конный портрет Стефана Душана. Властитель, при котором Сербское государство, хотя и ненадолго, стало крупнейшим в Юго-Восточной Европе, был представлен в обрамлении гербов южнославянских земель и областей, населенных греками и албанцами. В совокупности они олицетворяли территорию от Хорватии до Черного моря и от Славонии до Фессалии. Портрет Стефана Душана не только символизировал обширность, значительность и могущество средневекового Сербского государства, но и заключал мысль об определенной целостности Балкан, точнее — в условиях противостояния исламу — христианских народов этого региона.

В “Стематографии” получил отражение и другой аспект представлений сербов о себе и соседних народах. Прагматическая задача книги заключалась в обосновании единства “Иллирии”³⁰ как предпосылки правомочности патриаршей власти Арсения IV над ней.

На протяжении веков, особенно в XVI — XVII столетиях, в среде славян высказывались взгляды о близости и целостности всех или части этих народов, выдвигались проекты, весьма общие и туманные, их единения и сближения. Идеи славянской общности были отчетливо выражены в гуманистической литературе Далмации и Дубровника. Горячим приверженцем таких взглядов был хорват Ю.Крижанич. От Мавро Орбина шла традиция изображения южных славян как целого. Это были разные по исходным мотивам, степени объединительной тенденции и объективному значению высказывания. В движении “славянской” мысли, которая в зависимости от политических обстоятельств то угасала, то оживала в отдельных землях вновь, “Стематография” заняла место как первое печатное проявление у сербов сознания общности православной части южных славян. В новых условиях и на ином уровне общественного развития объединительным идеям и тенденциям суждена была на славянском юге долгая и плодотворная жизнь.

В литературном отношении “Стематография” при всей слабости и утилитарной функции ее поэтической части способствовала утверждению в сербской поэзии силлабического стихосложения, означавшего более высокий уровень профессионального мастерства.

Выход “Стематографии” означал шаг на пути преодоления

культурно-православной изоляции сербов от католического мира. Она явилась первой доступной грамотным сербам книгой, несущей, хотя и скромные, знания истории, в первую очередь сербской, и географии. О направленности и объективном значении этой книги для развития политического и исторического сознания сербов свидетельствовал тот факт, что с началом Первого сербского восстания она была австрийскими властями запрещена. В XIX в. геральдический материал из “Стематографии” лег в основу сербских эмблем, печатей и герба. Он использовался также в болгарской геральдике, живописи и графике³¹.

В середине XVIII в. сербская историческая мысль получила выражение также в рукописной книге “Троношский родослов”. Анонимный автор, группируя по традиции события вокруг сербских властителей, опирался не только на письменные памятники сербов и литературу (Орбина, Бранковича), но и на устную народную эпiku. Он отдавал последней предпочтение в освещении исторических событий. “Родослов” был проникнут идеями важного значения саборов в сербской государственной жизни и доминирующего влияния брака правителей на ход национальной истории. В “Троношском родослове” нетрудно заметить отголоски животрепещущих проблем современной автору сербской жизни.

Обращение автора к устному народному творчеству в сочетании с использованием приемов барочной литературы придало изложению сочный и живой характер, помогло преодолеть средневековый шаблон в изображении сербских властителей, что само по себе было важным шагом вперед в развитии и раскрепощении исторической мысли, хотя отказ от устоявшихся представлений в “Родослове” не всегда соответствовал истине. “Родослов”, возникший, по-видимому, в митрополичьем кругу, предназначался в качестве учебного пособия для школ в Сремски-Карловцах и Нови-Саде³².

В середине XVIII в. епископ Кончаревич, единственный сербский писатель в Далмации, составил рукописную “Летопись гражданских и церковных событий”, представившую историю сербов на протяжении времен с IX в. до 1754 г.³³.

Историческая мысль играла в сербских условиях особую роль — она духовно сплачивала сербов с различной психологией, локаль-

ными интересами и неодинаковой культурой.

С упрочнением сербов в сознании, что переселение в Австрийскую монархию надолго связало их с новой родиной, с накоплением ими средств в Подунавье развернулось каменное строительство. Этому способствовало и ослабление в 1743 г. официальных ограничений на возведение православных церквей. В культовом зодчестве продолжали полнокровную жизнь традиции средневековой сербской архитектуры. В ее духе были построены в XVIII в. многие церкви сремских монастырей. Однако с конца 20-х годов тенденции времени стали заявлять о себе в каменном зодчестве в виде элементов барокко. На первых порах их внедрение было связано с немецкими мастерами, работавшими по приглашению православных иерархов на восстановлении разрушенных и возведении новых церквей. В дальнейшем и национальные мастера-строители овладели новыми приемами.

Проникновение барокко в каменное зодчество началось с колоколен. Еще в 1726 г. появилась барочная звонница в Крушедоле, а затем и в остальных монастырях Подунавья: в 1733 г. — Велика-Ремете, 1735 г. — Раковаце, 1742 г. — Шишатоваце, 1751 г. — Хопово, 1753 г. — Беочине и Язаке. Вслед за тем и сами монастырские церкви были украшены барочными деталями на окнах, фронтонах и порталах. На месте снесенных монастырских церквей в Грабоваце (1741 г.), Партоше (1767 г.), Шишатоваце (1785 г.) и т.д. были созданы храмы в духе барокко. Новая эстетическая концепция в культовом зодчестве получила законченное выражение в кафедральном соборе в Сремски-Карловцах, построенном в 1758-1762 гг. Величественный храм устремился двумя башнями вверх, являя нарядность внешней архитектуры. Монументальный фасад родил его с культовыми сооружениями в Австрии, Венгрии и Польше. В Сремски-Карловцах, Бршаде и других местах были снесены скромные строения, в которых размещались церковные сановники, и на их месте воздвигнуты здания современного европейского типа. Поиски новых средств выражения захватили и гражданскую архитектуру. Дворяне и богатые горожане стали строить дома с барочным декоративным оформлением³⁴.

Города обрели среднеевропейский архитектурный облик. Изменчивой была судьба Белграда, подчиняя его то власти австрийских,

то снова османских правителей. Отвоеванный в 1738 г. турками этот город, успевший украсить себя зданиями в стиле барокко, подвергся очередному разрушению. И вновь он оказался в лоне исламской культуры.

Сербская иконная и монументальная живопись развивалась в соприкосновении с отечественной архитектурой и графикой, с поступавшими нескончаемым потоком из России иллюстрированными книгами, гравюрами, а также иконами, выполненными в мастерских Кинешмы, Шуи, Палеха, Мстери и Холуя. Существенным фактом в художественной жизни сербов стало пребывание в Карловачкой митрополии в 20-60-х годах украинских и русских мастеров. Российские художники — Григорий Герасимов, Йов Василиевич, Василий Романович и др. — принесли с собой украинское барокко с его богатой композицией, жизнеутверждающей декоративностью и звучной красочностью при сохранении некоторых традиционных черт. Высокой живописной культурой была отмечена настенная роспись церкви монастыря Крушедола, выполненная в середине XVIII в. с участием Й.Василиевича и его учеников. Это был последний крупный акт сербской церковной монументальной живописи, уступившей место иконостасам.

В 1743 г. митрополит Арсение IV Шакабента запретил “неискусным богомазам” заниматься иконописью и предписал серbam, желающим обучиться ей, пройти курс образования у Василиевича в Сремски-Карловцах. Это способствовало распространению в сербском изобразительном искусстве восточноевропейского барокко³⁵.

В середине века на территории Карловачкой митрополии сложилось поколение светских художников-профессионалов. Это были по положению и характеру работы ремесленники, которые именовали себя “живописцами”. Связанные с городской средой, они имели мастерские с многочисленными учениками и составляли своего рода цехи. Главными центрами их сосредоточения были Сремски-Карловцы, Нови-Сад, Темишвар, Вршац и Арад. “Живописцы” работали на заказ, обслуживая церковь и городскую клиентуру³⁶.

Эта плеяда сербских “живописцев” получила профессиональные знания у русских и украинских художников на месте. Отдельные мастера “для лучшего обучения” отправлялись на свой страх и риск

в Киево-Печерскую Лавру, самый древний и прославленный монастырь на Украине. В первой половине XVIII в. киевские монахи обучали иконописи в своих кельях. В 1763 г. при лавре была создана единая иконописная мастерская. Так родилась получившая известность Художественная школа.

Сербские художники этого поколения расширили тематический репертуар церковной живописи, введя в нее характерные для католического искусства сюжеты и возродив тему страданий Христа. С трудом преодолевая условное плоскостное изображение фигур, их неподвижность и фронтальность, они осваивали линейную и воздушную перспективу, пространство, анатомию и движение. Декоративность икон в значительной мере достигалась благодаря применению золота в виде фона и бликов на драпировке. Складывался новый "язык" церковной живописи, призванной более проникновенно воздействовать на зрителя.

Профессиональным мастерством отличались в Сремски-Карловцах Димитрие Бачевич, в Нови-Саде Василие Остоич, на Военной Границе Йоаким Маркович. Значительный вклад в развитие церковной живописи внесли Стефан Тенецки и Никола Нешкович. Первый из них родился в северо-восточном Банате, где в средние века процветало искусство зографов. Возможно, Тенецки получил художественное образование в Киеве. Его творческая жизнь протекала в банатском городке Араде, где он основал художественную мастерскую. Тенецки принадлежал к числу наиболее талантливых и плодовитых церковных художников и портретистов. Он писал иконы для богатого иконостаса в Руме (1772 г.). Имея множество заказов, художник разбогател и купил дворянство. На протяжении всей творческой жизни Тенецки оставался приверженцем принципов украинского церковного барокко, которым сумел придать, однако, индивидуальные решения.³⁷

В Банате, в городе Вршаце, жил и работал Н. Нешкович, родом из Пожареваца. Он получил специальные знания у немецкого мастера в Пожони. Хотя Тенецки и Нешкович работали в основном в церковной живописи, их место в сербском изобразительном искусстве связано с зарождением и развитием светского направления. Эстетика "киевской школы" оказала решающее влияние на переход

сербской живописи от византийского понимания иконы с ее отвлеченной символикой и величавой простотой к религиозной картине западного типа, рассчитанной на возбуждение религиозных чувств и воображение.

К 40-м годам у сербов практически утрачивает свое значение ксилография. Взамен ее потребность в тиражировании книг и графических произведений вызвала к жизни новую разновидность графического искусства — резцовую гравюру на меди. Ее основоположником, как и создателем первых гравированных портретов сербских средневековых властителей и деятелей церкви был Х.Жефарович. В граверном творчестве он испытал влияние венской художественной атмосферы и российских образцов, в том числе манеры видного русского мастера И.Зубова.

По завершении работы с Мессмером над гравюрой "Святой Сава" и "Стематографией" Жефарович создал ряд цельногравированных книг и станковых графических произведений. В гравюрной технике он издал в Вене "Поучение святителское" (1742), "Букварь" (1742—1744), "Привилегии" (1745), "Описание Ерусалима" (1748) и др. Подтвержденные в 1744 г. Марией Терезией сербские привилегии были переведены Ненадовичем с латинского на церковнославянский язык. В издании Жефаровича они стали доступны грамотным сербам. Несколько гравюр с религиозной тематикой и портретами канонизированных сербских средневековых властителей Жефарович выполнил по заказу церкви, богатых горожан и офицеров. Он работал также на рынок.

В графике Жефарович продвинулся в освоении барокко. Его черты проявились в "Стематографии", особенно в портретах Стефана Душана. Отличительной чертой первого из них был динамизм. "Царь сербов и греков" был представлен на вздыбленном коне, попирающем оружие и военные регалии поверженных врагов. Светский характер триумфальных портретов, освобождающий художника от обязанности следовать церковным канонам, сама идея сильного монарха, располагавшая к пышному декору, — все это сказалось на стилевом облике портретов. Владея барочными приемами композиции и моделировки, о чем свидетельствовала и одна из лучших его гравюр "Богородица. Источник жизни" (1745),

Жефарович тем не менее весьма часто прибегал к иконописной схеме — изображению того или иного святого в окружении, как на иконных клеймах, отдельных сцен его бытия. В образном строе “икон на бумаге” Жефарович не был оригинален, используя приемы итало-критских и российских мастеров³⁸.

Гравюра входила в дом сербов, принося новые эстетические представления. Но более важным было ее воздействие в плане поддержания и оживления исторического сознания и чувства территории расселения сербского населения. Обращаясь к истокам былой государственности, она давала народу духовную опору в его трудном настоящем положении. Гравюра напоминала разбросанным в разных краях сербам об их общих корнях и единой истории. Связь образного строя гравюр с иконописной манерой была не только данью отжившим вкусам, но и выражением живого чувства истории, сохранением преемственности.

В XVIII веке у сербов получили распространение канты — многоголосые песни, первоначально на стихи религиозного содержания. Они были популярны в России в XVII — XVIII вв. Многочисленные умелые и неумелые певцы исполняли как российские произведения этого жанра, так и сербизированные канты, посвященные святым и покровителям наиболее известных православных монастырей на Фрушка-горе в Среме-Саве, Урошу, князю Лазарю и другим. Канты входили в исполнение драмы Козачинского. Многократно переписанные и текстуально переработанные, они получили самостоятельную жизнь и пользовались популярностью на протяжении всего XVIII и даже в XIX вв. Сербы пели трехголосный виватный кант во славу Петра I, текст которого был идентичен русскому канту, но с иной мелодией.

К сербам поступали также русские и украинские рукописные и печатные музыкальные сборники, певческие книги. Особую группу составляли рукописные собрания духовных хоровых концертов — многоголосных хоровых композиций, написанных на известные литургические тексты. Они появились в юго-западных областях России в XVII в. Все записи были сделаны русской квадратной нотацией. Бытование этих сборников свидетельствовало об определенном уровне сербской певческой культуры³⁹.

С начала 40-х годов после векового перерыва возобновилось (если не считать переиздания русских учебников в 20-30-х гг. XVIII в.) печатание книг на литературных языках сербов. В “Сербской библиографии XVIII в.”, составленной Г.Михаиловичем, в списке печатной продукции за период с 1741 до 1761 гг. значится 25 позиций. В их число входят не только оригинальные сочинения сербских авторов на церковнославянском и латинском языках, но также перепечатанные российские книги, официальные акты, касавшиеся сербского населения, на церковнославянском и латинском языках. Печатная продукция носила преимущественно светский характер. Помимо книг Жефаровича вышли медико-философская диссертация первого серба-врача Й.Апостоловича, “Новая и основательная славено-сербская … каллиграфия” З.Орфелина (Сремски-Карловцы, 1759) и др.⁴⁰.

На территории расселения сербов не было типографии с кирилловским шрифтом. Митрополиты и народно-церковные саборы тщетно добивались от австрийских властей разрешения на ее устройство. Габсбурги же из политических мотивов адресовали сербов к услугам иезуитской типографии в Трнаве, которая имела привилегий на печатание книг кириллицей. Правда, в 1751 г. было разрешено создать типографию в Сремски-Карловцах для выпуска православной и униатской литературы на кириллице. Митрополит Павле Ненадович вел подготовку к ее организации. Но типография по неясным причинам не была открыта⁴¹. В целом, обстановка не благоприятствовала развертыванию дела, требовавшего солидных материальных затрат и весьма проблематичного в отношении издания униатской литературы. Но саборы и Синод не прекратили своих ходатайств относительно национальной типографии. Последним высказался в этом плане Темишварский собор⁴². Поэтому все наборные книги, которые составляли больше половины, были напечатаны в Рымнике, Вене, Блаже, Венеции и других городах. В таких условиях у сербов получило распространение издание книг в гравюрной технике. Испытывая католическое и униатское давление, православная церковь пыталась таким путем оградить свою паству от скрытых идейных “диверсий”. В оформлении печатной продукции, начиная со “Стематографии”, все больше использовались ба-

рочные мотивы.

Повышение духовных запросов и печатание книг привели к пополнению монастырских и церковных хранилищ и собиранию священниками, дворянами, богатыми горожанами личных библиотек. Главной была митрополичья библиотека, основанная Мойсие Петровичем в 1731 г. в Белграде, а затем перенесенная в Сремски-Карловцы. Она насчитывала 400 томов, причем была не только хранилищем, но также складом и местом продажи книг. В 1716 г. костайницкий епископ Никола Милутинович имел помимо 22 церковных еще и "сандук полн прочих книга". В 1734 г. для темишварского епископа Максима Несторовича прошли через таможню в Оршаве 9 ящиков с литературой. В 60-х годах наследие новисадского горожанина С. Вукановича включало 74 издания. На первый взгляд, эти библиотеки по количеству книг не представляли солидных собраний. Однако следует учитывать характер чтения в то время и отсутствие у сербов традиции частного книжного собирательства.⁴³

В первой половине XVIII в. все виды сербской культуры роднило общее стремление к упрочению православной религии и самоутверждению народа. В литературе и историографии, каменном зодчестве и изобразительном искусстве, в оформлении книги и бытовой культуре бережно хранились и почитались традиции. Восприятие их как символа веры и славного прошлого, несомненно, затрудняло освобождение творческой личности от сковывавших византийских стереотипов. И в то же время отношение к наследию отражало общественную тенденцию к сохранению связи времен, почитанию духовных начал, искони общих для всех сербов. В рассматриваемое время приверженность сербов традиции, заключая консервативно-охранительные начала, была одновременно способом духовного выживания, ограждения своей индивидуальности перед лицом мощного внешнего давления. Поэтому следование обычаям нельзя толковать упрощенно лишь как показатель духовного застоя, слепой приверженности старине. Но понимание традиции не как неуклонительного следования правилам, а как верности себе было делом будущего.

А пока требование времени, духовная атмосфера в монархии не-

избежно понуждали талантливых представителей искусства к освоению приемов барокко. Оно входило в сербскую культуру в значительной мере неосознанно под художественным влиянием Леванта, России и Австрии, срашиваясь с поздневизантийскими приемами. Наполненное свежим дыханием барокко, приобщая сербское искусство к общеевропейскому пути развития, имело не только художественный, но более глубокий смысл. Оно предвещало неизбежные сдвиги во всех видах и на всех уровнях общественного сознания, которое вплотную подошло к крутым перелому.

Связи сербов с Россией в области культуры в первой половине XVIII века

Исторические судьбы связали сербов с разными народами. В Австрийской монархии они жили в соседстве и даже вперемежку с ближайше родственными им хорватами, а также с венграми, немцами и влахами. На Балканах они находились в постоянных контактах с мусульманами, в Далмации — с итальянцами и хорватами. В таких условиях сербы стихийно вбирали элементы культуры соседних народов, прежде всего их языка, народного творчества и быта. Русский учитель Максим Суворов писал в Россию из Сремски-Карловцев: “Здешний язык есть венгеро-турецко-немецко-сербский”⁴⁴. Речь шла о проникновении инородных лексических элементов в народный язык сербов. Осваивались и турецкие народные песни, элементы венгерской одежды⁴⁵. Как уже отмечалось, в облике городских поселений в Подунавье отражалось воздействие восточной мусульманской культуры.

Вместе с тем протекал процесс сознательного восприятия образованными сербами культурных достижений других народов. Оно было избирательным и определялось религиозным, этническим и политическим факторами. Ввиду того, что сербы постоянно находились в состоянии религиозной самообороны, а духовная жизнь их была монополией православного духовенства, они отталкивались от культуры католического мира. Зато исконной была духовная близость сербов с русским, украинским и белорусским народами. Культурные контакты между ними опирались на единоверие, этническое

родство, языковую близость и византийскую традицию⁴⁶.

XVIII столетие в истории российско-сербских связей заняло особое место. Возвышение России как центра православного образования и учености, рост ее международного авторитета и активизация балканской политики порождали у сербов надежды на нее. Под гнетом внешних опасностей они хотели лучше узнать Россию, стать к ней ближе, чтобы найти там средства, помощь и поддержку.

В свою очередь, с энергичной внешней политикой России в черноморском направлении возрастало значение православных народов в ее планах и целях. Они привлекали внимание русского правительства не столько в силу религиозных уз, хотя это тоже играло роль, сколько местом в системе отношений России с Австрией, Венецией и Турцией. Внешнеполитическая стратегия петербургского правительства предполагала укрепление связей с христианским населением Балкан. В XVIII в. российско-сербские связи получили новую прочную основу благодаря общности интересов России и сербского народа в ослаблении Османской империи.

В первой половине XVIII в. сербы постоянно обращались к российскому правительству и его представителям в Вене за покровительством и поддержкой в своем стремлении освободиться от османского гнета и оградить себя от экономических, политических и религиозных притеснений в австрийских и венецианских владениях⁴⁷.

Петербургский кабинет, исходя из своих интересов, шел на встречу, насколько позволяла международная обстановка, предложениям и просьбам о поддержке, поступавшим из югославянских земель. С начала XVIII в. российское правительство оказывало дипломатическое давление в защиту православного населения на Балканах. В дальнейшем оно предпринимало шаги для ограждения интересов единоверцев под властью Австрии и Венеции⁴⁸. Одновременно русский двор проявил готовность поселять в России югославян, стремившихся освободиться от всевозможных притеснений. Развернулось массовое переселенческое движение в Россию⁴⁹. Переселенцы способствовали укреплению российско-сербских связей.

Отношение Вены к российско-сербским контактам зависело от ее потребности в союзе с Россией. В первой половине XVIII в. австрийское правительство периодически принимало меры, направленные на их ос-

лабление. Однако антирусский режим тогда не строго соблюдался.

Главную роль в поддержании и развитии сербско-российских контактов в области культуры играла православная церковь. Она была активным сторонником сближения сербов с Россией. Но при этом церковь преследовала свои цели, о чем свидетельствовали, в частности, меры митрополита Павле Ненадовича, предпринятые по указанию Марии Терезии, чтобы воспрепятствовать переселенческому движению сербского населения из пределов габсбургской монархии в Россию⁵⁰. Духовенство рассматривало сербско-российские связи как гарантию упрочения православия и положения народа в обстановке иноземного гнёта.

В рассматриваемое время церковь оказывала решающее влияние на формирование у сербов представления о России. Несмотря на неудачу Прутского похода Петра I в 1711 г., именно с этого времени в сознании сербов стал складываться образ России как державы, противостоящей османской Турции и заинтересованной в освобождении балканских народов. В общественном сознании, формировавшемся церковью, делался упор на единоверии и генетическом родстве сербов и шире — православных южных славян — с русским народом. Показательно, что Жефарович подписался в “Стематографии” как “илирико-рассианский общий зограф”⁵¹.

В той же книге была сделана слабая попытка создать образ Москвы. Изображение ее герба сопровождалось следующим стихотворным текстом:

“Двоеглавним орлем златим Москва украшена,
К народу, к супостатом оком приложена,
Народ держит правилно, мечем супостати
Побеждает, от страха враг не смеет стати”⁵².

Москва, которая олицетворяла в данном случае Россию, представляла в ореоле силы и справедливости.

Сербские церкви и монастыри в Австрийской монархии и на Балканах постоянно обращались в Петербург за помощью. В ответ они регулярно получали из России в виде правительенного дара церковную утварь, богословские и обрядовые книги, учебники, облачения, денежные субсидии. Среди церковных предметов случались весьма ценные: шиты золотом и серебром, украшенные жемчугом и золотыми пуговицами облачения, покрытые драгоценными камнями палицы и т.д. Подарки, выделенные в 1722 г. белград-

скому митрополиту Мойсие Петровичу, оценивались в несколько тысяч рублей. Кроме того, Синод постановил направить из своей казны в эту митрополию богослужебных книг для 12 церквей⁵³.

В 1724 г. по просьбе Мойсие Петровича в его распоряжение было отправлено 400 букварей и 100 учебников грамматики⁵⁴. Очевидно, это были букварь Феофана Прокоповича “Первое учение отроком”, составленный в 1720 г. по повелению Петра I, и грамматика русского церковнославянского языка, написанная Мелетием Смотрицким, с дополнениями Ф.Поликарпова в издании 1721 г. Они стали первыми печатными учебниками в сербских школах.

В 1733 г. Московская синодальная типография выдала литургических книг для шести церквей в Себешской епархии. В 1754 г. православные монастыри в Хорватии получили от Синода 426 российских книг, в том числе 100 букварей. В следующем году было добавлено еще 514 книг. В 1761 г. монастырю Гомирье было отпущено 503 книги, в том числе 120 букварей и 100 “азбук ученых”. По просьбе православного епископа в Далмации С.Кончаревича в 1761 г. безвозмездно было выделено для монастырей и церквей этой провинции богослужебных книг на сумму 367 руб. 35 коп.⁵⁵. В XVIII в. сербская церковь ввиду религиозной подозрительности официально признавала только российские богословские и обрядовые издания. Материальные поступления из России поднимали престиж и укрепляли церковную организацию у сербов.

Сербские духовные лица традиционно приезжали в Россию за “милостыней” и субсидиями для своих церквей в монастырей, а иногда и с политическими целями⁵⁶. “Хождение” в Россию позволяло им лично общаться с русскими. Из рассказов грамотных людей о виденном простые сербы могли составить представление о том, что делалось в России. В свою очередь, российские монахи, торговцы, учителя, иконописцы посещали земли, где жили сербы.

Выше уже отмечалась ориентация сербской литературы, живописи, музыкальной культуры и школьного театра на Россию. Важное место в российско-сербских связях занимали книга и школа.

В России сербы получали готовый запас литературы. Она снабжала их печатными книгами не только церковного, но и светского содержания, особенно учебниками для начального образования, ко-

торые вплоть до школьной реформы Марии Терезии являлись основным пособием в сербских школах. Книги поступали по разным каналам, в том числе и посредством рынка.

При дорогоизнне и нехватке книг торговля русскими и украинскими книгами была весьма выгодной⁵⁷. Поэтому российские торговцы привозили их в габсбургскую монархию, несмотря на чинимые австрийскими властями препятствия, и на Балканы и продавали на базарах и ярмарках. Простые сербы встречали таких купцов как “утешителей православия” и охотно покупали “душеполезные” и “душеспасительные” книги. Часть их оставалась в личном пользовании, но много книг передавалось монастырям и церквам “на помин души”, “за здравие”, “на отпущение грехов” и т.д.⁵⁸.

На Балканах центром российской книжной торговли был Адрианополь, откуда книги расходились по всему полуострову. Но в середине XVIII в. российские купцы перестали посещать ежегодную ярмарку в этом городе. “Неописанно э от тада, — отмечал П. Соларич, — наши црква’ у Далмации, Босни и Ерцеговини книжеско оскудевание”⁵⁹.

Российские книги составляли большую часть книжных собраний монастырей и церквей, а также частных библиотек дворян, священников и торговцев. В 1732 г. в 104 церквях и у священников в Среме насчитывалось 1146 книг, из которых 681 были российскими. В 1753 г. при переписи монастырских библиотек в том же крае было обнаружено уже 852 российские книги⁶⁰.

В первой половине XVIII в. основную часть российского книжного фонда у сербов составляли богослужебные и библейские книги, но он включал и значительные произведения светской литературы⁶¹. Он формировался под влиянием потребностей сербской церкви, вкусов немногочисленных читателей, а также издательского репертуара Петербурга, Москвы, Киева и Чернигова.

Продолжая многовековую традицию, у сербов функционировали рукописные и печатные российские версии византийской патристики, составлявшей совместное наследие русских, украинцев и сербов. Это были сочинения Иоанна Златоуста, Григория Назианзина, Ефрема Сиринса, Афанасия Александрийского и других авторов. Патристическая литература сохраняла актуальность ввиду заключенных в ней догм христианской религии и ее этических идеалов. Еще продолжали

возбуждать простые души сербов агиография и патерики. Среди них был древнейший киевский памятник “Патерик Печерский”.

Вместе с тем украшением сербских библиотек стали сочинения представителей русской, украинской и белорусской литературы второй половины XVII — начала XVIII вв. Прежде всего это были проповеднические произведения “Обед душевный” (1681) и “Вечеря душевная” (1683) белоруса Симеона Полоцкого, питомца “киевской школы”, одного из зачинателей русского силлабического стихосложения и драматургии. Сербы были знакомы с проповедями Симеона Полоцкого в их устном изложении, поскольку по распоряжению митрополита Павле Ненадовича за отсутствием оригинальных произведений они читались в сербских церквях. Книжные собрания сербов включали сборники нравоучительных наставлений киевского митрополита Исаии Копинского “Алфавит духовный”, трактат о проповедническом искусстве “Ключ разумения” (1659) профессора и ректора Киево-Могилянской академии Иоанникия Галятовского, “Камень веры” (напечатан в 1728 г.) теоретика ортодоксального православия, поэта и философа Стефана Яворского, сочинения И. Максимовича, Лазаря Барановича и др. Полемическая литература “киевской школы” была актуальна в борьбе сербов против католицизма.

Выдающиеся писатели Украины, связанные с польской культурой, сообщали читателю широчайший свод знаний. В лучших сочинениях проповеднической литературы были подняты многие вопросы, которые затем постоянно занимали русскую (и не только русскую) общественную мысль, получая в соответствии с требованиями времени новое наполнение и звучание (например, вопросы морального совершенствования человека, воспитания молодежи, ответственности родителей, образования, искоренения суеверий и т.д.). В толще холастики содержались философские понятия, которые подготавливали сознание к восприятию в определенных условиях мировоззренческих категорий более высокого уровня философского развития. Сочинения Симеона Полоцкого и его круга вводили в атмосферу европейского стиля — барокко⁶². Эта литература, при всем ее религиозном строе, расширяла кругозор сербского читателя.

Особое место занимали книги церковного сановника, выдающегося публициста петровского времена, писателя Феофана Прокопо-

вича. Речь идет в первую очередь о Регламенте Духовной коллегии (Синода), составленном им по указанию Петра I в 1721 г. Феофан Прокопович, один из образованнейших людей России первой четверти XVIII в., был сторонником политики Петра I и его фактическим помощником в проведении церковной реформы. Духовный регламент определил права и функции Синода, а также его место в системе центральных учреждений России. В законодательный акт, круто изменивший положение православной церкви в стране, Феофан Прокопович внес страстную убежденность в необходимости преобразований.

В Регламенте обращалось внимание на то, что в житиях святых имелись “явственно ложные и здравому учению противные” сюжеты, отмечались махинации духовенства с “чудотворными” иконами и мощами, осуждались вредные обычай и церемонии, роскошь, грубость епископов, их злоупотребления властью, поборы с народа, потворство чрезмерному поклонению со стороны паствы. Остро был поставлен вопрос о борьбе с суеверием, которое рассматривалось как “зло общее”. Регламент вменял в обязанность епископам следить за монахами, “дабы не волочились беспутно”, ставил под контроль Синода приходы и расходы “всех знатнейших монастырей России”⁶³.

Наряду с идеей “исправления церкви” Регламент утверждал необходимость и пользу распространения знаний, развития светского образования. В нем опровергалось внушаемое невежественным духовенством представление, будто знания являются источником ереси. История учит, говорилось в документе, что “все худшее в темных, нежели в светлых учениях временах”. Придавая важное общественное значение образованию, Феофан Прокопович писал: “Убо учение добре и основательное есть великой пользы, как отечества, так и церкви, аки корень и семя и основание”⁶⁴. Некоторые из этих положений он высказал в своем букваре “Первое учение отроком”. В сербских монастырях имелась “Правда воли монаршей” Феофана Прокоповича (М., 1722), содержавшая идеологическое обоснование абсолютизма. Сербские библиотеки располагали законодательными актами Петра I.

Сочинения Феофана Прокоповича оказали существенное влияние на развитие сербской общественной мысли. Идеи, литературные при-

емы, свойственные Феофану Прокоповичу и его предшественникам, сербские авторы использовали при создании своих произведений. Вплоть до последней четверти XVIII в. самые замечательные умы у сербов идейно и творчески формировались на лучших образцах русско-украинско-белорусской литературы барокко.

Сербского читателя еще захватывали хронографы и европейская средневековая историко-беллетристическая литература с сюжетным построением “высокого” рыцарского романа. Русские версии этих произведений в XVIII в. неоднократно переиздавались в России. То были “Хроника Георгия Амартола”, книги “История Иудейской войны” и “О взятии Царьграда” Иосифа Флавия, повесть о разорении Трои, написанная Гвидо де Колумна, “Александрия”, повествующая о жизни и подвигах Александра Македонского, и другие сочинения. Эти памятники, получившие широкую известность в средневековой Европе, имели читателей на континенте и в более позднее время. Сербам была известна также “Апофегмата” (М., 1717) — сборник поучений, изречений и анекдотов, связанных в основном с античными лицами. Он был составлен Бениашем Будным и получил широкую известность. В России сборник в переводе с польского языка многократно переиздавался⁶⁵.

Русские переводы были посредниками в знакомстве сербов с западной историографией. Во многих монастырских библиотеках имелась книга Цезаря Барония “Деяния церковная и гражданская” (М., 1719). Это был перевод сокращенного варианта 12-ти томного труда “Анналы” деятеля католической церкви второй половины XVI в., составленного польским иезуитом П. Скарой. Написанная хотя и с церковных позиций, книга Барония представляла собой широкую по охвату материала компиляцию по всеобщей истории. В России она воспринималась как сводка гражданской истории. То же касалось книги “Феатрон или Позор (Обзор) исторический, изъясняющий повседневную историю” (СПб., 1724) протестантского епископа В. Стратемана. Ее перевел по приказу Петра I в 1720 г. Г. Бужинский. “Феатрон” относился к тому же жанру, что и труд Барония.

Получил известность у сербов также труд Мавро Орбина, возвеличивавший историю южных славян, благодаря извлечениям и переводу Саввы Владиславовича Рагузинского (СПб., 1722). В

русском переводе сербы познакомились и с сочинением известного деятеля немецкого Просвещения С.Пуфendorфа “Введение в историю европейскую” (СПб., 1718). Из этих книг сербы, хотя и с известным запозданием, черпали знания о Европе.

Пробуждался интерес сербов к книгам естественно-научного содержания. В русском варианте они узнали “Географию генеральную” Б.Варения (М., 1718), “Книгу миозрения, или мнение о небесноземных глобусах и их украшениях” Х.Гюйгенса (СПб., 1717; М., 1724), излагавшую в популярной форме теорию Коперника. В митрополичьей библиотеке в Белграде имелись “Полидора Виргилия Урбинского осмь книг о изобретателях вещей” (М., 1720), рассказывающие о зарождении наук, искусства, техники и общественных форм жизни. Стремление овладеть нормами светского обхождения обусловило популярность у некоторой части сербов переводной и компилиативной книги “Юности честное зерцало”, составленной Г.Бужинским (СПб., 1717). Это был первый светский учебник в России.

Ввиду нехватки книг карловацкие митрополиты перепечатывали российские церковные издания и учебники. В 1726, 1727 и 1734 гг. был переиздан в Рымнике букварь Феофана Прокоповича. При этом в связи с запрещением австрийскими властями тогда ввоза книг из России из него были исключены тексты, свидетельствовавшие о российском происхождении учебника. Вплоть до 60-х гг. XVIII в. сербские дети обучались грамоте по нему. Он стал образцом при составлении в дальнейшем сербских пособий такого рода. Считается, что и в основе “Букваря” Жефаровича был русский оригинал. В 1755 г. по решению и на “иждивение” митрополита Павле Ненадовича была перепечатана в Рымнике “Грамматика” М.Смотрицкого. По этой книге сербы учились книжному языку весь XVIII век. Переиздавались книги религиозно-просветительного содержания, предназначенные для читающей публики, сочинения митрополита и церковного писателя Петра Mogилы и Феофана Прокоповича⁶⁶.

Российские печатные книги и рукописи переписывались также. Сербские монахи включали в рукописные сборники выдержки из произведений российских литераторов, в частности отдельные проповеди Симеона Полоцкого, и извлечения из русских переводов ан-

тичных и византийских авторов. Русские народные песни, светские и церковные поэтические сочинения, нередко в адаптированном виде, входили в городские песенные сборники. Среди них были оды в честь Екатерины I и Елизаветы, "Песнь о русском рату бившая с турками при граде Хотине", "Песнь славного орла ⁶⁷ российского" (в честь победы над Швецией), "Радуйся Россие" и др.

Перепечатка и переписка российских книг, ставшие возможными благодаря церковнославянскому языку, применявшемуся в литературе русских, украинцев и сербов, были особой формой связей, не имевшей аналогов в то время во взаимоотношениях сербов с другими народами.

Российский книжный фонд, которым пользовались в первой половине XVIII в. сербы, состоял как из рукописных сочинений, сохранившихся с давних времен, так и печатной продукции основных издательских центров России. Русские и украинские книги количественно преобладали в сербских книжных собраниях, составляя основную часть их. По составу и характеру поступавшие к сербам российские книги соответствовали запросам сербского общества, не прошедшего ввиду особенностей историко-культурного развития стадии Ренессанса или Реформации с их духовно-преобразовательной миссией и отягощенного грузом средневековых представлений и ценностных ориентиров.

В трудных обстоятельствах жизни сербов российская печатная книга имела особое значение. Прежде всего она была основным источником знаний, сопровождая духовное развитие серба на протяжении жизни со школьных лет и поставляя материал для занимательного чтения. Русская и украинская барочная литература расширяла общественный кругозор грамотных сербов, одновременно возбуждала сербское сознание, подготавливая его к рождению национальной критической мысли. В условиях, когда православие сжилось с этническим самосознанием сербов и существовало традиционное чувство славянского родства, российская книга служила также средством борьбы против покатоличения и исламизации.

Но функционирование, и, следовательно, общественное воздействие российской книги у сербов было социально ограниченным, охватывая духовенство, дворян, торговцев и немногих

ремесленников. Ввиду поголовной неграмотности крестьян и чуждости им русского церковнославянского и светского языков она практически не проникала в сельские массы.

С помощью России получило развитие школьное дело у сербов. Традиционно православная молодежь обучалась примитивным образом в отдельных монастырях, исполняя одновременно обязанности слуг, или с помощью наемных учителей во временных школах кое-где при церквях и общинах. Такие учителя обычно были и служителями в церкви.

Со времени переселения сербов в Австрийскую монархию школьный вопрос получил для них особое значение. Православная церковь нуждалась в образованных священниках для противостояния унии и общего повышения своего престижа. Но дело не ограничивалось церковно-религиозными интересами. Грамотность становилась для сербов условием вхождения в социальные, профессиональные и культурные структуры Австрийской монархии. Все это побуждало митрополитов и народные саборы неоднократно просить австрийский двор об учреждении сербских школ и типографий⁶⁸.

В 1718 г. белградский митрополит Мойсис Петрович тайно обратился к Петру I с прошением о помощи церквам, разоренным османами в ходе войны, а также о присылке двух учителей из России и безвозмездной субсидии на строительство школ. В 1721 г. Мойсис Петрович повторил просьбу о помощи в "учении" сербов. Белградский иерарх завершал письмо словами: "Не ищем богатства, токмо о помоши к просвещению учения и оружия душ наших к сопротивлению врагов наших"⁶⁹.

В 1722 г. Петр I распорядился отправить "в некую страну", помимо церковных предметов и книг, двух учителей из учащихся Киевских школ "ради обучения славено-латинского диалекта". Однако в Киеве не нашлось преподавателей. Поэтому Синод в 1724 г. постановил послать в Белград Максима Терентиева Суворова с жалованием в 300 руб. в год и ассигновать такую же сумму на содержание учителя греческого языка из местных жителей⁷⁰.

Максим Суворов, происходивший из мелких дворян, получил образование в славяно-латинских школах в Москве. В 1717-1720 гг. он жил в Праге в качестве переписчика, а затем переводчика книг с не-

мецкого языка. За это время он прошел курс философии. По возвращении в Россию служил синодальным переводчиком⁷¹. Назначение Суворова учителем в Сербию не было случайным. Он знал европейские языки и был знаком с жизнью славян в Австрийской монархии.

М.Суворов выехал в Сербию в конце 1725 г. Он вез с собой книги, купленные на собственные средства. По дороге он многократно платил за них пошлины. Путь был трудный и долгий, и лишь весной 1726 г. русский учитель добрался до Вены. Летом он прибыл в Сремски-Карловцы. С самого начала Суворов оказался в трудном материальном положении. Нужда, объяснявшаяся в значительной мере нерегулярной выплатой жалования, долги осложняли его жизнь и деятельность.

1 (12) октября 1726 г. Суворов открыл на своей квартире в Сремски-Карловцах "славянскую школу". В следующем году по решению митрополита Суворов переехал в Белград. Здесь училось уже 40 детей⁷². Русский учитель применил методику общеобразовательной школы. До этого времени обучение проводилось путем заучивания учащимися наизусть церковных текстов, нанесенных учителем на вощенную доску. Учебников и книг не было. Такой метод не давал навыков чтения, и "выпускник" школы в дальнейшем в оправдание своей неграмотности говорил: "Я-де сей книги не уил"⁷³. Суворов же учил молодежь на книжном (русском церковнославянском) языке чтению, письму на основе грамматики и арифметике. Система воспитания в то время отличалась большой жестокостью. Но русский учитель не применял телесных наказаний. "... Никто детей учащихся в моей школе не бист", — писал он Мойсие Петровичу⁷⁴. Однако невежественные люди усматривали в образовании ущерб для веры и опасность для спасения души. Полуграмотные монахи и священники, опасавшиеся появления образованных людей среди сербов, учителя, недовольные конкуренцией Суворова, настраивали население против его школы. В письме митрополиту от 15 марта 1727 г. Суворов жаловался на обиды "ненавистников добра народного"⁷⁵. А несколько позже он сообщал, что "от напастей наносимых, ученицы все хотят быти дезертирати"⁷⁶. Начался отлив учащихся из школы. К тому же митрополичий дом,

где она находилась, был разобран в связи с перестройкой крепости. Поэтому Суворов в конце 1727 г. по решению митрополита вернулся в Сремски-Карловцы на свою прежнюю квартиру⁷⁷.

Мойсей Петрович был захвачен мыслью о развитии школьного дела. Опираясь на распоряжение австрийских властей об открытии школ для сербов, он в 1727 г. обратился к "народным предводителям" с призывом создавать учебные заведения. Почти дословно повторяя Феофана Прокоповича, сербский митрополит утверждал, что "учение добroe и основательное" — "корень и семе и основание" всякой пользы как для государства, так и для церкви. "...На худшес д'нь от д'не без' фундаментнаго очения доспевамо"⁷⁸. Изменение отношения к знанию, на первых порах в руководстве православной церковью, было важным моментом в умственной жизни сербов. Пройдет немного времени, и сербское общество столкнется с вечными вопросами о соотношении разума и веры, науки и откровения.

Между тем Суворов обустроил школу в Сремски-Карловцах, и число учащихся здесь достигло 127 человек, в том числе трое последовали за учителем из Белграда. На следующий год Суворов начал преподавать и основы латинского языка⁷⁹. В XVIII в. он был официальным языком в Венгерском королевстве, языком науки. Русский учитель не только обучал молодежь, но и выполнял работы по содержанию помещения школы.

Большие трудности Суворов испытывал из-за нехватки учебников. В 1727 г. австрийские власти запретили ввоз литературы из России. Через два года они повторили запрет. В экстракте из донесения Суворова от 1731 г. в Синод, составленном в канцелярии последнего, по этому поводу говорилось следующее: "Книг же в тамошних странах и церковных весьма скучно, а во иных церквях едва к(ак)ая обретается. И то или львовская, или обветшалая веницианская книга, или рукописная и раздранныя. А прежде-де сего нецы снабдевались книгами, привозенными повсягодно на продажу от российских торговцев, но прошлаго-де 727 года на границах венгро-немецких под именем книг схизматических конфискованы были, для которых свобождения те торговцы были в Вене (у) чрезвычайного посланника господина Ланчинского и по возврате оттуда с указом освободительным при отдаче им тех книг назад за-

прещено впредь возити книги российския, чего ради не единой книги в ту страну не привезено. И како можно быти школе и церквам без книг?"⁸⁰. Нехватка учебников подрывала педагогическую методику русского учителя.

Но не только отсутствие необходимых учебных материалов, недостаток средств, теснота и холод в помещении затрудняли работу школы. Слепые или озлобленные люди, для которых приезжий учитель олицетворял опасное начало, поддерживали вокруг Суворова атмосферу недоброжелательства. Многие ученики оставили школу, забрав при этом и учебники. Тем не менее энергия и сознание долга не покидали Суворова. В 1729 г. он самоотверженно работал уже с тремя помощниками из бывших своих учеников⁸¹.

Со смертью в 1730 г. митрополита Мойсие Петровича в среде духовенства разгорелись распри. В такой обстановке школа Суворова пришла в запущенное состояние. Желая привлечь к ней внимание "знатных лиц", Суворов обратился в народно-церковный собор, собравшийся в марте 1731 г. в Сремски-Карловцах по случаю избрания нового митрополита, с предложением подтвердить необходимость работы школы и его пребывания в городе. В ответном письме Суворову было сказано, что труд его "всем угоден и полезен"⁸².

Однако новый митрополит Викентий Йованович не проявлял интереса к приезжему учителю. Натянутые отношения Суворова с местным духовенством усугублялись его нервозностью, нескончаемыми просьбами о материальной помощи из-за постоянной задержки жалованья. Взаимное недовольство и настороженность переросли в откровенную вражду⁸³.

Между тем Суворов выполнил свою задачу, подготовил смешу. В 1729-1731 гг. в Араде преподавал его брат Петр. Ученики Суворова работали в Костайнице, Петроварадине, под Осиексом, в Араде. Из этого можно заключить, писал Суворов в Синод, "что славенского ради учения довольствоватися могут своими, точию-де словами политично изъявляют себе хотети его имети, а не делом"⁸⁴. К тому же "знатнейшие сербские люди" стали отдавать своих детей в разного рода католические школы, где они одновременно обучались латинскому, немецкому и венгерскому языкам. В такой обстановке Суворов считал целесообразным покинуть в 1731 г. Сремски-Карлов-

цы. Свою библиотеку в количестве 74 томов он продал митрополиту. Это были книги преимущественно светского содержания на латинском и немецком языках — учебная и научная литература, разного рода словари, сочинения по истории, математике, медицине, философии, экономике и др. Библиотека имела “Одиссею” Гомера, жизнеописание Петра I, рукописную скифскую историю⁸⁵. Ее состав свидетельствовал о широте кругозора Максима Суворова.

Суворов предполагал ехать в Россию. Однако из-за задержки выплаты жалования и подорожных был вынужден задержаться в Вене. Письмо будимскому владыке Василие Димитриевичу из австрийской столицы он с горечью подписал “Максим Суворов с.р. изгнанный учитель”. Он вернулся в Петербург лишь в 1737 г.

Викентие Йованович неоднократно обращался в Россию с просьбой о присылке новых учителей. В 1733 г. к сербам были направлены Мануил Козачинский, Петр Падуновский, Трофим Климовский, Георгий Шумляк, Тимофей Левандовский, Иван Ластовицкий и Иван Минацкий⁸⁶. Полтора года до своего возвращения в 1738 г. в Киев “в государстве Венгерском учителем зоставал” Симон Тодорский, прошедший до этого университетский курс в Галле. Он преподавал в греческой школе, которую, надо полагать, посещала и сербская молодежь⁸⁷. Все это были ученые люди.

Козачинский, Падуновский и Минацкий стали преподавателями в школе в Сремски-Карловцах, которая объединяла низшую и неполную среднюю ступень обучения и была организована по образцу Киевской академии с классами аналогии, инфимы, грамматики, синтаксиса, поэзии и риторики. Среди учеников были Павле Ненадович младший и Й. Раич, ставший впоследствии видным писателем и историографом. На Козачинского был возложен также надзор над славяно-латинскими школами в Карловацко-белградской митрополии. В 1736 г. он вместе с Падуновским выезжал в Хорватию для обучения там православных священников. Но трения среди православной иерархии отрицательно оказывались на работе школ. Поэтому в 1737 г., когда умер Викентие Йованович и карловацкая школа была распущена, российские учителя после хлопот в Вене отправились на родину⁸⁸. Козачинский стал преподавателем и вскоре префектом Киево-Могилянской академии, Падуновский по

ее завершении занял должность профессора Тверской академии. Высокообразованный Тодорский одно время преподавал восточные языки в Киеве, закончив жизненный путь архиепископом Псковским и Нарвским.

В последующие годы в сербских краях учителяствовали в разное время отдельные выпускники Киево-Могилянской академии⁸⁹. Российские учителя содействовали переходу сербов от доморошенной грамотности к школьному образованию.

Несмотря на сопротивление заурядных умов, школьное дело получило дальнейшее развитие. В 1750 г. из церковных и частных поступлений был создан специальный фонд для содержания школ. Почти 20 лет в Сремски-Карловцах действовала общеобразовательная школа типа низшей гимназии. В 1768 г. в Карловацкой митрополии насчитывалось уже 53 сербских учителя. Это было немало. Обстановка в Австрийской монархии побуждала сербов к изучению языков, прежде всего латинского и немецкого. На этом настаивала Вена, но того требовала и жизнь. Они стали входить в число школьных предметов⁹⁰. Знание языков облегчало начитанным сербам приобщение к ценностям мировой культуры. В епархиях появились клерикальные школы.

Уже в первой половине XVIII в. сербская молодежь стала отправляться для образования в Российскую империю, прежде всего в Киево-Могилянскую академию, которая была знаменитым высшим православным учебным заведением. Сюда стекалась молодежь из разных краев России и из заграницы. Академия давала не только хорошее образование, но и возможность тесного общения разноязычных слушателей, обмена сведениями о жизни своих народов⁹¹. В период с 1726 по 1762 гг. в ней учились несколько десятков сербов из Австрийской монархии, Далмации и из глубины Балкан. В 1757 г. в Академию поступили также 9 черногорцев, но через год они перешли в Петербургский сухопутный дворянский кадетский корпус. Среди первых сербов, прибывших в Киево-Могилянскую академию, были ученики М.Суворова и М.Козачинского⁹².

Сербы добирались до Украины с попутными купеческими обозами, а случалось, и пешком. В Киеве, ввиду слабой материальной обеспеченности академии, они старались устроиться в местных мо-

настырях, а если это не удавалось, останавливались на частных квартирах и в помещении для казеннокоштных учеников — бурсе. В 1765 г. киевский генерал-губернатор Глебов в докладе императрице писал, что большинство учащихся Киевской академии живет “сиротским иждивением..., питаясь и одеваясь от подаяния щедрых людей. С сими сиротами и бедными живут, пытаются, снабдеваются многие для наставления во благочестии приходящие иностранные, то есть: волохи, молдавцы, сербы, греки и поляки благочестивого исповедания”⁹³. Студенческая беднота жила впроголодь, зимой в тесноте и холода, подвергаясь к тому же тяжелым телесным наказаниям. Горемычная жизнь бурсаков, житейские невзгоды и трудности вынуждали многих покидать академию, некоторые перебирались в Москву.

Судьба сербов, получивших образование в Киеве, была разной. Некоторые из них остались в России. Среди сербов, прошедших полный курс академии, выделялся Дионисие Новакович, родом из Далмации. Талантливый проповедник и поборник “наук свободных”, он стал преподавателем и префектом Латинско-славянской школы в Нови-Саде, а затем епископом в Буде. В 1741 г. на основе педагогического опыта он написал книгу “Эпитом сказания священного храма”, первый у сербов лингвистический справочник для священников. “Епитом” неоднократно переписывался — в Бачке, Среме, Славонии, Далмации — и издавался. Судьба этой книги интересна с точки зрения распространения популярных рукописных сочинений⁹⁴.

Потребность сербов в сближении с Россией и в использовании русского и украинского опыта привела к изменению языковой ситуации в сербской литературе. Этому способствовали поездки грамотных сербов в Россию, распространение российских книг и деятельность учителей. К 40-м годам XVIII в. церковнославянский язык русской разновидности с сербскими элементами, вытеснив местный вариант этого языка, стал господствовать в сербской церкви, литературе и школе. В светские книги вошел также архаичный русский язык⁹⁵. Эти перемены стали частью живого культурного процесса донациональной поры. В то время, когда грамотность и образование были достоянием узкого круга сербов, русско-сербское литературно-языковое сообщество облегчало восприятие “книжны-

ми людьми" российской печатной продукции и позволяло использовать ее, чтобы вывести на простор собственные духовные силы.

В первой половине XVIII в. культуры русского и украинского народов были источником, из которого сербы в значительной мере черпали необходимый материал для развития своей культуры. Россия, сама интенсивно осваивавшая достижения Запада, поставляла сербам идеи, готовую печатную продукцию, художественные формы. В эти годы отношения сербов с Россией в духовной сфере носили характер прямой ассимиляции произведений русской и украинской литературы, графики, иконописи, музыкальной культуры, а также школьной методики и т.д. Через Россию распахивалось "окно в мир" для сербского искусства. В ходе развития сербской культуры в XVIII в. российские образцы были отнюдь не частным эпизодом, а важным фактором сербского культурного процесса.

Первая половина XVIII в. в истории сербов была временем бесчисленных жертв и разрушений, связанных с тремя австро-турецкими войнами, и созидательного труда народа. Вновь и вновь на территории, периодически подвергавшейся военным действиям, сербы восстанавливали города и села, восполняя утраченные реликвии и культурные ценности мужественной энергией. Вопреки всем невзгодам шла на подъем культурная жизнь сербского общества. Духовная атмосфера становилась разнообразнее и богаче. Оживилось историческое сознание, получившее выражение в литературе и историографии, появились новые виды художественной культуры, становившиеся уделом светских профессионалов. Художественная мысль делала робкие шаги на пути преодоления обветшалых византийских канонов и включения в общеевропейское стилевое движение. И уже недалек был прорыв к индивидуальной свободе творчества. С возобновлением печатной деятельности произошел сдвиг в распространении книжного слова и оригинальных произведений графического искусства. Возрос спрос на буквари и другие учебники — молодежь потянулась к знаниям. Налаживание школьной системы способствовало общему расширению грамотности. Поднимался образовательный уровень начитанных сербов.

Балканы были безбрежной ареной народных сказителей, сель-

ских мастеров-строителей, стихийно передававших красоту природы и жизни, и зографов, простосердечно представлявших лики святых.

Богат был талантами сербский народ. Но ему не хватало великого опыта цивилизации, и не сложилась еще умственная и эстетическая сердцевина светского общества.

В первой половине XVIII в. сербская культура позднего средневековья переживала прилив сил. Но одновременно это было ее историческим закатом. На фоне общего расширения свойственных ранее форм творчества происходило постепенное внедрение разрозненных явлений барокко. Этот симбиоз рождался из необходимости приспособления сербов к новой обстановке и смутной неудовлетворенности беспокойных умов отдаленностью искусства от жизни.

Переселение в Австрийскую монархию поставило наиболее мобильную и состоятельную часть народа во главе с православной церковью в новые, отличные от Балкан условия. Притом расселились сербы в местах, и ранее обжитых их соплеменниками, с живым международным сообщением. Среда, в которой они оказались, прямое соприкосновение с европейской культурой исключали застой и изоляцию. Переменчивая судьба народа неизбежно побуждала сербов к сближению с западной цивилизацией. Чтобы вжиться в нее, нужно было преодолеть обветшалые жизненные стереотипы.

В первой половине XVIII в. православная церковь не только через религию продолжала главенствовать в духовной жизни сербов, но и играла инициативную роль в наращивании общего объема культуры. Она стояла у истоков возрожденного книгопечатания и регулярной школы, с ней в первую очередь был связан подъем строительного и изобразительного искусства, ведущих видов художественной культуры в то время. Но все более заметным становилось включение в профессиональное творчество мирян.

Активность церкви обуславливалась две существенные особенности сербского культурного процесса в рассматриваемое время. Прежде всего — недостаточную расчлененность собственно церковного и светского направлений. Представители духовенства выступали вдохновителями, а то и создателями светских по содержанию произведений, свободные художники проявляли себя главным обра-

зом в церковной живописи и иконописи, под эгидой церкви была школа, дававшая молодежи общеобразовательные знания. Но вначале слабый по действию и ограниченный по размерам секуляризационный процесс набирал силу.

Другая особенность сербской культуры состояла в том, что явления, нарушающие привычный строй общественного сознания, имели мировоззренческие пределы. Освоение, в первую очередь из России, общеевропейских выразительных средств в искусстве, осознание мыслящими людьми важности знаний, пробуждение умственной любознательности, растущий интерес к книге — все это при всей необычности укладывалось в рамки всеобщего теологического мышления, не разрывая круг конфессиональной замкнутости. Нововведения означали подъем духовной жизни сербского общества на позднесредневековой основе. Тем не менее был поколеблен веками выношенный мир представлений, творчества, повседневности. Духовная атмосфера наполнялась смутными и неведомыми еще ощущениями. Культурное движение первой половины XVIII в., явившееся результатом приспособления значительной массы сербов к изменившимся условиям жизни, проложило путь грядущим духовным переменам, имевшим под собой глубокие структурные изменения в обществе.

ГЛАВА III

НА ПУТИ К ПРОСВЕЩЕНИЮ

Захария Орфелин и его время

В 60-е годы XVIII в. у сербов начался переход от культуры позднесредневекового типа к культуре Нового времени. Явления, нарушавшие привычный строй представлений и вкусов, при мощном внешнем влиянии проникая в духовную жизнь сербов, получили иное качественное содержание благодаря зарождению свободной экономической системы. Свежее видение мира и общественное осознание назревших задач сербского исторического развития, формирование национальной общности культуры, зарождение принципиально отличных от бытовавших ранее способов духовных связей и распространения в обществе умственной и художественной продукции, наконец, появление личности с идеино-нравственными чертами Нового времени — все это, получая характер необратимого процесса, подняло сербскую культуру на более высокий исторический уровень.

Постепенно крепнувшая и обострявшаяся память народа о его связях с предками объединила людей с разной психологией, неодинаковыми интересами и различным уровнем знаний в единодушном стремлении понять “кто мы?”, “где наши корни?”, “что с нами стало”, “как нам выжить и сохранить свою землю для потомков”. Так на первых порах в специфической форме исторического мышления в XVIII в., возвестившем во всей Европе о рождении национальной идеи, у сербов стало оформляться великое по своему общественно-му смыслу национальное самосознание.

Но процесс духовного преображения и возрождения был длительным и сложным. Вначале дыхание времени ощутили и поставили жгучий вопрос судьбы своего народа перед духовно оцепеневшими соотечественниками одинокие талантливые умы. Почти одновременно у южных славян появились исторические произведения патриотического характера. Хорват, далматинский францисканец Андрия Качич-Миошич в книге “Приятная беседа славянского на-

рода" (Венеция, 1756, 1759) в фольклорном стиле воспел вековую борьбу южных славян против турок, болгарин Паисий Хилендарский в рукописной "Истории славяноболгарской" (1762) напомнил соотечественникам о былом величии Болгарского государства, серб Захария Орфелин издал стихотворение с многозначительным названием "Плач Сербии". Возможно, имело место взаимное влияние авторов друг на друга. В 1759 г., когда Качич-Миошич издал свою книгу повторно, значительно расширив ее, она разошлась по всему славянскому югу. Тогда же "Беседа" получила известность в Западной Европе и России. Паисий в 1761 г. длительное время находился в Сремски-Карловцах и общался там с Орфелиным¹. Так или иначе этим авторам, для которых будущее родины было всего ближе и все-го дороже, судьба начертала стать провозвестниками нового взгляда на историю с позиции актуальных задач современности, а их сочинениям — призывным колоколом к народному пробуждению, первоочередному исходному условию выживания.

Захария Орфелин (1726–1785) был одним из самых значительных представителей сербской культуры XVIII в.² Он приобрел хорошие познания в области разных наук и искусств. В течение семи лет Орфелин учителяствовал в Нови-Саде, затем некоторое время служил чиновником в канцеляриях церковных сановников, в 1764–1770 гг. работал в "греко-православной" типографии предпримчивого грека Теодосие в Венеции. В 70-х гг. Орфелин, живая натура, менял места жительства и деятельности, задерживаясь то в Нови-Саде, то в Сремски-Карловцах, то в Темишваре. Тем временем жизнь его клонилась к закату. Тяжело больной и униженный бездепрежьем, Орфелин ищет спокойного пристанища в каком-нибудь из фрушкогорских монастырей. Но в 1783 г. появились проблески новой надежды — и вот он в Вене служит корректором в типографии Й.Курцбека. З.Орфелин умер в бедности, как это часто бывало с людьми, опередившими свое время, на хуторе епископа Бачки близ Нови-Сада³.

З.Орфелин, светский деятель сербской культуры, отличался широтой кругозора и многоплановостью своего дарования. О разносторонности его интересов свидетельствовала, в частности, его библиотека. Не будучи человеком материально обеспеченным, он

собрал солидную для своего времени библиотеку, насчитывавшую более 200 томов. Большинство из них составляли богословские сочинения, остальные были посвящены истории, философии, искусству, медицине и естественным наукам. Подавляющая часть книг была на немецком, латинском, итальянском и русском языках⁴. Это была одна из лучших частных библиотек у сербов в XVIII в. Она обнаруживала в Орфелине личность незаурядную, тяготевшую к новому укладу жизни. Но знакомство с литературой было, безусловно, гораздо шире, чем его собственная библиотека.

Любознательный и активный, Орфелин проявил себя в разных отраслях культуры, явившись у сербов основоположником некоторых из них. Он был каллиграфом, рисовальщиком, гравером на меди, поэтом, историком, педагогом, журналистом. Жажда познания жизни, возделывания самого себя и самоп्रоявления были приметами человека наступающей новой культурной эпохи. В истории сербской культуры З.Орфелину принадлежала роль зачинателя преобразования системы ценностей, идеалов и видов деятельности, свойственных средневековью. Длительное пребывание в европейских культурных центрах, какими были Венеция и Вена, не могло не сказаться на идейно-художественном облике его творчества. Но всю жизнь он духовно тяготел к России.

Вместе с тем Орфелин остался личностью, окруженной множеством тайн. Биографические сведения о нем крайне скучны. Он подписывал церковные произведения, в то время как светские сочинения издавал, как правило, анонимно. Даже в случаях прямого разговора с читателем он пытался скрыть себя. Писатель издавал одно и то же сочинение с разными вариантами титульного листа и предисловия. Мотивы подобных действий были, по-видимому, в разных ситуациях не одинаковы. Но анонимное издание Орфелиным стихотворения "Плач Сербии" и исторического труда о Петре I объяснялось, несомненно, осторожностью автора. Во всяком случае анонимная литературная деятельность оградила его от неприятностей в отношениях с православной церковью. До конца жизни он пользовался доверием и расположением церковных сановников. В начале 70-х годов епископ Видак предложил ему возглавить дирекцию народных школ в Банате⁵.

З.Орфелин начал творческую деятельность в 1757 г., создав рукописную книгу в честь епископа Бачки “Приветствие Мойсею Путнику”. Богато иллюстрированная, она стала одной из самых красивых рукописных сербских книг вообще⁶. С 1757 г. вслед за Жефаровичем Орфелин занялся в Сремски-Карловцах, где он имел “médную типографию”, выпускавшую цельногравированных книг, выполненных в технике резцовой гравюры на меди. Тогда это было модно в Европе и восполняло отсутствие у сербов типографии. Он до конца жизни обращался к гравюрной технике воспроизведения книг. Орфелин издал несколько собственных сочинений, в том числе три “Каллиграфии” — учебника красивого письма (1759, 1776, 1778).

С именем З.Орфелина сербские ученые связывают, хотя и с осторожностью, создание на рубеже 50-60-х гг. XVIII в. анонимного рукописного сборника “Зрцало (зеркало) науке”⁷. Основанный на российской литературе, он содержал стихотворные и прозаические сочинения морализаторского и панегирического характера. Конкретные педагогические наставления в привычном духе сочетались в нем с вдохновенно написанной “Похвалой славной науке”. Сборник был примечателен также дальнейшим освоением литературно-стилистических приемов барокко.

В 1761 г. З.Орфелин напечатал в Венеции на русском церковно-славянском языке стихотворение “Горестный плач славныя иногда Сербии”. Но оно в продажу не поступило. В 1762 г. он выпустил произведение на народном языке под названием “Плач Сербии”⁸. Это были две языковые и поэтические редакции.

Родолюбивая тема так или иначе и раньше звучала в югославянской литературе. Венцлович в рукописном стихотворении молил о прекращении кровопролития на родной земле. “Стематография” обращалась к исторической памяти сербов, многочисленные “плачи” с антиосманской темой щедро создавались в городах Венецианской Далмации. Но никогда до Орфелина с такой болью не противопоставлялось блестательное прошлое и бесславное настоящее Сербии, никогда с такой силой но поднимался вопрос, как жить дальше. Стихотворение Орфелина имело подзаголовок “сяже сини в различния государства рассеялися”. Понятие Сербия поэт распространял на весь сербский народ, расторгнутый и задавленный.

“Плач Сербии” явился первым печатным произведением на народном языке сербов. И уже один этот факт имел историческое значение. Автор хотел говорить с широкими слоями читателей, ощущая потребность приближения литературы к народу, хотя он и не поднялся до сознательной публичной постановки назревшего вопроса.

Стихотворение было проникнуто трагическим чувством всей истории Сербии, начиная с Косовской битвы. Орфелин создал впечатляющий образ современной ему Сербии, порабощенной, задавленной, страдающей и неграмотной. Страшно положение сербского народа.

“Чада частью в Турции, повсюду другая —
Стонут тяжко, жалостно, прегорько рыдая!”⁹

Орфелин видел причины беспредельного страдания народа не только во внешних обстоятельствах, но и в отсутствии подлинно заинтересованного в его судьбах “вождя”, в погоне за “славой” “пророков”, погрязших в мелочных интересах.

Поэт проявил себя мастером тринадцатисложного силлабического стиха. Вместе с тем художественный строй стихотворения вобрал в себя интонации и фразеологию народной песни. И эта перекличка с фольклором усиливала идейное и эмоциональное его наполнение как всенародного плача. Были в нем и элементы барокко, выразившиеся в страстной позиции автора, в контрастном противопоставлении прошлого и настоящего, в усложненной метафоре (выдача сербских сыновей лютому Марсу). “Плач Сербии” З.Орфелина в поэтически бедной сербской литературе стал заявкой на поэзию нового идеино-художественного типа.

Мир жив людьми. И взволнованный голос поэта взывал к современникам, выражая боль за несчастную родину: “Ах, бедная Сербия! Где твоя надежда?” В отличие от средневековой манеры беседы и поучений поэт своим искусством закладывал раздумья об угрозе гибели народа. Пройдет несколько лет, и он покажет соотечественникам путь выхода из тьмы.

Со стихотворения “Плач Сербии” началось идейное и творческое восхождение З.Орфелина. В зрелый период он написал ряд поэтических сочинений, издал один выпуск первого у сербов и на славянском юге журнала “Славено-сербский магазин” (Венеция,

1768) и положил начало выходу сербских календарей. Орфелин был первым сербом, опубликовавшим ряд учебных книг. Но его главным трудом было знаменитое двухтомное: "Житие и славные дела ... Петра Великаго" (Венеция, 1772). Орфелину принадлежали и другие сочинения. До конца жизни он продолжал также работать в области гравюры.

З.Орфелин не оставил специальных трактатов мировоззренческого характера. Свои взгляды публично и наиболее полно он изложил в предисловии-манифесте к журналу "Славено-сербский магазин" и в труде о Петре I.

Общественные взгляды Орфелина, отразившие потребности сербского развития, сложились в значительной мере под влиянием русской литературы. Он первый из сербских мыслителей отошел от средневекового провиденциализма и воспринял "просвещенный разум" в качестве движущей силы в жизни, а знания и науку объявил средством достижения благополучия общества¹⁰. Это означало зарождение у сербов рационалистического мировоззрения.

З.Орфелин впервые у сербов охватил взором культурный процесс в Европе. В Предисловии к "Магазину" он писал: "Век настоящий толико много мудрых мужей у Европи произвео, что до овога сви противе сдва ли толиким числом снабдени были"¹¹. Сербский деятель видел отличие XVIII века от предыдущего времени в подъеме культуры. При этом он обратил внимание на приближение в европейских странах "высоких наук" к потребностям тех, "кои не могли быти у школах, да к знанью наук великую охоту имут, разсуждавающи праведно, что без тога скоту быти природно, а человек свакога и наиподлейшег состоянья, есть ли скотам безсмысленным уподобитисе нерад, тога конечно требует". Он отмечал отказ "мудрых мужей" от латинского языка и переход их на разговорный язык своих народов. "Едним словом, — заключал он, — свакога езыка народ имаде сад (теперь. — И.Л.) книге на собственном своем (т.е. с коим говорит) езыку..."¹². Отражая нужды сербского общественного развития и исходя из европейского опыта, З.Орфелин сформулировал положение о важности светской культуры в жизни каждого народа и необходимости приобщения к знаниям широких слоев населения, прежде всего с помощью литературы на

родном, разговорном языке. Впервые в сербских условиях он ощущал и выразил потребность преодоления элитарности профессиональной культуры, ее оторванности от жизни простого народа.

Орфелин выдвинул этический принцип “общей пользы” как критерий нравственного облика личности и оценки ее деятельности. Его концепция человека выразилась в триаде: добрый христианин, хороший хозяин и благонамеренный гражданин¹³. В этической позиции Орфелина получили отзвук идеи европейского Просвещения.

Движущей силой общественной деятельности З.Орфелина были озабоченность судьбой сербского народа и желание его возрождения. “Поистинне, народ сербский, — писал он, — есть из оног числа народов, кои по природе наиспособнейший к сваким наукам, тако духовным и гражданским, како и военным, и к свым принадлежащим до экономии, купечества к протч. Жаль что он промыслителей лишиавасе!”¹⁴. И дабы восполнить отсутствие у сербов ученых, образованных “мужей”, З.Орфелин выступил за распространение различных знаний в сербском народе. Пионерскую роль в подъеме интеллектуального уровня сербов призван был сыграть его “Славено-сербский магазин”, в котором, согласно Предисловию, он полагал помещать “на нашем и российском езыку сочинения”¹⁵.

В то время в сербской литературе функционировали три типа языка: церковнославянский язык русской редакции, язык русской светской литературы и народный сербский. Однако на практике они обычно в чистом виде не выступали. Сербы использовали смешанный литературный язык, представлявший хаотическое сочетание церковнославянских, русских и сербских элементов. Он получил название “славено-сербского”¹⁶. Показательно, что писатель и историк Павле Юлинац отождествлял понятия “наш” и “российско- или сербо-славенский язык”¹⁷.

Орфелин, как видно из Предисловия, разделял “наш” и “российский” языки. Призывая “любезных патриотов” к сотрудничеству в “Магазине”, он намеревался те сочинения, “коя ради сербскога кога читателя покажутсе по речениям не вразумительны, по сербски управляти”. И далее, ссылаясь на “скудость сербског народа у своих училишах” и потому незнание правил языка, предлагал возможным авторам “сочинявати и переводити на своем езыку, како тко мо-

жет и знает”¹⁸. Орфелин понимал под словом “наш” язык — язык, понятный сербам. Это мог быть и современный ему литературный язык на народной основе, который представлял тогда неустойчивую, подверженную произвольным изменениям и неупорядоченную систему, и смешанный тип с сербским речевым компонентом.

Орфелин осознал, что литература в языковом отношении должна быть близка сербскому читателю. На практике он пытался решить эту задачу, следя современному ему русскому опыту употребления литературно-языковых “стилей”, путем применения в разных литературных жанрах различных типов языка¹⁹. Его главные сочинения “Магазин” и “Житие ...Петра Великаго” в основном были написаны на русском языке, подвергшемся сербизации. В поэтическом творчестве он прибегал к народному сербскому языку. Орфелин же положил начало у сербов переходу от церковного к гражданскому шрифту в печати, хотя и не всегда в своем творчестве последовательно придерживался его. Взгляды Орфелина на литературный язык были нечеткими и неустойчивыми. В труде “Житие и славныя дела... Петра Великаго” он писал о “нашем славенском языке”²⁰.

Что касается теоретико-политических наклонностей Орфелина, о них можно судить на основании монографии о Петре I. Идеалом писателя и историка являлся, несомненно, “просвещенный” монарх-преобразователь, что было в духе умеренных политических концепций европейского Просвещения.

Критическое осмысление Орфелиным современности было глубже, чем выраженное им в печати. В “Представлении Марии Терезии” (1778), направленном ей тотчас после волнений сербов в связи с реформами православной церкви и не предназначавшемся для печати, он, называя себя “ненавистником и неприятелем злоупотреблений, беспорядков и самоволия высшего клира”, выразил полную поддержку церковной политике Марии Терезии и подверг резкой критике положение в православной церкви и образ жизни высшего духовенства. Орфелин не был одинок в своей позиции, ссылаясь на единомышленника в лице новисадского “ваятеля” (резчика по дереву) А.Марковича. Сербский деятель обвинял православных сановников в “эгоизме и корысти”, “бездожных доходах” и

взяточничестве, деспотизме и своеволии. Он клеймил епископов как “убийц тела и души”. Орфелин писал о невежестве приходских священников, ненасытности и распущенности монахов²¹.

Для ограждения народа от злоупотреблений высокого клира и возвращения к “истинному евангельскому христианству” Орфелин призывал Марию Терезию к дальнейшему развитию реформ в направлении удешевления церкви, установления в ее лоне строгих правил, демократизации церковных институтций. В позиции Орфелина были слышны отголоски вдохновенных проповедников европейской Реформации. Обращает на себя внимание, что Орфелин видел виновников народных волнений в Нови-Саде и Вршаце исключительно в лице высшего духовенства, которое, по его словам, из противодействия реформам искусственно подогревало религиозный испуг и панику²². Сербский писатель явно не знал о щедрых подарках Марки Терезии, сделавших послушными православный клир.

В творчестве З.Орфелина звучал голос восходящих общественных сил. Но у самого писателя новые представления не сложились еще в целостную и последовательную мировоззренческую систему. Это объяснялось как неразвитостью новых общественных отношений, так и личностными чертами сербского деятеля. В свое время Орфелин был одинок идеально и творчески. Некоторые из его начинаний получили развитие лишь в конце столетия, но начало было положено.

Зарождение у сербов нового мироощущения в сочетании с русским и западным влиянием дали толчок ускорению развития светской литературы, появлению в ней новых жанров. З.Орфелин был одним из самых замечательных ее представителей XVIII в. Он свободно переводил с немецкого языка. Орфелин сыграл значительную роль в развитии поэтических жанров у сербов, введя в родную литературу сонет, эпиграмму, оду, типичную уже для классицизма видовую модификацию. Правда, они не были оригинальными, а заимствовались из русских источников. Поэт один из первых у сербов применил силлабо-тонический принцип стихосложения. Орфелин придал сербской литературе современные европейские свойства. Вместе с тем существенной чертой творчества писателя было постоянное обращение к российской церковной литературе, в частности, к богословским сочинениям Петра Могилы и Феофана Прокоповича.

С 60-х гг. XVIII в. у сербов начали издаваться дидактическо-моралистические сочинения. Этот жанр в рукописной книжности появился значительно раньше. Проповеднические сочинения, как и устные беседы священнослужителей содержали наставления и поучения в христианских нормах поведения. В 60-е гг. у сербов зародилась светская моралистическая литература, отмеченная робкими проявлениями нового взгляда на человека и его место в жизни. Зачинателем такой литературы стал Орфелин, опубликовавший в своем "Магазине" несколько нравоучительных материалов, почерпнутых из русских изданий. В 1777 г. в Вене вышло "Руководство к честности и правости", переведенное с немецкого на церковнославянский язык А.Деметровичем Секерешем. Получившее большую популярность, оно неоднократно переиздавалось.

Освоение сербской литературой жанра романа было связано с именем Павла Юлинаца (1730-1785). Серб по национальности, он происходил из граничарской офицерской семьи, учился в евангелическом лицее в Пожони. Юлинац находился на российской военной службе, достигнув чина подполковника, стал русским консулом в Неаполе. Человек с тонким литературным вкусом, Юлинац перевел на церковнославянский язык русской редакции (Вена, 1776, 1777) философско-исторический роман французского писателя Ж.Ф.Мармонтеля "Велизарий" (1767). Это было первое обращение у сербов к западноевропейской художественной литературе. Правда, Юлинац из-за строгости австрийской цензуры исключил из романа знаменитую XV главу о веротерпимости, за которую в свое время автор подвергся преследованию Сорbonны, и использовал при издании церковную азбуку. Роман получил у сербов большой успех, а переводчик был удостоен Марией Терезией золотой медали²³. Это был важный факт в наметившемся формировании у сербских читателей нового литературного вкуса.

Широкое распространение получили в сербских городах рукописные песенники — сборники, включавшие народные и городские песни, русские поэтические произведения светского и религиозного содержания. В сборниках часто встречались стихотворения Орфелина, песни Качича-Миошича и других авторов. Отражая читательские вкусы городской среды, песенники отдавали дань

традиции, но отражали и новые литературные веяния. Такие сборники дорого ценились и нередко были многоязычными²⁴.

В 60-70-х годах XVIII в. сербская литература начала обретать облик, свойственный идеино-художественному типу Нового времени. Литературная ситуация у сербов характеризовалась наметившимся переходом от традиционного образа художественного мышления к эстетическому освоению мира с помощью выразительных средств, входивших в сербскую литературу в основном при русском посредничестве из общеевропейского арсенала искусства. Примечательными чертами литературного процесса этого времени были появление яркой личности, начало переосмыслиения человека и его места в жизни, открытие сложности его натуры, приближение литературы к реальной жизни.

Одновременно с новыми продолжали развиваться и традиционные формы сербской литературы, отходившие, правда, на второй план. Во второй половине XVIII в. переписывались и издавались книги, написанные в более раннее время. Среди них был "Срблак" — сборник оригинальных церковных песен, посвященных сербским святым, с краткими житиями и прозаическими текстами (Рымник, 1761. Венеция, 1765, третье издание — 1861 г.²⁵). Выпуск таких книг не только отражал устоявшиеся запросы читающей публики, но и специфический интерес ее к истории.

Однотипные процессы протекали в сербском изобразительном искусстве. В связи с тем, что в сербском обществе функционировала рукописная книга, сохраняла еще значение книжная миниатюра. Большим мастером ее был З.Орфелин. Он щедро иллюстрировал панегирик "Приветствие Мойссю Путнику" портретными миниатюрами Марии Терезии, Павле Ненадовича, Франца I, Мойссея Путника, рисунками с ликами святых. Однако гравированная иллюстрация постепенно вытесняла миниатюру в художественном оформлении рукописных книг²⁶.

В третьей четверти XVIII в. переживала подъем резцовая гравюра на меди, связанная в эти годы с творчеством З.Орфелина. Простота и доходчивость графического искусства позволяли художнику обращаться к самой широкой аудитории. Гравюра стала играть немаловажную роль в формировании духовного мира, эстетических

запросов и вкусов сербской публики.

З.Орфелин идеино обогатил, ввел новые жанры и расширил применение гравюры. Он создал ряд самостоятельных произведений на религиозные темы, которые предназначались для церквей, религиозного быта или украшения рукописных книг. Новизна графических икон Орфелина заключалась в декоративном обрамлении ("Богородица Боджанская"), выразительности образов — то величественно-торжественных ("Князь Лазарь"), то изысканно-непринужденных ("Св.Георгие"), то лирико-поэтических ("Богоматерь Винчанская", в основе которой лежала икона Владимирской богоматери). Орфелин прибегал при этом к немецким рисункам и использовал иногда иконописную схему, подчеркивая тем самым исторические корни гравированных икон. К числу лучших работ одаренного мастера относились гравюры с видами монастырей Кувеждина и Круshedола. В жанре портрета была выполнена гравюра с изображением митрополита Павле Ненадовича²⁷.

В истории сербского графического искусства XVIII в. особое место занимают гравюры О.Орфелина, представляющие иллюстрации и декоративно-художественное оформление его печатных книг. Речь идет прежде всего о художественном материале в труде о Петре I. История иллюстрирования этой монографии полна загадок, которыми вообще изобиловали жизнь и творчество Орфелина. В издании, вышедшем в 1772 г., не было иллюстраций. Они появились на исходе 1779 г.²⁸. 72 гравюры составляли идеино-художественное единство с текстом. Орфелин украсил свой труд портретом Петра I, историческими и географическими картами, полотнами на исторические темы (батальные сюжеты, казнь стрельцов), изображениями памятных медалей и печатей, многочисленными заставками, виньетками и т.д. Однако сербский мастер не был оригинален в композиции и рисунке. При создании поясного портрета Петра I в латах и с Андреевской лентой он опирался на гравюры первоклассного русского мастера Е.Р.Чемесова и француза К.Руа. Они в свою очередь использовали портрет Петра I, выполненный маслом в 1717 г. художником Ж.М.Наттье в Амстердаме. Петровские медали, карты и другие гравюры Орфелин сделал по немецким изданиям первой половины XVIII в.²⁹. Значение иллюстративного материала в труде

Орфелина о точке зрения развития сербского искусства определялось его идейной новизной и безукоризненным художественным исполнением. Орфелин впервые в сербском изобразительном искусстве раскрыл в портрете Петра I и гравюрах, отражающих его действия, красоту созидательной Личности. Однако эти графические работы Орфелина, представляя вершину сербской гравюры в то время, остались практически неизвестными национальном публике и потому не могли оказать воздействия на ее эстетическое развитие.

Как уже отмечалось, классическая гравюра играла у сербов существенную роль в качестве репродукционной техники в деле тиражирования книг. Цельногравированные книги, выполненные З.Орфелиным, полностью принадлежали графическому искусству. Помимо каллиграфических приемов, художник украшал их виньетками, иллюстрациями и т.п. Исключительно трудоемкая резцовая гравюра требовала кропотливой, осторожной и медленной работы.

З.Орфелин вошел в историю сербского графического искусства как непревзойденный мастер резцовой гравюры в стиле барокко. Его лучшие работы, особенно оформление труда о жизни Петра I, имели просвященную и патриотическую окраску, отличались большой пластичностью изображения, богатством орнамента и гибкостью составных переходов, хотя смелость и художественность не всегда сочетались с оригинальностью в рисунке. Граверное искусство Орфелина получило признание. Он стал первым из сербов членом Венской Академии изобразительных искусств. Сербский мастер был удостоен также высочайшей награды Марии Терезии за цельногравированную книгу “Славенская и валахийская каллиграфия” (Сремски-Карловцы, 1778), созданную по предложению Иллирской придворной депутации — высшего учреждения, ведавшего делами сербов³⁰. С творчеством Орфелина сербская резцовая гравюра встала на самостоятельный путь развития. Тиражная графика в виде гравюры уверенно совершила переход от церковных и религиозно-назидательных образов к светским историческим и современным сюжетам.

Принципиальным моментом в истории сербского изобразительного искусства было появление и развитие светской станковой живописи как следствие начавшихся преобразований всех сторон жизни. Потребность художника в более глубоком познании и отражении жизни

получила поддержку в виде встречного психологического движения к индивидуальному потреблению произведений искусства.

Возросший интерес к реальному человеку, с одной стороны, овладение художественными законами композиции, перспективой, светотеневой моделировкой формы, с другой — позволили поставить в центр живописи образ человека и сделать портрет самостоятельным жанром. Была создана целая галерея портретов церковных лиц, а позднее и горожан-сенаторов, членов их семей. Вначале они были выполнены еще неумелой рукой, хотя порой в колористически изобретательной гамме, в угоду невзыскательному вкусу заказчиков и меценатов в духе “наивного реализма”. Это был “допсихологический портрет”, он еще не сосредоточивал внимание художника на движении души портретируемого. Но главное, в станковой живописи человек впервые стал полноправным объектом искусства.

Осознание художником собственной индивидуальности, стремление к более полному самовыражению привели к рождению автопортрета. Основоположниками этой разновидности портретного жанра стали Стефан Тенецки и Никола Нешкович (ок. 1760 г.). Написанные с профессиональной уверенностью автопортреты были отмечены индивидуальным творческим началом. Тенецки изобразил себя в богато декорированном парадном костюме. Автопортрет Нешковича носил интимный характер. Но эти живописные произведения, фиксирующие в качестве аксессуаров палитру и кисти, сближали стремление показать значительность личности именно художника. Рождалось чувство общественного веса служителей искусства. Светское направление развивалось под знаком барочной эстетики. Но стремление художников глубже познать и отразить окружающий мир привело к реалистическим началам. Хотя отголоски реальной жизни в разной форме всегда присутствовали в сербской церковной живописи, именно светское искусство прочными узами связало действительность и мир художника.

В середине 70-х годов XVIII в. монах Амвросиј Јанкович в трапезной монастыря Врдника написал настенную историческую композицию “Бой на Косове”. Стилистически она была в русле барокизации традиционной живописи. Своим пафосом, обращенным к историческому событию, ставшему символом страдания на-

рода и источником надежд, это произведение отвечало духовной атмосфере тех лет.

В середине XVIII в. меняется концепция церковного интерьера, искони ориентированного на внутреннюю сосредоточенность и отрешенность верующих. Ее новизна проявилась прежде всего в монументально-декоративном искусстве иконостасов³¹. Выполненные в технике резьбы по дереву наиболее репрезентативные среди них достигали десятиметровой высоты и имели 40-60 икон, расположенных в несколько ярусов. Роскошь и богатство резных позолоченных иконостасов подчинялись задаче создания торжественного, праздничного и красочного интерьера. Храмы с нарядной внешней архитектурой и пышным убранством были призваны поразить воображение верующих и вызвать у них восторженно-возбужденное состояние. Православная церковь искала новые способы самоутверждения и воздействия на человека.

В третьей четверти XVIII в. достигла расцвета сербская церковная живопись, приобщившаяся к барочной эстетике западного типа. Этой эволюции способствовали прямые контакты сербских художников с Веной и западным искусством, отвечающие целенаправленной политике австрийского правительства на отрыв сербов от России. Зрелое барокко означало тематическое расширение и смелость построения икон, свободу передачи человеческого тела и разнообразие характеров. По существу это были религиозные композиции, не лишенные светских черт и отмеченные индивидуальной манерой художника.

Выдающимися мастерами этого времени были Т.Крачун, Т.Чешляр и Я.Орфелин. Все трое ориентировались на западноевропейские образцы и работали как в иконописи, так и в портретной живописи³².

Теодор Димитриевич Крачун (?-1781) получил первые художественные навыки в Сремски-Карловцах, испытав сильное влияние украинского барокко. Возможно, он учился в Венской Академии искусств. Крачун стал крупнейшим художником сербского барокко, профессионально овладев его приемами. Кисти этого мастера принадлежали более 300 работ, в том числе иконы большого и малого иконостасов кафедрального собора в Сремски-Карловцах. Выпол-

ненные им медальоны малого иконостаса отмечены подлинно художественным мастерством. В многофигурных сценах позы персонажей живы и непринуждены, складки одежд красочно драпируются безуказненно нарисованные фигуры, выразительные жесты передают настроения и характеры. Полотна Крачуна отличались сочностью колорита и темпераментом. К числу его лучших композиций относилось "Вознесение" (1780). Она характеризовалась приподнятой эмоциональностью, динамичностью образов, естественностью движений и драпировок, беспокойным колористическим строем.

Видное место в сербском изобразительном искусстве XVIII в. занял Теодор Ильич Чешляр (1746-1793). Он родился в Банате в крестьянской семье; получил первые художественные знания у ремесленника, пополнив их, по-видимому, в Вене. Воспитанный на образцах венской и итальянской школ; он писал композиции и парадные портреты. Его манере были свойственны неброский рисунок, легкость форм, постепенность перехода света и теней, мягкость колорита.

Яков Орфелин (ок. 1770-1803), племянник Захарии Орфелина, закончил Венскую Академию. Он был среди ведущих мастеров сербской церковной живописи. После смерти Крачуна он завершил роспись большого иконостаса в Сремски-Карловцах. Я.Орфелин представлял умеренный в рисунке и цвете вариант барокко.

Первые десятилетия второй половины XVIII в. были апогеем в развитии сербского церковного искусства. В своих лучших образцах оно отразило эстетические запросы времени. Но сербские церковные художники не были полностью самостоятельными в художественном решении. Они опирались и впрямую заимствовали, особенно в композиции многофигурных сцен, приемы западной живописи и графики.

Хотя с начала проникновения барокко в сербское изобразительное искусство, новые формы сочетались с традиционной художественной концепцией, именно в третьей четверти XVIII в. в сербском искусстве, отразившем разнообразное и сложное содержание светской и религиозной жизни и начавшем обретать видовые и жанровые очертания, свойственные Новому времени, стала складываться многоликая идеально-стилевая ситуация с переплетением и совмещением разнородных направлений. То были параллельное функционирова-

ние, а порой нерасчлененность взаимоисключающих принципов, пережитых и новаторских, что объяснялось характером всей сербской жизни.

Необходимость постоянной борьбы за утверждение своего положения в Австрийской монархии, желание уяснить свое происхождение, узнать родственные народы питали в сербском обществе интерес к истории. Ответом на него явилась книга П.Юлинаца “Краткое введение в историю происхождения славено-сербского народа” (Венеция, 1765). Это была первая у сербов печатная работа, специально посвященная древней и средневековой Сербии.

Юлинац опирался на “Историю Византии” Ш.Дюканжа. Точнее, он пользовался изданием, представлявшим собой извлечения из книги. Оно вышло анонимно в Пожони в 1746 г. Но главным пособием для Юлинаца послужили выдержки из “Хроник” Бранковича, которые во многих списках и вариантах имели хождение в сербском обществе. Юлинац пользовался узким кругом литературы и источниками из вторых рук. Он был самоучкой в области истории, имел ограниченные исторические и географические познания. Тем не менее его книга отразила движение сербской исторической мысли³³.

Идейную основу сочинения Юлинаца составило патриотическое стремление показать значение своего народа, величие его правителей. Юлинац отошел от традиционного летописно-библейского принципа исторического повествования от сотворения мира, как это было у Бранковича, и начал непосредственно с истории сербов. Книга содержала четыре раздела, отражавшие представления Юлинаца о периодизации сербской истории, а именно: “первый ряд сербских владетелей, или королев”, “второй ряд сербо-далматийских владетелей”, “третий ряд сербских краљев Неманьская линии”, “отселе следуют ряд деспотов сербских”. Юлинац строил свой рассказ на династической основе, извлекая сведения из “Хроник” Бранковича и дополняя их сообщениями Дюканжа. Порой он прерывал свой рассказ замечаниями о современных ему лицах и событиях, актуальных для той поры, осуществляя таким путем связь времен. Юлинац отмечал, откуда он почерпнул данные, проявляя тем самым новое отношение к материалу, сопоставляя сведения, вносил исправления, выражал свое мнение, руководствуясь нередко при этом патриоти-

ческими чувствами. Автор ощущал потребность критического метода, но не смог еще его применить. Юлинац самостоятельно нашел и впервые у сербов опубликовал исторический источник — сербскую грамоту XV в. Мысль о прошлом величии льстила самолюбию сербов и давала надежду на освобождение от тяжелой действительности.

Книга Юлинаца была написана сухим русским языком. Но при описании кульминационного события средневековой Сербии — Косовской битвы — автор с поэтическим чувством передал трагедию, постигшую сербский народ. “В той несчастной баталии, — писал историк, — царь Лазарь со всеми почти всеможами своими на полю Косову 1389 лета, месяца июня, 15 дня погибл, и сею злополучною баталиею окончалося и царство Цербское, которое по смерти сего царя обратилося в деспотство, а после в ничто”³⁴.

Книга П.Юлинаца, проникнутая сознанием древности сербского народа и величия его истории, была написана с позиции неодобрения политики австрийского двора в отношении сербов. Однако типаж вышел в свет с проавстрийской концепцией. Изменения внес Орфелин, который тогда выполнял обязанности “редактора” в типографии Теодосис. Вместе с тем Орфелин же напечатал в приложении к книге выдержки из сербских “Привилегий” конца XVII — начала XVIII вв. в переводе с латинского языка П.Ненадовича, дав тем самым соплеменникам историческую и государственно-правовую аргументацию в защиту своего особого положения в Австрийской монархии³⁵.

На протяжении 30 лет “Краткое введение” Юлинаца было единственным источником знаний по отечественной истории для сербов. На основе этого сочинения Орфелин создал краткий очерк сербской истории и издал его в своем “Вечном календаре”, в отрывках оно воспроизводилось в газете “Сербские новинки” (1792). Книга Юлинаца оказала влияние на развитие исторической науки у югославян³⁶.

Предвестником сельскохозяйственной и вообще экономической литературы у сербов стала книга З.Орфелина “Искусный погребщик” (Вена, 1783). Посвященная важной отрасли сельского хозяйства — виноделию, написанная со знанием дела, она трижды переиздавалась в XIX в. (1808, 1874, 1885). Это была редкая для сербских условий судьба книги.

Развитие школьного дела побудило к изданию сербских учебников и учебных пособий. И в этой области Орфелин был первым сербом, который занялся вопросами практической педагогики. В 1767 г. в Венеции он издал букварь “славенского языка” (русского церковнославянского) для сербского юношества. При этом он опирался на латинский, петербургский и немецкий, изданный в Вене, буквари. В предисловии к учебнику Орфелин предложил игровой метод обучения малолетних детей азбуке без букваря. Он советовал использовать для этого картинки с изображением букв³⁷. Этот педагогический прием позволял ввести дошкольное обучение и означал отход от механической зурбажки. Орфелин отразил в букваре прогрессивные тенденции европейской педагогики.

Орфелин опубликовал “Латинский букварь” с кратким словарем в переводе на “славено-сербский” язык (Венеция, 1766). Он издал также пособие “Первые начатки латинского языка” (Венеция, 1767), содержащие латинскую грамматику со словарем и учебными диалогами. Хотя в основе этой книги лежали русские издания Петербургской Академии наук, она включала и научный лексикологический вклад самого Орфелина. Вошедший в нее словарь был латинско-русско-церковнославянско-сербско-хорватско-немецким, но этот принцип не всегда выдерживался. В название книги было вынесено понятие “славено-сербского” языка, однако во многих случаях в словаре была представлена народная лексика. Это была первая лексикологическая работа в области сербскохорватского языка³⁸. В 1772 г. Ст. Вуяновски, тогда студент столичного университета, издал в Вене немецкую грамматику со словарем. Это была очень нужная книга, как и учебники Орфелина.

Во второй половине XVIII в. у сербов появились справочные издания в виде календарей. Первый из них был издан З. Орфелиным в 1766 г. по русскому образцу. Большую популярность получил его “Вечный календарь”, вышедший в Вене в 1783 г. Он переиздавался в 1789 г. (Вена) и 1817 г. (Буда). Содержавшийся в нем материал выходил по содержанию за рамки кратких календарных сведений и носил характер научных статей. Больше половины его объема занимали тексты естественно-научного профиля. Они были составлены Орфелиным на основе иноязычных изданий и представляли первое

обращение у сербов к естественной проблематике и первую попытку популяризации такого рода знаний. Орфелин искусно иллюстрировал “Вечный календарь”. Фронтисписом была одна из лучших его гравюр “Сотворение мира”. Карты Орфелина были свидетельством зарождения у сербов научного географического познания.

Культурное развитие сербов в 60-70-х годах XVIII в. проходило, с одной стороны, в результате внутренних процессов, обусловивших подъем духовной жизни, с другой — при противоречивом воздействии на нее австрийского государства. С установлением в габсбургской монархии “просвещенного” абсолютизма резко возросло вмешательство государственной политики в сферу культуры сербов.

В 70-х гг. XVIII в. Мария Терезия провела в стране школьные реформы, которые преследовали прежде всего политические цели упрочения централизации и укрепления единства рыхлой лоскунской монархии. Они унифицировали школьное образование и учебники в стране. В отношении сербов школьная реформа выполняла также задачу пресечения поездок русских учителей и использования российских учебников.

Школы были изъяты из рук церкви и стали государственными. Школьную реформу у сербов проводили Теодор Янкович (Мириевский), А.Мразович и С.Вуяновски, получившие гуманитарное образование в Венском университете. Янкович и Вуяновски перевели с немецкого языка ряд учебников, составленных автором школьной реформы в наследственных землях аббатом Фслбигером. В годы Марии Терезии и Иосифа II сербы имели достаточно широкую сеть основных школ и несколько низших гимназий. Однако фактическое положение начальных школьных заведений мало изменилось. Церковь по-прежнему покрывала школьные расходы, назначала учителей, правда, с согласия окружной дирекции школ. Объем светского образования расширился в основном за счет немецкого, латинского, а затем и венгерского языков. Учителями были, как правило, светские лица³⁹.

Школьная реформа усилила светское направление начального образования у сербов. Однако целью школы стало воспитание подданных. Сам факт вмешательства государства в школьную жизнь означал нарушение привилегий сербов. Реформа сделала сербскую школу более открытой для проведения посредством нее австрийской политики.

На Военной Границе немецкая школа преследовала задачу обучения сёрбской молодежи немецкому языку и воспитания будущего солдата. Сербские вероисповедные школы с церковнославянским языком преподавания остались заботой церковных общин⁴⁰.

В русле политики “просвещенного” абсолютизма было учреждение в 1770 г. в Вене типографии с монопольным правом издания книг кириллицей на 20 лет в габсбургском государстве. Ее собственником стал Й.Курцбек. Внешне этот акт выглядел как благосклонный жест Марии Терезии в адрес сербов с их нескончаемыми просьбами об устройстве национальной типографии. В действительности организация венской типографии предусматривала цели усиления австрийского влияния на сербов, ослабления их культурных связей с Россией, откуда в огромной массе поступала литература для православного населения в монархии, а также сокращения утечки денежных средств.

Организация венской типографии не решила для сербов проблемы печатания книг, хотя и несколько расширила книгоиздательские возможности под неусыпным контролем австрийской цензуры. При этом с устройством типографии был полностью запрещен ввоз российских книг в габсбургскую монархию. Хотя они различными путями и доходили до сербского населения, это обеднило внешние связи сербской культуры. В 80-х годах вновь был разрешен ввоз русских церковных изданий⁴¹. Сербы искусственно были ориентированы в книгоиздательском деле на австрийскую столицу. Если в 60-х годах сербские книги печатались преимущественно в Венеции, то с 70-х гг. они издавались главным образом в Вене.

В “Сербской библиографии XVIII века” с 1761 по 1782 гг. значатся 124 позиции⁴². Это число отражало не только интенсивность творческого процесса у сербов, возросшую в сравнении с предыдущим двадцатилетием, но и насыщенность сербского книжного рынка. Оно включало около 50 светских изданий, оригинальных или переведенных сербскими авторами. Примечательным фактом был также заметный удельный вес учебников, которые составили пятую часть всей печатной книжной продукции. Но почти половина вышедших книг приходилась еще на богословские, обрядовые и предназначенные для чтения верующими сочинения. Причем многие

церковные книги, как и буквари, представляли собой перепечатку (иногда с небольшими изменениями) русских и украинских изданий, сделанную предприимчивыми Теодосие и Курцбеком с коммерческими целями.

В рассматриваемое время сербская печатная книга была не только носителем различных знаний. Приблизившаяся к конкретным запросам реальной жизни, она становилась проводником просвещенческих идей и нового художественного вкуса в сербском обществе. Книга играла связующую роль в процессе национальной консолидации сербов, разбросанных по разным государствам, провинциям и землям.

З.Орфелину принадлежала идея развития сербской периодики как средства распространения знаний в сербском обществе. Он выдвигал в ее пользу прагматические соображения: небольшой объем таких "книжек" не затруднял читателей, издания в краткой форме способны были сообщать разные сведения, а периодичность их выхода могла приохотить грамотных сербов к чтению. "Таковое полезное дело отправлясе сад (теперь) у сваком знатном обществу", — заключал он в предисловии к "Славено-сербскому магазину"⁴³.

З.Орфелин и на практике пытался реализовать эту идею. Программа журнала "Славено-сербский магазин" предполагала освещение широкого круга вопросов по географии, педагогике ("благочестивому воспитанию"), этике, истории, искусству, а также публикацию полезных хозяйственных советов и развлекательных материалов. Это могли быть оригинальные, сербские, и переводные сочинения. Журнал был рассчитан на широкого читателя, "каковаго бы год тко звания и понятия бью"⁴⁴. Программа раскрывала прежде всего широту взглядов самого Орфелина, но обнаруживала и его иллюзии, поскольку сербское общество не было подготовлено ни к восприятию, ни тем более к поддержке солидного для того времени периодического издания.

В предисловии Орфелин изложил и принципы редакционно-издательской работы. Призывая "дражайших патриотов" к участию в журнале, он предоставлял им свободу изложения взглядов и обещал печатать сочинения "са сваком верностью, ничега ни убавляя, ни прибавляя без нарочитог ньиовог позволенья"⁴⁵. Каждый "трудо-

любитель” мог при желании подписать свои сочинения. Такая постановка вопроса означала отказ от средневековой модели литературного творчества, признание индивидуальности автора, его эманципации. Все это было ново, необычно и неожиданно для сербского читателя.

З.Орфелин хотел побудить сербов к разработке своей истории. “Особливую бы и вечную похвалу, — писал он, — заслужили оные, кои бы труд и тщание свое приложили изискавати и списывать древности сербского народа, о чем до сада на других езыках делано, а на нашем едва ли где у кога находится”⁴⁶. Отталкиваясь не только от прагматических просветительских задач, но и более широкого спектра потребностей своего времени, З.Орфелин проникся сознанием важности и ценности историографии в современном ему понимании.

“Славено-сербский магазин” был составлен по образцу русской литературно-научной периодики. Орфелин опирался на “Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие” — периодическое издание Академии наук, выходившее в 1755-1764 гг. под редакцией Г.Ф.Миллера, а также на другие русские журналы — “Невинное упражнение” — литературное-философское издание, выпускавшееся Е.Р.Дашковой под редакцией И.Ф.Богдановича, и “Свободные часы” (1763) под редакцией М.М.Хераскова. Формат “Магазина”, расположение материала в нем, даже бумага напоминали русские издания⁴⁷.

Орфелин напечатал в “Магазине” наставления Феофана Прокоповича царскому отроку в основах православной религии; поучения молодому человеку, желающему определиться на военную службу; нравоучительную восточную притчу; исторический источник, хотя и сомнительной достоверности, “Письмо кесаря Диоклитиана к далматийскому народу”, которое даровало свободу далматинцам; сонет, эпиграммы; медицинские и практические советы и библиографию.

Еще в календаре на 1766 г. Орфелин привел библиографические сведения о сербских книгах, а также о русских изданиях, вышедших в Петербурге, популяризируя их тем самым в сербском обществе⁴⁸. В журнале он не только поместил библиографические данные о четырех сербских учебниках, первой сербской литургиче-

ской книге и катехизисе Феофана Прокоповича, но и дополнил их сведениями, касающимися автора, или критическими замечаниями. Так, Орфелин перепечатал биографию Феофана Прокоповича на русском языке, написанную историком и археологом, членом Петербургской Академии наук Г.Ф.Миллером. Из четырех приведенных в библиографии учебников три принадлежали Орфелину, но фигурировали они анонимно, и критические замечания Орфелин адресовал самому себе! Это один из примеров его неразгаданных творческих приемов. Так или иначе Орфелин стал у сербов основоположником не только библиографии, но в зачаточной форме и рецензий как журнального жанра.

В 60-70-х гг. XVIII в. при всех неблагоприятных условиях у сербов в Австрийской монархии не только активизировалась привычная деятельность по распространению литературной продукции, произведений изобразительного искусства и в целом знаний в обществе, но был проложен путь для развития в дальнейшем и более оперативных европейских форм. Все сферы сербской культурной жизни обретали черты, свойственные Новому времени.

Перемены, наметившиеся в жизни сербского общества в Австрийской монархии, обозначились и в бытовой культуре, но пока только духовенства, дворян, офицеров и богатых горожан. Интеллигентские и художественные веяния медленно, но неуклонно проникали в сознание состоятельного населения, меняя образ жизни, устоявшиеся вкусы и привычки.

Города украсили здания в стиле провинциального барокко. В Сремски-Карловцах, Земуне появились, хотя и немногочисленные, дома, соответствовавшие в архитектурном отношении европейским критериям. Среди них выделялась красотой митрополичья резиденция. По свидетельству высокопоставленного австрийского чиновника, ее интерьер был украшен “с благородной простотой старины”⁴⁹. И хотя обстановка в ней была далека от расточительной роскоши католической духовной аристократии, митрополиты стремились придать своей резиденции и церковному интерьеру в целом черты, способные поднять престиж православной церкви. Это получило выражение в использовании предметов прикладного искусства с барочным оформлением, в принятии иерархий барочной манеры це-

ремониала, в проникновении ее даже в церковный ритуал.

Епископы по житейским удобствам и роскоши не уступали светской аристократии. Облаченные в красные, голубые и серые мантии, они имели эффектный выезд — шестерку белых лошадей с экипажем — в сопровождении “фельдъегеря” и вооруженных всадников. Богатство церковных одеяний, многочисленная прислуга епископских дворов, изысканная кухня и вина, с княжеским размахом устраиваемые пиршества, пристрастия и к светским развлечениям⁵⁰ — все это было признаками не только великолепия православной церкви, но и разложения ее верховых служителей.

Изменился внешний облик сербских дворян и горожан. Дворяне предпочитали одежду, подобную венгерскому или хорватскому дворянскому костюму в красных или голубых тонах, из которых второй считался национальным цветом. Горожане в свою очередь отказались от балканско-восточного стиля и перешли на венгерский костюм. Входила в имущий быт и западноевропейская одежда со свойственными ей в то время аксессуарами: париками, жабо, карманными часами на золотой или серебряной цепочке и женскими бриллиантовыми украшениями. Но в одежде крестьян и граничар, не говоря уже о населении Сербии, проглядывали восточные черты⁵¹.

С укреплением материального положения и начавшимся осознанием собственной общественной значимости горожане стремились ввести в свой быт произведения искусства, запечатлеть себя и свое семейство в портрете, появилась тяга к собиранию личных библиотек. Они заимствовали западный комфорт, житейские удобства, домашнюю обстановку с декоративными украшениями барочного типа. Общение с торговым миром Запада требовало хороших манер, цивилизованного характера деловых и личных отношений. Становилось привычным писать письма. Входили в жизнь театральные представления. Менялись вкусы, понятия, нравы. Но неприкословенными оставались религиозные основы жизни.

Крестьянский быт отличался неколебимой устойчивостью. Крестьянская баланская культура имела основополагающее этносоциальное значение. Но оборотной стороной этой приверженности старине были патриархальность, замкнутость и косность.

В каждое время культура имеет высшие точки своего проявле-

ния. У сербов в третьей четверти XVIII в. духовной кульминацией было творчество Захарии Орфелина. Человек с идеями и принципами преобразователя, он выступил зачинателем обновления сербской культуры и ее включения в прогрессивное умственное и художественное движение в Европе. Орфелин первый осознал отставание сербов, яснее многих понял нужды народа. В его порывистой энергии отражалась интенсивная работа творческой мысли. Имея перед глазами Россию, он был духовно открыт и для Запада.

Однако таинственный Орфелин был личностью противоречивой. Смелость мысли сочеталась у него с нерешительностью публичных выступлений. Беззаветная любовь к просвещению и благоговейное уважение к науке — с непрестанным выпуском богословских книг церковным шрифтом и многочисленных гравюр на религиозные темы. В его духовном облике разум и вера, разделившись, вступили в новое сочетание. Орфелин стремился быть ближе и понятнее родному народу, но использовал русский язык в своих основных произведениях. Дерзкие мысли о клерикальной среде не мешали ему верно трудиться в сановных канцеляриях. Орфелину не хватало раскованности, внутренней свободы, отрешения от житейской зависимости от церкви. Человек удивительно многогранных дарований, он явно не раскрылся в полную меру под давлением жизненных обстоятельств. Внутренний цензор подавлял в нем данные ему природой и развитые образованием ясность и живость ума, чувство современности, богатство и изысканность вкуса.

Третья четверть XVIII в. была весьма ответственным периодом в истории сербской культуры. Именно в это время начался отход от средневекового теологического понимания мира как целостного и универсального, в единстве всех его частей. При сохранении церковью идеи всеобщности сущего, условности ее искусства и смысла познания в постижении земного мира как наделенного глубоким смыслом символа мира потустороннего, в установлении связи между вещью и стоящим за ней высшим бытием в духовной жизни сербов обозначились отделение разума, знаний и науки от религии, осознание разграничения их сфер, чувство индивидуальности народа и понимание ценности каждой отдельной личности. Это было началом революционного переворота в общественном миросозерцании. Сред-

невековое теологическое мышление с его универсализмом и всеобщностью медленно отступало перед набиравшим силу самосознанием Личности, общества, народа. Мировоззренческий сдвиг, означавший зарождение иного историко-общественного типа культуры у сербов, начался с ощущения времени на подсознательном уровне в мире искусства и с обращения к истории как источнику настоящего.

В третьей четверти XVIII в. происходили изменения в соотношении разных видов культуры — на первый план общественной жизни стала выдвигаться литература в широком ее понимании. В культурной жизни углубилось разделение между церковным направлением, следовавшим традициям средневекового типа, но в свою очередь приспособливавшимся к атмосфере современности, и светским направлением, связанным с запросами формирующегося гражданского общества.

Наметившиеся качественные сдвиги в духовной сфере дали о себе знать в зарождении робких и бессистемных пока рационалистических идей, первых проблесках национального сознания. Новые мировоззренческие явления заключали в себе лишь тенденцию, возможность ее оформления в будущем. Выработка нового общественного сознания получила выражение также в попытках научного познания мира, в стремлении выйти в художественной практике на магистральный путь общеевропейского развития. В сербской культуре утвердилась эстетика барокко в ее разных идейных вариантах. Окрашенная сознанием высокой человеческой судьбы и обращенная к земной жизни, она стала неотъемлемой частью прогрессивного направления в сербской идеально-художественной жизни. Но и барокко не исчерпало интеллектуальных и эстетических потенций этих противоречивых, новаторских в творческих исканиях, но обремененных еще давящей силой обветшалых традиций лет. Уже наметились черты основанного на принципах гражданственности и разума духовного освоения действительности, и перед сербской культурой открылись горизонты Просвещения. В 60-70-х гг. XVIII в. все компоненты сербской культуры, на всех уровнях пришли в движение. Это было началом грандиозных в своей сущности перемен.

Пути и судьбы сербского барокко

Барокко было сложным художественным явлением. Однако его место и значение в сербской культуре XVIII в. не ограничивалось сферой искусства. Хотя разрозненные элементы барокко появились у сербов еще во второй половине XVII в., как комплексное направление оно получило развитие в 40-70-х гг. XVIII в., причем в 60-70-е годы этот стиль выразился с наибольшей определенностью. Последние десятилетия столетия в сербском художественном процессе были отмечены новыми эстетическими тенденциями при постоянном затухании барокко⁵².

Эстетика барокко завоевала позиции в сербской культуре в иной исторической обстановке, нежели это было в Западной Европе. В ряде этих стран стиль барокко стал своеобразной реакцией на Ренессанс и Реформацию. Он родился в конце XVI в. на контрапротестантской волне первоначально в Италии, получив в последующем распространение в Испании, Франции и других странах, как выражение мировоззренческих и эстетических позиций дворянства и католической церкви. Однако в изменившихся исторических условиях он не мог представлять лишь механическую реставрацию в искусстве средневековой идеи бога как первопричины и цели земного существования, возврат к средневековому мистицизму, темам страшного суда и загробных мучений, но отразил определенное продвижение в познании мира и человека, опираясь в известной степени и на наследие Ренессанса. Но так или иначе искусство барокко сложилось на временном повороте европейской истории, в обстановке торжества католицизма над реформационным движением с его антисредневековыми тенденциями.

Сербы восприняли барокко на переломе своего исторического развития, в условиях наметившегося общественного подъема, когда начальные формы новых социальных отношений получили необратимый характер, не в последнюю очередь благодаря их победе в Нидерландах и Англии, что определило общественную и духовную ситуацию в Европе в целом.

Сербская культура, отражая процессы реальной жизни, отмеченной глубинным брожением, трудными судьбами народа, слож-

ными перипетиями борьбы сербов за сохранение и упрочение автономных прав в габсбургской монархии, в ходе внутреннего развития была подготовлена к отходу от византийских канонов в искусстве с их отвлеченной символикой, сохранившимися в течение веков неизменными церковными сюжетами, композиционными схемами и застывшими техническими приемами исполнения. Потребность сербской культуры в обновлении сделала возможным восприятие ею барокко, получившего распространение в ряде западноевропейских стран и в России.

Внешние факторы имели особое значение в освоении сербами барочной эстетики. В первой половине и середине XVIII в. решающее влияние на развитие сербской культуры оказывала Россия. Не удивительно, что они восприняли барокко прежде всего в русском и украинском вариантах. Сербы ориентировались на Киево-Могилянскую академию как на самый авторитетный центр православной теологии, церковной литературы и вообще искусства. В Киеве медленно протекал процесс видоизменения традиционных философских и эстетических представлений с использованием посредством польской культуры западноевропейского интеллектуального и художественного опыта. В 1707 г. указом Петра I церковное искусство было отделено в России от иконописных занятий неумелых и несведущих людей. Тем самым сосуществование в церковной живописи византийской манеры и барокко завершилось узаконением последнего.

Сербские иконописцы имели возможность познакомиться и с другими вариантами барокко. На юго-востоке Европы распространялось влияние окрашенной барочными чертами живописи итало-критских мастеров. Третий путь проникновения стиля барокко в сербское искусство лежал через Вену. В Австрии он был тогда в полной зрелости. Главным источником западного влияния была графика, особенно это касалось композиционных решений.

В конце XVII и первых десятилетиях XVIII в., когда в сербской культуре стихийно проявились разрозненные и слабые элементы барокко, они представляли собой слегка намечавшуюся тенденцию не-отчетливой общественной природы. О социальной базе барокко у сербов можно определенно говорить только применительно ко вре-

мени его более зрелого функционирования. Она существенно отличалась не только от Западной Европы, но даже и от России.

В сербских условиях социальный импульс освоению барокко, особенно на ранней стадии, исходил прежде всего от православной церкви. Иерархия, постоянно пекущаяся о повышении своего авторитета как в сербском обществе, так и в Австрийской монархии в целом, об усилении воздействия на психику верующих, нашла в барокко с его стремлением к величественности, патетичности и экзальтации оправдавший себя в России и католических странах способ решения своих задач. При этом она старалась уберечь и византийские традиции как символ старины православной церкви и источник, несущий из глубины столетий напоминание о величии православия. Верность наследию олицетворяла также незыблемость устоев, на которых зиждились благополучие и власть над сербами православной церковной иерархии. Сербские дворяне, неравноправные в сословном отношении в сравнении с дворянами-католиками, вынужденные уступить первенство в сербском обществе православной церкви, в свою очередь испытывали потребность в самоутверждении с помощью парадного и приподнятого искусства.

Городская среда, как никакая другая в это время, переживала внутреннее движение. Средневековый по характеру деятельности купец и ремесленник вставал одной ногой на хозяйственную платформу рыночного типа. Общая атмосфера в монархии в годы правления Марии Терезии, формировалась под знаком меркантилистической теории с ее преимущественным вниманием к торговле как источнику богатства общества и решающему фактору хозяйственного подъема, захватывала и сербских торговцев, способствуя развитию у них сознания своей общественной значимости. Вселяла надежды и реальная политика центральной венской администрации, направленная в известной степени на ослабление позиций земельной аристократии и церкви, на устранение препятствий для роста внутреннего обмена и внешней торговли, на укрепление рыночных отношений и улучшение путей сообщений в монархии. Начавшиеся реформы "просвещенного" абсолютизма заключали некоторые уступки свободной экономике, и это не могло не придавать социальной уверенности части сербских горожан, осваивавшей

новые формы хозяйственной деятельности. Радужные надежды и разочарования, иллюзии и тревоги, перепады настроений и особенности социальной психологии сербских торговцев, первых мануфактуристов, ремесленников, а также очень немногочисленной интеллигенции в быстро меняющейся действительности в свою очередь получили отражение в свежем и беспокойном по тональности искусстве барокко.

Противоречивость эстетики барокко, сочетавшей средневековые и ренессансные черты, сделали его способным для выражения разных социальных тенденций. У сербов оно имело разноликую социальную базу — православную церковь, немногочисленное дворянство, горожан, интеллигенцию, у которых при различии их интересов имелось и общее стремление к упрочению своего положения в Австрийской монархии и единая обеспокоенность судьбой соплеменников под османской властью. От них исходили запросы, обусловившие приобщение сербской культуры к общеевропейскому стилю барокко, способному отразить не только торжество религии над человеком и патетику христианских чувств, но и передать радость бытия, прогрессивные представления о безграничности и постоянной изменчивости мира, динамизме жизни, многоплановости человеческой натуры. Сложность положения православной церкви и сербского городского населения, неспокойная социальная, политическая и религиозная обстановка, в которой жило сербское общество в габсбургском государстве, гнетущая атмосфера на Балканах, передававшаяся разными путями сербам под властью Габсбургов, — все это наложило особые черты на искусство сербского барокко.

Новое стилевое направление у сербов проявилось в архитектуре, графике, живописи, прикладном искусстве и с меньшей определенностью в литературе. Для развития барокко в сербской живописи важное значение имело появление художников со специальным образованием. Отличительной чертой сербского пластического искусства в это время было отсутствие декоративной и церковной скульптуры, столь характерной для европейского барокко. Это проистекало из традиций православной церкви. Что касается архитектуры, на ее развитии сказывались нехватка средств и отсутствие искусственных и специально подготовленных мастеров, способных ре-

шать эстетические проблемы барокко в каменном зодчестве.

Тормозом для развития сербской литературы был недостаточный уровень образованности общества. Поэзия барокко требовала от автора утонченного вкуса, эрудиции в области античной философии и литературы, свободного владения законами регулярной версификации и т.д. Но сербы располагали лишь начальными и неполными средними школами. Наиболее выраженным представителем барокко в сербской литературе был З.Орфелин. Только длительное пребывание в Венеции и Вене, работа в типографиях, доставившая возможность знакомства с широким кругом литературы, позволили ему подняться над уровнем современной ему сербской духовной жизни.

Правда, в сербских латинских школах (низших гимназиях), которые появились в 30-х годах XVIII в., в рамках программы ученики переводили произведения Эзопа, Цицерона, Квинтилиана, Фронтона, Сенеки, Юлия Цезаря, Тита Ливия, Овидия, Федра и других⁵³. Но это был лишь начальный этап ознакомления с богатым наследием античной культуры. Среднее и высшее образование в протестантских (реже католических) гимназиях и лицеях в Венгрии, в Венском или германских университетах было уделом немногих сербов, тем более что в отличие от католиков и униатов они по завершении образования с трудом устраивались на государственную службу. Высшее духовное образование редкие сербы получали в Киево-могилянской и Московской духовных академиях. И хотя Мария Терезия распорядилась, чтобы сербы обучались богословию только в пределах монархии, наиболее любознательные среди них тайком пробирались в Россию. Именно так поступил С.Вуяновски, который по завершении учебы в Вене отправился в Россию. Он вернулся в Темишвар лишь после строгого указания епископа Видака. В дальнейшем Вуяновски стал директором сербских основных школ в Загребском школьном округе⁵⁴. Разностороннее и полнокровное образование сербы могли получить лишь в отдаленных центрах культуры. И уже поэтому оно было доступно единицам. Такое положение сказывалось как на уровне умственной и художественной жизни, так и на интеллектуальных и эстетических запросах сербской публики, ограниченной в возможности восприятия "большого" искусства и воспитанной на провинциальных образцах.

И все же, несмотря на столь неблагоприятные условия, в рассматриваемое время среди сербов имелись деятели, отличавшиеся широтой интересов, утонченным чувством изящного и достигшие высокого уровня знаний. Это были, кроме З.Орфелина, Т.Янкович Мириевски — известный педагог, успешно применивший в сербских основных школах в Банате метод обучения по системе Фелбигера и переехавший в 1782 г. по приглашению Екатерины II в Петербург для проведения школьной реформы в России, наиболее видные художники.

Историческое место барокко в развитии сербской культуры определялось тем, что это широкое художественное явление означало переход от средневекового типа мышления к Просвещению. В литературе встречаются мысли о том, что славянское барокко во многом имело черты Ренессанса и выполняло его функции. Что касается сербов, у них барокко проявилось на иной стадии исторического развития, неожели Ренессанс на Западе, и в обстановке далеко ушедшего вперед от него европейского опыта. Сама Личность — носитель барокко у сербов, в отличие от великих представителей западной ренессансной интеллигенции с их эстетической элитарностью, была обращена к средней публике, к широким слоям народа.

Ввиду связующего исторического начала, заложенного в сербском барокко, в его развитии отчетливо прослеживаются два этапа. В первой половине XVIII в. барокко, накладываясь на средневековый образ мышления, входило в устоявшийся мир представлений и вкусов. В сербской культуре всеохватывающее теологическое миросозерцание сочеталось с наращиванием новшеств, тяготевших к западной цивилизации, но не затрагивавших содержание духовной жизни. Это было время размытости идеально-психологического и художественного облика самого барокко.

Иная картина в связи с новой реальностью стала складываться с 60-х гг. XVIII в. Именно теперь сербское общество, отнюдь не порывая с православными принципами, стало высвобождаться из стесненных рамок средневековых догм, нормативного мышления и скованности духа. Оно выдвинуло из своей среды в лице Орфелина деятеля, который своей жаждой познания жизни, самопроявления в ней и духовной самостоятельностью явил черты новой личности. Элементы гуманизации общественного сознания, проявившиеся во

внимании к реальному человеку и, как следствие этого, в жанрово-тематическом обновлении искусства (сонеты, портрет, автопортрет), также были запоздалыми показателями начавшегося преодоления сербским общественным сознанием тягостного груза средневековья.

На иной, более продвинувшейся стадии общественного развития барокко обогатилось, хотя и недостаточно еще оформившимися, представлениями и ценностными критериями, свойственными Проповеди. В труде Орфелина о Петре I наметки нового политического и нравственного идеала получили выражение как в литературном тексте, в котором черты барокко проявились с меньшей определенностью, так и в иллюстративной части в законченных формах барочной гравюры.

В церковном искусстве барокко означало обновленную форму выражения и пропаганды теологического понимания мира. И все же церковная живопись в лучших своих образцах представляла сложное явление, поскольку талантливые сербские художники вносили в нее современное гуманистическое начало. Так, опоэтизированное и лирическое изображение Богоматери на иконах Тенецки, близкое облику реальной женщины, заключало в себе глубоко земной смысл — осознание духовной и физической красоты человека. Они относились к числу лучших женских образов в сербской живописи XVIII в.⁵⁵.

Для сербского барокко на всех его этапах и во всех его проявлениях была характерна родолюбивая, южнославянская и общеславянская наполненность. Существенной чертой сербского искусства было большое место в нем исторических сюжетов. Геральдический сборник с портретами царя Душана, книга Юлинаца, труд З.Орфелина о Петре I, первые исторические композиции Й.Марковича и А.Янковича, иконы с ликами канонизированных сербских властителей, ставшие с середины XVIII в. обязательной принадлежностью иконостасов, гравюры с видами монастырей — все эти разные по роду и жанру произведения, в неодинаковой степени отмеченные барочными чертами, отражали обостренность сербского исторического сознания. Общественная неудовлетворенность положением сербов питала пристрастный интерес к истории не только сербской, но и шире — южнославянской и русской — как источнику

веры и надежды. Обращение к истории порождалось современными проблемами и заключало в себе поиск ответа на них. Исторический материал как нельзя лучше сочетался с эстетикой барокко. В “Стематографии” идея величия сербской и южнославянской истории получила под штихелем Жефаровича и Мессмера убедительное графическое воплощение с помощью живописного декоративного оформления, аллегории (на конном портрете Душана изображение Славы, римской богини войны и государственной мудрости Минервы, держащей в одной руке корону над головой царя, а в другой — венок победителя, на втором портрете изображение Минервы и Хроноса), контрастности (противопоставление Стефана Сильного и поверженных врагов), совмещения реальности и иллюзии. Хотя, строго говоря, книга Ю.Юлинаца относилась к историографии, на ней также лежал отпечаток духа барокко. Он получил выражение в самом подходе автора к теме, изображении не только великих действий сербских царей и владетелей, но и кровавых дел — отцеубийства, вероломства и жестокости. Так переплетались пафос прославления сербской истории и идея превратности бытия.

Историческая тема в сербской литературе и живописи, портретный жанр неизбежно привносили в новое стилевое направление национальный колорит.

Особое место в развитии сербского барокко занял труд З.Орфелина “Житие и славные дела государя императора Петра Великаго самодержца всероссийскаго с предположением краткой географической и политической истории о Российском царстве, ныне первес на славянском языке списана и видана”. Если его графическая часть, выполненная З.Орфелиным несколько позже, отличалась буйством декоративных украшений, то в самом тексте барочная эстетика, принципы которой оказались уже в пространном названии труда, была выражена не столь явно и притом с большей усложненностью.

В двухтомнике была дана широкая панорама истории России. Автор изложил ее с подлинно литературным даром, представив в процессе динамически сменяющихся драматических картин. Орфелин мастерски передал динамизм и напряженность, величие и трагедии российской истории. Его “Житие” не только научный труд, это одновременно и занимательное чтение, захватывающее читате-

ля перипетиями борьбы, и неповторимое литературное произведение, раскрывающее столкновение характеров. Здесь все в движении, все живет, все переливается и меняет формы.

В центре труда — образ Петра I. Он представлен как великий преобразователь России. По существу это парадный портрет “просвещенного” монарха, в какой-то степени обобщенный и идеализированный. Он воплотил в себе государственный гений, нравственное величие, мощь и возможности человеческой натуры. Гравюры с изображением памятных медалей в честь побед Петра подчеркивали героизированный образ полководца-победителя. Но если в выборе объекта исследования и литературного изображения Орфелин находился во власти барокко, то в решении образа Петра I он вышел за рамки его эстетики. В этом труде были заложены уже основы сербского Просвещения.

В труде Орфелина не следует искать стилистических ухищрений, языковой вычурности, поражающих воображение причудливых метафор. В монографии о Петре наглядно проявились особенности его зрелого творчества — емкая выразительность языка, динамичный ритм его прозы, способной захватить и держать в напряжении читателя. Вместе с тем в труде имеется немало описаний с перегруженными деталями, вполне отвечающих духу барокко. Труд З.Орфелина о Петре I в стилевом отношении, тем более с учетом его иллюстративной части, представлял собой сложное явление. Несомненно, он воплотил в себе черты сербского развитого барокко, но вместе с тем именно в силу этой зрелости интуиция художника повела его дальше по пути пресодоления эстетики этого направления.

Для поэтики сербского барокко было характерно сдержанное отношение к свойственным этому стилю своеобразным и вычурным формам. В сербской архитектуре не было чрезмерного увлечения пространственным размахом, насыщенностью пышной декорировки. Лишь немногие здания светской и церковной архитектуры у сербов полностью отвечали требованиям барочной эстетики, большинство же ограничивалось элементами барокко. Экономические и социальные условия, в которых жили сербы, не позволили развиться у них величавым дворцово-парковым ансамблям, столь излюбленной в европейском барокко архитектурной форме. В графике, за-

исключением отдельных гравюр Орфелина, в свою очередь преобладали умеренные решения. Парадные портреты также не отличались эффектной декоративной пышностью. Выше уже отмечалось, что и в сербской литературе не получили развития стилистическая изобретательность, поражающие воображение контрасты или нарочитая усложненность языкового выражения. Сербскому барокко не были свойственны крайности этого стиля. Объяснение этому следует искать не только в объективных обстоятельствах жизни сербов, но и в субъективной сфере — многовековой истории сербского художественного сознания, отмеченной аскетическим отрещением от земного мира, постоянными поисками путей приближения к идеям, условностью воспроизведения действительности, глубиной внутреннего смысла и не знавшей мировоззренческо-художественного переворота, составившего на Западе содержание Ренессанса.

В поэтике сербского барокко античная символика использовалась неравномерно. В "Стематографии" она присутствовала в портретах царя Душана. В рукописном сборнике "Зрцало науке" в разделе, прославлявшем знания, имелись многочисленные упоминания античных философов и писателей, чье авторитетное мнение призвано было подкрепить рассуждения автора. В других случаях это были разбросанные единичные античные символы. Зато они богато были представлены в труде Орфелина по истории России.

Тяготение западноевропейского барокко к некоторым тенденциям готики имело параллель в сочетании сербского барокко с традициями, корнями уходившими в византийское искусство.

На первых порах элементы барокко были лишь вкраплением в устоявшейся структуре сербской архитектуры, живописи и графики. Хотя православная церковь в стиле барокко появилась еще в 1688 г. в Буде, на основной территории расселения сербов в Австрийской монархии введение приемов барокко в церковную архитектуру, начавшееся с украшения звонниц, лишь в середине XVIII в. изменило облик самих церквей.

С начала XVIII в. барочные элементы стали проникать в сербскую церковную живопись. Они проявились прежде всего в расширении тематики, появлении непривычных католических мотивов, вошедших в сербскую иконопись под влиянием греческих мастеров

(“Воскресение Христа”, “Коронование Богородицы” и др.), в живом колорите и декорировке икон в виде элементов стилизованной природы вместо геометрических орнаментов византийских образцов. В украшении икон стало щедро использоваться золото. Эти средства и приемы при отсутствии чувства меры у неумелых зографов нередко получали самостоятельное значение⁵⁶.

Новые стилевые решения постепенно меняли традиционный облик сербского изобразительного искусства, понимание художником фигуры, перспективы, отношения к природе. В “Стематографии” оригинальные гравюры Х.Жефаровича с изображением южнославянских правителей и святых частично были выполнены в старой манере, частично же представляли в стилевом отношении сочетание иконографических приемов с барочными элементами. Схематичные лики правителей были вырезаны в соответствии с установленными канонами, но в легких изгибах фигур, интерьере с типичными для барокко архитектурными деталями и драпировкой, богато орнаментированных одеяниях угадывались черты новой эстетики. На портретах царя Душана, которые были результатом совместного творчества Жефаровича и Мессмера, барочные формы получили более ясное и последовательное графическое воплощение⁵⁷.

С 60-х гг. XVIII в. стилевая структура сербского искусства стала меняться в пользу барокко. В разных видах культуры это направление получило зрелое выражение, однако оно не стало всеобъемлющим, сочетаясь, хотя теперь уже в других пропорциях, с традицией и стилевыми явлениями иной природы. В церковной живописи при наличии законченных барочных композиций канонические приемы полностью не были изжиты, но они дополняли теперь вытеснившие иконы сакральные картины западноевропейского образца. С другой стороны, в светской станковой живописи и литературе уже чувствовалось дыхание классицизма (рационалистическая тенденция в творчестве Я.Орфелина, появление в поэзии оды), а в портретном жанре даже незрелого реализма.

Параллельно с барокко в сербской культуре на протяжении всего XVIII в., особенно на Балканах, продолжало бытовать и воспроизводиться искусство в вексами устоявшихся идейной художественных проявлениях.

Сербы заимствовали барокко из европейской культуры прежде всего через русско-украинское посредничество. Сербское барокко было вторичным, но оно было подготовлено всем ходом внутреннего историко-культурного развития. Вобрав в себя особенности художественного сознания и практики народа, барокко приобрело в сербских условиях особые черты. Тем самым были обогащены содержание и выразительный язык первого общеевропейского стилевого направления.

Барокко сыграло важную роль в более углубленном познании сербами жизни, раскрытии мира в неведомых дотоле ракурсах. Это было настоящим потрясением общественного сознания, застывшего в своей приверженности традиционным принципам. Прогрессивные черты противоречивой философии барокко, выразившиеся в представлениях о богатстве и многообразии мира, переменчивости сущего, духовно подготовили наиболее дальновидных сербов к восприятию в соответствии с потребностями жизни принципиально новых идей, заключавших в себе тенденцию изменения реальной действительности на основе разума.

С освоением эстетических принципов барокко в сербском художественном сознании и практике началось преодоление тех форм, которые исторически уже утрачивали способность развития и нисходили на степень ремесла. Барокко обогатило сербское искусство новыми, прежде заповедными темами, античным наследием и профессионализмом (перспектива, анатомия, светотень, силлабическая версификация). Оно принесло с собой свободу индивидуального творческого поиска, открыло путь буйному воображению и накалу чувств.

Заложенная в барокко тенденция к обновлению преобразилась в сербском светском сознании в самостоятельное от теологии развитие научной мысли. Был сделан принципиальный шаг в понимании истории от провиденционализма к концепционному ее осмыслению.

Благодаря печатанию книг, графике, через церковь искусство барокко располагало широкими возможностями воздействия на сербское общество. Хотя в своих мировоззренческих основах оно не покушалось на старинные идеалы “благообразия”, “благочестия” и “благочиния”, лучшие образцы этого направления, отражая реальную жизнь, формировали положительное отношение к таким качествам

личности, как энергичность, подвижность, активность. Искусство барокко не только содействовало расширению горизонта общественного видения сербов, опосредованно вводя их и в сферу католической культуры, оно способствовало также складыванию и более свободного от предписаний церкви образа повседневной жизни. Несомненно, предпосылки таких перемен коренились в глубинных процессах, переживаемых сербским обществом. Роль искусства барокко состояла в данном случае в том, что оно уловило, вначале на уровне психологии, а затем и более оформленного сознания, заревавшие и обозначившиеся изменения и раскрыло обществу новые горизонты.

Принципиальная роль барокко состояла в том, что оно отразило начальный процесс стадиальной синхронизации сербского историко-культурного процесса с общеевропейским интеллектуальным и художественным развитием.

Образ России в сербской литературе и историографии

В третьей четверти XVIII в. сербы в культурном отношении продолжали ориентироваться в первую очередь на Россию. К разнообразным аспектам российско-сербских связей в эти годы привилось осмысление сербскими деятелями исторического пути России и творческое освоение культурного опыта русского и украинского народов.

Еще со времени Прутского похода Петра I, хотя и неудачного для России, но тем не менее пробудившего у югославян надежды на освобождение с ее помощью от османского ига и потому оставившего глубокий след в сознании, стала расти в их среде популярность Петра I. Это происходило в атмосфере общего укрепления российско-югославянских связей. Жизнь и деятельность Петра I стали темой югославянских литератур и словесного фольклора. Народно-поэтическая и письменная традиции представляли Петра I как военного героя и щедрого благотворителя и покровителя⁵⁸. В известной степени выражением культа Петра I у сербов явилось сочинение З. Орфелина “Житие и славные дела... Петра Великаго”,

ставшее одной из вершин умственного и эстетического развития сербов в полном динамизма XVIII столетии.

Труд о России, как и многое другое в творческой жизни З.Орфелина, имел загадочную судьбу. Он был напечатан в 1772 г. в типографии Д.Теодосие и вышел анонимно. Содержавшееся в нем посвящение Екатерине II было подписано Теодосие. В двухтомнике не было иллюстраций, хотя в тексте указывалось на них. Было и другое издание книги без посвящения, предисловия и с измененным титульным листом⁵⁹.

Анонимная монография в количестве 400 экземпляров тотчас попала в Россию⁶⁰. Она была воспринята как труд Теодосие, и через два года в Петербурге “при Императорской Академии наук” вышло ее издание с дополнениями и исправлениями М.М.Щербатова и языковой правкой В.А.Троепольского. Сочинение, как это значилось на титульном листе, было “печатано иждивением” петербургского купца С.Копнина и иркутского торговца И.Байбородина⁶¹. Монография была снабжена русскими издателями 29 иллюстрациями, представлявшими собой старые гравюры и планы.

З.Орфелин создал еще один вариант своего труда, но время его появления неизвестно. Он получил название “История о житии и славных делах ... Петра Перваго”, титульный лист с указанием автора и новые вводные разделы. Украшением монографии стали 72 гравюры, выполненные Орфелиным в своей мастерской. Но дата выхода труда была оставлена прежняя — 1772 г.⁶². Иллюстрированное издание, содержавшее разгадку авторской тайны, затерялось в библиотеках редких монастырей и не получило известности ни у сербов, ни в России. Даже через сто лет в русских библиографических изданиях его автором значился Теодосие⁶³. Лишь в 1887 г. сербский ученый Д.Руварац окончательно установил подлинного творца этого произведения.

“Житие и славные дела ... Петра Великаго” с точки зрения темы, методов проникновения автора в историю и ее освещения, изложения материала представляло собой научный труд. Но З.Орфелин был художником по натуре, его восприятие современного мира и истории было окрашено эстетическим чувством. Это сделало его главное творение удивительным синтезом науки и искусства.

Как явствует из предисловия, З.Орфелин работал над трудом 5 лет. Прежде чем приступить к теме, он в самой общей форме осветил состояние изучения Петровской эпохи. Отметив, что на “славянском” языке нет трудов о жизни Петра I, он подверг критике сочинения западных авторов как за содержавшиеся в них ошибки, так и за тенденциозность, предвзятость в освещении русской истории и деятельности Петра I⁶⁴. Предпринята Орфелиным попытка представить состояние исследовательской мысли по конкретной проблеме была по своему характеру новаторской и означала зарождение у сербов истории исторической науки.

З.Орфелин опирался на русские источники, российскую и западную литературу по истории и географии России, Европы и Азии. Всего в списке использованных им материалов значилось 46 позиций, ряд из которых включали многотомные издания. Сам автор особо выделял сочинения сподвижника Петра I, вице-канцлера П.Шафирова о Северной войне 1700-1721 гг. и работы Г.Ф.Миллера по русской истории. Трудно утверждать, насколько Орфелин действительно использовал названные им источники и литературу. Во всяком случае 32 книги из вышеназванного списка он имел в собственной библиотеке, что составляло солидную источникющую и литературную основу.

В сербских условиях новшеством З.Орфелина в плане работы с источниковым материалом было введение в научный оборот исторических карт. Часть их разрозненно поступила на книжный рынок — “Генеральная карта Всероссийской империи”, карты северной части Европы времен Петра I, Крымского ханства с прилегающими губерниями России, арены военных действий в период Северной войны, карты раннесредневековой юго-восточной Европы — “Паннония, Мизия, Дация, Иллирик” и “Сармация европейская и азиатская”⁶⁵.

З.Орфелин сознательно положил в основу труда критический метод в работе с источниками и литературой. Он понимал, что наилучшим и самым верным способом проверки фактов, содержащихся в литературе, являлись бы изыскания в российских архивах. Но, находясь от них “толь в дальнем расстоянии”, сербский автор не мог ими воспользоваться. Принципом критического метода Орфелина была проверка сведений, сообщаемых западными авторами,

материалами русской историографии⁶⁶. Монография Орфелина по ряду конкретных вопросов снабжена научным аппаратом. Сербский историк сопоставлял фактические данные, почерпнутые из работ разных авторов, отмечал имевшиеся в литературе ошибки и неточности, полемизировал с некоторыми авторами по конкретным аспектам российской истории, в частности с Вольтером. Введенный Орфелиным критический метод был завоеванием сербской исторической мысли.

З.Орфелин написал труд на русском языке с небольшими сербизмами и издал его гражданским шрифтом. Он старался, по его словам, “вести такой слог, какой сербским народам понятен”⁶⁷. Вместе с тем З.Орфелин сознательно ориентировался и на русского читателя, о чем свидетельствовали его объяснения местонахождения известных сербских городов (например, примечание о том, что Сремски-Карловцы находились недалеко от крепости Петроварадин или ремарка о местоположении Белграда при впадении Савы в Дунай)⁶⁸. Возможно, это обстоятельство сыграло роль в выборе сербским автором языка своего сочинения.

З.Орфелин предварил повествование о жизни и делах Петра I описанием географического положения, современного ему административно-политического устройства России и кратким очерком истории допетровского времени. Под пером сербского писателя Российская империя предстала перед читателем как необъятная страна, протянувшаяся по долготе “мало не на пол-круга всего света”. По своей территории, писал Орфелин, “царство сие превосходит величиною втрое все прочия Европейские государства вместе составленныя”. Сколь бескрайни просторы России, столь велики и многообразны ее природные богатства: моря и озера, полноводные реки и леса. “Едным словом, — заключал Орфелин, — Россия имеет изобилие во всем том, чего человек требует”⁶⁹.

Историк сообщал, что население России состояло “из разных народов” и “что из всех других государств в свете не находится ни единое, где бы в жителях толикое различие было”. “Все сии народы, — подчеркивал он, — имеют свои особенные обычаи и языки”⁷⁰. Отмечая с удовлетворением свободу отправления культов в России, Орфелин в то же время одобрительно писал о миссионер-

ской деятельности проповедников “слова божия” по обращению иноверцев в православную веру.

Природные дары были приумножены стараниями россиян. “Понеже Российское царство, — говорилось в книге, — лежит отчасти в Европе, а отчасти во Азии, а притом с севера, запада, востока и юга имеет разные моря, как и внутри разные к плаванию способны великия реки и езера: то за отправление купечества почитается оное наилучшим света местом”⁷¹. Страна торговала через Балтийское и Белое моря с Англией, Голландией, Германией, Францией и “с прочими североизвестными морскими потенциями”. Благодаря Волге и Каспийскому морю, продолжал автор, Россия имела торговые связи с Персией и Арменией, а Черное море связывало ее с Левантом и Италией. На юго-востоке русские торговали со всеми пограничными народами, но больше всего с Китайской империей. Обнаруживая свои симпатии к меркантилизму, Орфелин утверждал: “До четырнадцатого века не имели они ни собственных своих новцов (денег. — И.Л.), обаче получавали чрез комерцию от других народов превеликия богатства и сокровища”. В деле развития торговли особенно велика была роль Петра I. “Купечество привел он, — продолжал Орфелин, — в такое цветущее состояние, что нынешняго времени Российской на все страны распространенной, како старапанием высоких предъупомянутаго монарха наследников более и болес распространяющейся комерции вся Европа удивляется”. В духе меркантилистической теории сербский автор отмечал также расцвет в России “полезных художеств” и мануфактур, “чим наипаче комерция умножается и вящшее государства обогащение бывает”⁷².

Россия славилась, по словам сербского автора, судоходными каналами. Ладожский канал, соединивший реки Волхов и Неву, “может поставлен быти, — писал он, — в число славнейших в Европе кавалов”⁷³. Рукотворные сооружения связали Балтийское и Каспийское моря, и купцы из Петербурга, а также из Англии, Голландии и других европейских стран могли торговать с Персией водным путем. Орфелин особо выделил искусственное русло в Кронштадте, предназначавшееся для ремонта судов, — “несравненно-великий, глубокий и широкий канал, который подобного себе не имеет”⁷⁴.

С восхищением Орфелин писал о многолюдных российских горо-

дах, об их живописном расположении, своеобразной архитектуре, живой экономической жизни, культурных учреждениях. В его книге содержалось подробное описание Москвы, которая, по словам автора, “причисляется наивящшим во Европе градам”. Он отметил достопримечательности Кремля — высокие стены с башнями и рвами, царскую резиденцию, сады и водоемы, величественные соборы и малые церкви, государственные здания и патриарший двор, наконец, “видения достойный” арсенал. Все в облике Москвы вызывало у писателя высшее удовлетворение, и он стремился передать его сербскому читателю: торговые ряды, университет с гимназиями, типография, библиотека, монетный двор и знаменитая царская аптека, а также пространные предместья города с летними царскими дворцами и все ее 1600 церквей. “Блистание премногих самым чистым златом позлащенных звониц подает издали преизрядное граду украшение”⁷⁵. В труде Орфелина Москва представляла в подобающем величии и сиянии второй столицы Российской державы.

Говоря о Петербурге, сербский автор прежде всего отмечал его чрезвычайно благоприятное расположение “на таком месте, о котором положении без великаго удивления разсуждать не можно”. И далее он продолжал: “Место, где прежде едва четыре шалаша, или колесы убогих рыбачей быть могли, учинено пространным жилищем многочисленного разных наций народа; сделано великим купеческим магазином, превосходным пристанищем морской российской силы, преизящным императорским столичным градом и, наконец, преславным иногда Афинских муз обиталищем”⁷⁶.

Новая столица с предместьями, описанная Орфелиным с виртуозным искусством мастера барокко, стала олицетворением тех грандиозных перемен, которые произошли в России благодаря гению Петра I. Все в ней, утверждал писатель, было достойно удивления и восторга.

Среди достижений и успехов современной ему России Орфелин отмечал подъем науки и образования. “Петр Великий ... — писал он, — завел неограниченныя тайныя, но беспредельныя публичныя, не единому особенному чину, но всему царству полезныя высокия науки и знания. Цветущее состояние императорской Санктпетербургской Академии наук приводит всех европейцев во удивление:

она имеет учителей, каковых Германия, Франция, Англия, Холландия и Италия наилучших могли произвести. В Петербурге предаются науки, какие токмо в Европе находятся, на разных и на российском языках. Московская гимназии и университет не меньшее на себя внимание приводят. Ритерская академии в Петербурге, сухопутного и морского шляхетного Кадетского корпуса, могут предпочтены быти противим таким в Европе академиям...”⁷⁷. По уровню научной мысли, распространенности знаний в обществе, доступности образования Россия, в представлении Орфелина, не только не уступала ведущим европейским государствам, но по некоторым аспектам и опережала их.

Подчеркивая родство русского и сербского народов, З.Орфелин с негодованием отвергал измышления иностранных писателей, которые “по злобе” приписывали современным ему россиянам “нравы и обычай мало что не зверския”. Сербский писатель утверждал, что в большинстве своем русские благодаря “наукам” и общению с “разумными и благонравными народами” “причитаются наилучшим в Европе народам”. Симпатии автора вызывали выносливость, терпение, беспримерная выдержка, бесстрашие, одаренность, религиозность русского народа, его верность и послушание своему монарху. “Есть нынешняго времени, — продолжал Орфелин, — великое число самых природных россиян, кои несравненные на всяком европейском языке оратори, преизящные историки, географи, юристи, философи, теологи; славные математики, астрономи, физици, химици, анатомики, ботаники; искусные живописцы, архитекты, музыканты, театралисти, танцмейстеры; безприкладные матрозы и мореплаватели, фабриканты и проч.”⁷⁸. Рассуждения Орфелина о добродетелях русского народа носили публицистический характер. Даже в середине XVIII в. высокомерное отношение иностранцев к русским еще оставалось фактом реальной жизни и литературы.

Сложным, а подчас и трагическим был тысячелетний путь России, пока благодаря деятельности Петра и его наследников, говорилось в посвящении, “... Империя, как и род Российской к такому пришло чинному состоянию и велиству знаний, художеств и благих нравов, к каковому никакая иная нация в понятии склоннейшею быть могла бы”⁷⁹.

З.Орфелин был первым сербским автором, который подробно и обстоятельно познакомил соплеменников с современной им Россией. Он сообщил сербским читателям большие сведения о разных сторонах жизни русского общества и, главное, с прогрессивных позиций. Правда, по ряду аспектов его характеристика не была свободна от идеализации и преувеличений, что объяснялось общим строем его общественно-политических воззрений, общеславянским родолюбием, но также и характером использованной им литературы. В самой России критическая мысль находилась еще в состоянии вызревания.

В описании России третьей четверти XVIII в. наглядно воплотилась основная идея исторического труда З.Орфелина — идея могущества и величия Российского государства, одного из крупнейших в Европе, и бессмертия дела его преобразователя Петра I. В двухтомном сочинении сербского писателя и историка предстал образ независимой России, занимавшей высокое международное положение, игравшей важную роль в судьбах Европы. В труде проводилась мысль о том, что просвещенная Россия находилась на одном уровне с другими европейскими странами. Тем самым З.Орфелин внушал своим читателям уважение к ней, гордость за успехи и достижения славянского государства, важность для сербов его исторического опыта. Орфелин выражал в своем труде мысли и чувства, которые испытывала в отношении России лучшая часть сербского общества.

Созданный в труде Орфелина образ современной России при всем его неглубоком понимании действительности имел значение не только в плане формирования сербского общественного мнения о ней, но и в плане пробуждения духовных сил сербов для решения собственных, внутренних задач. Все вопросы, которые Орфелин поднимал в своей книге, имели актуальное значение для самих сербов. Это были вопросы хозяйственного развития и положения отдельного народа в многонациональной структуре государства, веротерпимости и свободы отправления культа, статуса церкви и состояния светской науки и образования, связей и контактов с другими народами. Современная Россия представляла в труде Орфелина как конкретная, реальная модель решения проблем, животрепещущих и больных для сербского общества. Раскрывая перед сербами возможность их разрешения, Орфелин будоражил умы и души сер-

бов, возбуждал общественную активность и показывал направление действий. Политическая окраска этого труда не ускользнула от официальной Вены. Цензура запретила его распространение в монархии⁸⁰. Российский материал позволил Орфелину попутно изложить свои теоретико-политические взгляды, правда, лишь по некоторым вопросам и притом они были не всегда оформленные.

Во второй главе “Древняя Российская история” З.Орфелин осветил историю России с древних времен до XVII в. Это было первое у сербов систематическое изложение прошлого России. В основу его периодизации Орфелин положил династический принцип, что получило отражение в разбивке главы на две части “Ряд великих князей” и “Ряд царей”.

Сербский историк начал повествование с вопроса о происхождении славян и русского народа. Проблему происхождения славян историческая мысль XVII-XVIII вв. решала, исходя из библейского сказания о разрушении разгневанным богом “столпа вавилонского” и разделении им людей, строивших его, на отдельные народы. В плену подобных представлений находился и Орфелин. Изложив различные точки зрения на проблему и подвергнув критике позицию западных авторов за предвзятость в освещении древней истории славян, он поддержал мнение, высказанное в русской литературе. Согласно ему, славяне вели свое происхождение с востока и расселились на север и запад в Европу через Армению и Малую Азию. Что же касается истоков русского народа, он сложился, согласно Орфелину, из славян и скифов. Последних автор отождествлял с чудью⁸¹. Все эти сложнейшие вопросы Орфелин освещал в соответствии с научными воззрениями своего времени, весьма туманными и приблизительными в части древнейших судеб славян. Он высказывал собственные суждения по некоторым частным вопросам, приводя порой дополнительные свидетельства в пользу наиболее убедительного, с его точки зрения, мнения (например, о славянской принадлежности “венетов” или “вендов”). Главное положение, которое Орфелин стремился донести до читателя, было представление о древности в глубоких корнях славянства⁸².

В середине XVIII в. острые полемика разгорелась в русской историографии по вопросу о возникновении государства Руси. Именно в

это время Г.Ф.Миллер и другие ученые, приглашенные из немецких княжеств в Россию, сформулировали “норманскую теорию” — идею заимствования государственности славянами у северогерманских племен, против которой резко выступил М.В.Ломоносов. Орфелин принял точку зрения о призвании новгородцами, охваченными раздорами, на княжение варягов, родственных, по его словам, новгородцам по роду и языку и непревзойденных в храбрости⁸³. Примитивное представление о создании славянской государственности, почертнутое Орфелиным из литературы, корнями уходило в тенденциозно переработанный в проваряжском духе вариант знаменитой летописи Нестора “Повесть временных лет”.

В труде сербского автора исторические события были представлены в причинно-следственной связи. Разделение князем Владимиром Святославичем Руси между сыновьями с целью предотвращения распреи, писал он, “привело Россию в бессилие и зделало позорищем властолюбия, мерзостнейшаго свирепства и почти конечныя погибели”⁸⁴. Такое толкование было дано в книге наступлению эпохи так называемой “феодальной раздробленности”, которая в действительности охватила Русскую землю с XII в.

Однотипное освещение получило и начало образования единого Российского государства. Князь Иван Васильевич (Иван III), по словам Орфелина, дабы положить на родине конец междуусобицам и кровопролитию русских князей, подчинил все удельные княжества власти “Московского престола”⁸⁵. Хотя от Орфелина были скрыты глубинные предпосылки сложных процессов, его пытливый ум искал объяснения историческим явлениям и событиям в самой жизни, в действиях людей. В сербских условиях труд Орфелина в методологическом отношении представлял новый уровень исторических знаний.

Большое место в сочинении Орфелина заняло описание правления Бориса Годунова. Эта страница русской истории привлекла его внимание и как мыслителя. Свою трактовку трагедии Годунова Орфелин выразил следующим образом: “Он спешил к высоте и в самом кратком времени возшел на оную. Но како? позволенным ли путем? праведными ли заслугами? Ни как! Путь, по которому он шел к престолу российскому, был путь кровопролития, мучения, утеснения, и словом, самого мерзостнейшаго злодеяния; заслугам

его было основание лукавство и обман. Престол его, на которой сел, был подперт толь жалостными вздоханиями, что он никак не мог без поколебания оставаться. Сочиняsem он был весьма тайно, но поколебание его случилося напротив. Россия зделана театром, на коего вся Европа пришед взошла видети толь страшное поколебание она-го, и быти свидетелем преужаснаго падения такого человека, который помышлял о Россиянах: И кто есть иже измет вас из рук моих⁸⁶. Конкретная ситуация в истории России стала для Орфелина исходной основой для постановки философско-этического вопроса об узурпации власти и неизбежности возмездия, о злодеянии и каре. Тот же мотив расплаты присутствовал и при описании Орфелиным истории Лжедмитрия.

Большая заслуга З.Орфелина в развитии сербской исторической науки состояла в том, что он вывел на историческую арену народ, в данном случае русский народ. Особенно ощутимо его присутствие при описании сербским автором Смутного времени. В начале авантюристического пути Лжедмитрия Орфелин изобразил народ как послушную массу, обманутую обещаниями самозванца⁸⁷. Затем Орфелин показал, как Лжедмитрий бесчинствовал в Москве, потворствовал полякам, иезуитам и католицизму, попирал русские обычаи, “чим он приводил себя в ненависть у народа”⁸⁸. Наконец, под пером Орфелина русский народ предстал как мятежная стихия. Сербский автор так описал восстание 1605 г. в Москве: “В субботу 17 мая около 3 часы в самую начинающуюся зору, весь град Москва был в движении. Зазвонили в звона на ларму. Вдруг каждой схватил оружье: флинты, пистоли, копия, сабли, топоры, что кому только попалось в руки, и тако побежали скоро поспешно прямо ко двору, между тем, как другие бегали ко квартирам, кои еще с вечера означены были, где поляки находились. .. Князь Василий Шуйской, который был предводителем взъянавшагося народа, держал одною рукою святый крест, а другою меч обнаженной. Сим показывал он своим патриотам, что надобно ратовать за веру святую и отчество”⁸⁹. В труде Орфелина восставшему народу было придано решающее значение в бесславной гибели самозванца.

Описание народного восстания 1605 г. имело и более глубокий философский смысл. Орфелин допускал, пусть и подспудно, народ-

ную расправу над узурпаторами власти и сатрапами, попирающими национальное достоинство народа, как возможный исход исторических событий. Орфелин отошел от узкого взгляда на историю как на результат деяний лишь царствующих лиц и охватил исследовательским взором состояние общества в целом.

Народ присутствовал в книге и при последующем изложении русской истории⁹⁰. Но отношение к нему Орфелина было упрощенным. Это наглядно проявилось в описании восстания Степана Разина как разбойниччьего бунта грабителей и убийц. И все же введение в канву исторического повествования в качестве действующей силы народа было невиданным дотоле в сербской литературе.

По словам Орфелина, он предпринял географическое и политическое описание России, “чтоб благосклонные читатели возъимели напред точное понятие о состоянии, о могуществе и о величестве онаго царства...”, а “из древней Российской истории увидели б они, коль в глубокой тме неучения и беспорядочного правления находилась Россия, и что Петр Великий был первой, который собственным своим разумом и собственным своим трудом оную из такой тмы вывел на свет, на которого без блистания великаго и удивления смотреть не можно”⁹¹. Хотя Орфелин задался целью показать во второй главе “тму” и дикие нравы допетровского времени, однако реальный материал русской истории — древность русского народа, величие борьбы русских князей против нашествия Батыя, за освобождение от ордынского ига, значительность роли Руси в Европе и т.д. — все эти аспекты и сюжеты неизбежно разрушили искусственные рамки придуманной Орфелиным схемы и повели автора по пути раскрытия российской истории в ее сложности и противоречивости. Но в самом стремлении Орфелина показать возвышение России в XVIII в. заключалась великая идея прогресса.

Благодаря Орфелину сербские читатели получили историю России, написанную с позиции заинтересованности в судьбах русского народа. Сербский автор был в курсе современных ему точек зрения, собственными силами разобрался в них, ориентируясь на наиболее обоснованные, с его точки зрения, суждения петербургских историков. Он отобрал важнейшее в истории страны, окрасив изложение своим эмоциональным восприятием прошлого. Исторический очерк

Орфелина отвечал уровню знаний той поры, его слабости отражали младенчество сербской исторической науки. Но он был не просто повествованием о прошлом русского народа, но и воспоминанием о минувшей целостности славян, и примером патриотического противостояния иноземным завоевателям.

В центре внимания З.Орфелина были личность и дела Петра I. Рассказ о нем сербский историк начал с краткого описания детских лет будущего императора. Уже в эти годы, по словам автора, поражала “физиономия” Петра, “которая из взора бистротекущих очес, из остроты ума, из дерзновенных бесед и из маистетических ухваток доказывала в самом отрочестве его, что в нем находится дух, который токмо к царствованию сотворен”⁹². Орфелин постоянно подчеркивал природную одаренность Петра I.

В книге подробно описаны бурные события конца XVII в., интриги царевны Софьи, кровавые сцены стрелецкого мятежа, преображенские “потехи” молодого царя, “коими Россия потом вечную себе получила славу”⁹³.

Петр I получил государство, по словам писателя, “глубочайшею тмою и чрез то крайним неблагополучием обято”. Стремление приобрести необходимые знания, чтобы “просветить свое отечество”, побудило его направиться в Европу. “Средство, толикуо чрезвычайное, коликуо удивительное!” — восклицал по этому поводу сербский автор. Вернувшись в Россию, продолжал он, Петр завел здесь то, “чему он в путешествии своем учился и что с крайним прилежанием в европейских государствах собирал”⁹⁴. В основе трактовки Орфелиным деятельности Петра I лежала принципиально новая для сербских условий просвещенная идея силы и могущества совершенного разума. В том же ключе было его понимание путешествий как способа и условия повышения образования.

В книге Орфелина Петр I был представлен прежде всего как убежденный патриот своего отечества. Петр имел “непрессечное попечение о благополучии своего государства”, — писал сербский историк⁹⁵. Польза России, “дражайших своих подданных” была исходным мотивом всех его действий. Такая позиция автора была результатом анализа всей деятельности Петра.

Основное место в историческом труде занимали военные походы

российского императора. Петр I воевал много, долго и с разными неприятелями: с Польшей и Швецией, Турцией и даже с Персией. Орфелин изобразил его как одаренного полководца, ведомого интересами своей отчизны. Освещая Азовские походы, сербский историк образно писал, что со взятием Азова Петр “поставил уже ногу на Черное море”. Он оправданно рассматривал военные успехи Петра I в этом районе как начало широкомасштабной борьбы за выход России к морю, который необходим был, уточнял автор, для общения с высококультурными народами⁹⁶.

Новым в понимании Петра I было изображение его как преобразователя России. Царь вводил новшества, говорилось в книге, “к прославлению своего отечества”⁹⁷. Исполненный патриотических чувств, Петр I перестроил Россию с помощью просвещенного разума и через сношения с образованными народами. Но желая показать величие петровских дел, сербский автор занижал уровень развития русского народа в XVII в.

Первым “старанием” Петра I была организация регулярной армии. Цель военной реформы Петра I Орфелин видел в том, чтобы обеспечить безопасность России. Не вдаваясь в подробности реформы, он писал, что Петр создал флот и регулярное “войнство”, “котораго нынешнее преизрядное состоянис всю Европу во удивление приводит и котораго помоши большия государства иногда требуют”⁹⁸. Сербский историк подчеркнул важное значение этого преобразовательного дела Петра: “Обуздал он тем всех соседних российских, да и домашных своих неприятелей; победил онаго, которой почитал себя в Европе непобедимым, распространил пределы своего государства возвращением давноизгубленных и завоеванием новых провинцей, утвердил мир и тишину внутрь отечества и оградил безопасностию все Российския границы”⁹⁹. Орфелин не ограничился вопросом государственной обороны, но отметил воздействие военной реформы на судьбы России.

Бегло была затронута в книге финансовая реформа Петра I. Орфелин рассматривал ее как меру, направленную против самоволия бояр — провинциальных наместников, в защиту “бедного народа” и предусматривавшую обеспечение государственных доходов. Не раскрывая практической разработки финансовой реформы и тем более не

вникая в ее глубокие противоречия, Орфелин отметил реформу лишь как факт коренной переделки России. Орфелин показал усиленные заботы Петра I о развитии торговли и промышленности, о строительстве каналов и благоустройстве городов.

Большое удовлетворение вызывала у сербского историка церковная реформа Петра I. Он правильно понимал ее как ряд мероприятий, направленных на ограничение чрезмерной власти высшего духовенства путем подчинения его государству¹⁰⁰. Интересно замечание Орфелина в связи с распоряжением Петра I о снятии колоколов и их использовании на военные нужды: “Государь любил церквей и имел благоговейство к монастырям; обаче казалось ему гораздо умнее быти, чтоб не последовати ни мало примеру греческих императоров и сербских царей, которые больше прилежали о умножении и украшении монастырей нежели о постоянном содержании государства, следовательно и тем самых в безопасности”¹⁰¹. Ссылка Орфелина на сербскую историю, как и другие многократные упоминания о сербах свидетельствовали о том, что, создавая эпопею о Петре I, он не только не ушел от насущных проблем сербской жизни, но постоянно и непреложно был поглощен заботами о судьбах своего народа.

З.Орфелин много писал о славной роли Петра I в развитии образования и искоренении обветшальных обычаяев в России. Он “имел наипаче желание, — говорилось в книге, — приучити народ свой к обычаям и житию народов, коих он в своем путешествии видел и сам у них учился”¹⁰². Организация научных учреждений, развитие образовательной сети, просвещение народа — все это стало, в понимании Орфелина, главным залогом процветания России.

С удовлетворением сербский автор рисовал вторжение Петра I в устоявшуюся бытовую культуру русских: “Он желил народ свой приучити к такому житию, к такому обращению и к таким обычаям, каких имеют самые ученнейшие народы”¹⁰³. Борьба Петра I против суеверий, устаревших традиций и темных предрассудков, зrimо представшая под живым пером сербского писателя, была особенно близка ему ввиду назревшей актуальности этих вопросов для сербов.

Не ушло от внимания Орфелина и сопротивление в России правительственный политике. Историк нашупал социальную почву

противодействия петровским преобразованиям. Намерение молодого царя отправиться за знаниями в Европу натолкнулось, по его словам, на сопротивление со стороны духовенства, для которого сохранение суеверий и “глупости отечества своего” было условием “величия” церковников, а также со стороны преисполненного суеверия народа и бояр — тайных сторонников Софии¹⁰⁴. Орфелин был прав в отношении духовенства и бояр, что же касается простого народа, для понимания его роли в Петровское время потребовались еще десятилетия развития общественной мысли в Европе и России.

Все в книге Орфелина взывало к преклонению перед гением Петра I. Сербский автор не скучился на самые возвышенные эпитеты при его имени, называя его “просветителем российским”, “преславным полководцем”, “отцом отечества”, “преславным монархом” и т.д. Он подчеркивал живой интерес Петра к новому, широту и глубину его знаний.

Историк старался показать читателю неординарность натуры Петра I. Сам внешний облик — “природное его величество, которое из всего его состояния и вида сияло, како и быстротекущия на все страны его очеса”¹⁰⁵ — обнаруживал в нем человека особенного. Писатель подчеркивал в Петре такие черты, как постоянное чувство долга перед отечеством и твердость в проведении линии, энергия и настойчивость, любознательность и трудолюбие, проницательный ум и просвещенность.

Многое в поведении российского императора было непривычно. Вот он на страницах книги, смешавшись с солдатами, роет окопы и возводит валы, вот — с молотком и топором в руках трудится на верфи. Не скрывал Орфелин и жестокости Петра I по отношению к тем, кто препятствовал осуществлению его замыслов. Но историк оправдывал ее ввиду отсталости народа¹⁰⁶.

Итак, взгляды З.Орфелина на Петровскую эпоху имели следующий вид: Петр I, руководствовавшийся патриотическими стремлениями, обогатился знаниями в Западной Европе и преобразовал на их основе Россию, проложив тем самым путь ей к славе, могуществу и процветанию. Казалось бы, подобный ход рассуждений находился в противоречии с русофильством автора и его постоянным стремлением оградить Россию от западных хулителей. Однако по-

нимание З.Орфелиным деятельности Петра I проистекало из его широкой мировоззренческой платформы, предполагавшей необходимость, важность и полезность контактов между народами и освоения опыта наиболее продвинувшихся в своем развитии стран.

Большой заслугой З.Орфелина было углубление образа Петра I, сложившегося до тех пор в представлении югославян. В труде Орфелина он выступал как создатель новой России — России, перестроенной на началах знаний. Это был принципиальный факт в развитии сербского общественного сознания, поскольку означал рождение политического идеала в облике просвещенного монарха, который в сущности своей был зародышем социальной утопии умеренного Просвещения.

Что же касается изложения петровских реформ, не следует искаать в труде З.Орфелина, ограниченного уровнем исторических знаний своего времени, проникновения в глубинные предпосылки последних и внутреннюю связь их между собой. Достижением автора, самостоятельным или почерпнутым из литературы, было уже то, что он осознал их влияние на весь строй жизни российского общества.

Как уже отмечалось, сочинение З.Орфелина не было лишено художественности. Хотя восприятие книги в силу ее научного характера в рамках стилистического художественного направления вызывает определенные сомнения, она безусловно отмечена барочными чертами. З.Орфелин с особым вкусом изображал торжественно-парадные картины — триумфальные шествия, царские приемы, церемонии, официальные аудиенции, обеды, скрупулезно описывал батальные сцены, а также жестокие расправы, похоронные процесии. Щедро представлен в книге античный материал в основном в качестве источниковой базы, но также и образно-выразительных средств. Для усиления эмоционального воздействия на читателя Орфелин прибегал к сравнениям, используя для этого исторических лиц древнего мира и античности. Вот как Орфелин описывал вступление Лжедмитрия в Москву: “Торжественный Ростригин въезд ... в царствующий град Москву был самый велелепный. В идолопоклоннические времена было во обыкновении, чтоб в такия и подобныя радостныя случаи приносити в жертву разных скотов в возблагодарение богам. Но Гришка Рострига хотел тогда лучше последовать

законам карthagенских народов, которые не скотов, но людей на жертву отдавали”¹⁰⁷. Тот же прием писатель использовал, изображая бесчинства самозванца в Москве: “Рострига между тем чинил в Москве все то, что ему дурачество его припоминало. В сребролюбии, в роскошестве, в обжирстве, в пиянстве, в безчинных увеселениях и в сквернейшей нечистоте не уступал он нимало ассирийскому царю Сарданапалу, да еще и превосходил”¹⁰⁸. Писатель прибегал к контрастной оппозиции (Петр I — Карл XII, знания — бескультурье), к гиперболизации, например, при описании прибытия русского посла в 1699 г. на фрегате в Константинополь: “Сей фрегат, приближившись к граду, богатым своим украшением и сильною пушечною стрельбою, толь славный вид показывал, что султан Мустафа осердился и приказал было многия барки яничарами вооружити, тако будто бы един сей корабль был целый флот, кои престолу его грозит крайним разорением”¹⁰⁹.

Писателю не была чужда некоторая экзальтированность, которой изобиловала книга, особенно в трагических сценах. Склонилась в слезах царица над телом убитого Дмитрия. Мать Федора Романова, получив сообщение об избрании сына царем, “не могла без слез предложение оных бояр слышати”. У Петра I при известии о смерти Лефорта слезы “из очес его тотчас струями потекли”. И во время похорон царь “непрерывно слезы пролывал”¹¹⁰ и т.д. Это была внешняя характеристика эмоционального состояния лиц, но от нее было недалеко до восприятия мира посредством чувств и его отражения через ощущения и впечатления.

В книге Орфелина русские исторические лица XVII-XVIII вв. выглядели живыми людьми — сложными натурами. Автор дал им меткие и образные характеристики. Он писал о Годунове как о муже “такого проницательного разума и таких хитростей, каковы нуждны бывают к произведению в действо дальновидных замыслов”. А вот Софья — “дама великого разума и высокомерных замыслов”. Орфелин пытался даже ввести элементы психологического правдоподобия. Он передал ужас и замешательство князя Голицына, вызванные замыслами Софьи убить Петра, его поиски пути и способов, чтобы можно было “соединить честолюбие с добродетелию”¹¹¹.

В труде постоянно ощущается присутствие автора — повествовате-

ля. Орфелин подчас прерывал изложение такими фразами: “Но возвратимся к Льжедимитрию, видети что с ним было”; или: “Оставим мы утруженного нашего гхероя (Петра. — И.Л.) в своих новозавоеванных градех несколько отдохнути, а обратимся в Польшу...”¹¹².

Благодаря всем этим приемам серьезный исторический труд был написан Орфелиным как взволнованное повествование о необычной жизни гениального преобразователя России, его победах и поражениях, свершениях и несостоявшихся надеждах, как захватывающая повесть о возвышении великой славянской державы.

В Предисловии к двухтомнику З.Орфелин скромно писал: “...Но притом предъуведомляю, что в сей истории разсуждений моих или вовсе нет, или весьма мало...”¹¹³. Он назвал себя лишь “собирателем” исторического материала. Несомненно, сербский автор с точки зрения фактологии, трактовки событий, а, возможно, и художественных приемов многим был обязан литературе. И тем не менее он внес в это сочинение так много личных раздумий, так мастерски оживил минувшие века России, так щедро одарил его творческой индивидуальностью, что можно вполне обоснованно рассматривать “Житие” как самостоятельное творение созидающего духа сербского автора. Именно поэтому оно стало первой книгой, привлекшей к себе внимание за рубежом и удостоившейся “перевода” на русский язык. К труду З.Орфелина обращался сам А.С.Пушкин во время работы над историей Петровского времени.

Значение труда З.Орфелина в истории сербской культуры состояло также в том, что в нем, хотя и в скрытой форме, была изложена историко-философская концепция развития народа, начертан путь в будущее — через овладение знаниями и преодоление всего дремучего и окостеневшего. Тем самым книга З.Орфелина ввела в новый период истории сербской культуры — период Просвещения.

ГЛАВА IV

СЕРБСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

Жизнь и приключения Досифея Обрадовича

Сербское Просвещение — комплексное общественное явление в истории сербского народа, связанное с переходом к Новому времени и содействовавшее ему. Как система взглядов и развернувшейся в соответствии с ними деятельности оно охватило период с начала 80-х гг. XVIII в., когда в печати выступил Досифей Обрадович, до Первого сербского восстания 1804-1813 гг.

Досифей Обрадович — мыслитель, писатель, педагог — был центральной фигурой сербского Просвещения и одной из наиболее значительных личностей в истории сербской культуры в целом. Сила воздействия его творчества намного пережила писателя и вышла за национальные рамки. Он один из самых крупных и ярких представителей Просвещения на Балканах.

Досифей Обрадович прожил удивительную, насыщенную событиями жизнь. Биография этого человека отразила не только его творческое развитие, но и складывание у сербов Личности нового типа. Димитрие Обрадович, известный в истории под именем Досифея, изложил свою биографию на протяжении полувека, хотя и с некоторой долей художественного вымысла, в сочинении “Жизнь и приключения Димитрие Обрадовича, нареченного в монашестве Досифеем, им самим написанные и изданные” (Лейпциг, ч. I — 1783 г., ч. II — 1788 г.)¹. Это сочинение явилось одним из важнейших в его творчестве.

Досифей Обрадович родился около 1740 г.² в селе Чаково (Темишварский Банат)* в семье скорняка и мелкого торговца. Рано потеряв родителей, он учился ремеслу в Темишваре, а затем постригся в монахи в сремском монастыре Хопово.

* Теперь в составе Румынии.

В монастыре экзальтированный юноша, намереваясь посвятить жизнь душеспасительному служению богу, старался почерпнуть из книг примеры богоугодных подвигов. Так он пристрастился к чтению. Досифей прочитал все, что имелось в изрядной для того времени монастырской библиотеке, в том числе книги Симеона Полоцкого, Иоанкия Галятовского, Стефана Яворского. Сам Обрадович, вспоминая монашескую жизнь и его увлечение церковной литературой, видел пользу от чтения таких книг лишь в приобщении к “старому славянскому языку”³. Однако в монастырских условиях, в которых протекала юность будущего писателя, при том положении, что российские духовные писатели конца XVII — начала XVIII вв. отличались высоким образованием и литературным давлением, именно знакомство с лучшими образцами русско-украинско-белорусской барочной литературы заложило основы его самообразования. Особое значение для духовного становления молодого Обрадовича имело знакомство с Духовным регламентом Петра I.

В круг чтения Досифея в Хопово входила также античная, византийская и западноевропейская литература в русских переводах. Так, в рукописном “Сборнике”, составленном монахом Спиридоном около середины XVIII в. на основе русской и украинской литературы и русских переводов, содержались наряду с богословскими статьями исторические материалы и беллетристика. “Сборник” включал, в частности, переводы басен Эзопа, адаптированные Спиридоном, а также биографию баснописца. Досифей, читавший сборник, впервые из русских источников узнал об античном баснописце⁴.

В монастыре Обрадович познакомился с сочинением Ц.Барония “Деяния церковная и гражданская” в русском варианте 1719 г. По словам Обрадовича, книга произвела на него сильное впечатление. Читая ее, он “усладился в истории”. В нем пробудился интерес к чтению и светских книг. Так в поле зрения молодого Досифея оказался “Феатрон” В.Стратемана. Хоповский игумен доставал ему, где только мог, “гражданские российские исторические книги”⁵. Русские переводы стали для Обрадовича вестниками западной культуры.

Чтение пробудило в молодом человеке жажду знаний, желание учиться. Среди монахов постоянно велись разговоры о России, где в то время царствовала Елизавета, дочь почитаемого сербами Петра I. Были в монастыре и выходцы из России, с которыми, несомненно, общался Досифей. В их числе был вышеупомянутый живописец Василий Романович. Он прибыл в Хопово в 1758 г. и “приобщился у монастырю”. Спустя некоторое время он отправился в Славонию и Хорватию “ради рукodelия своего и писал тамо темпла (иконостасы) по церквах”⁶. Россия привлекала жаждущих образования сербов. “Имся непрестанно в голове и на сердце Киев, Москву и Россию”, вспоминал Обрадович, он, естественно, проникся желанием отправиться для обучения в Россию⁷. На многие годы это стало главной целью его жизни.

В 1760 г. Досифей бежал из Хопово. Как писал он впоследствии, “желание учиться” было главной причиной его ухода из монастыря⁸. Пешком через Славонию и Хорватию он отправился в Загреб, через который в связи с Семилетней войной проходили хорватские полки. Досифей намеревался добраться с каким-либо полковым капелланом до Германии, где было множество сербов-офицеров, находившихся на русской службе, и с их помощью схать в Россию. Однако этот план осуществить не удалось. И Досифей из Загреба, пребывание в котором использовал для изучения латинского языка, вновь пешком пустился в Далмацию, чтобы учительским трудом скопить денег на поездку в Россию⁹.

В юношеские годы Обрадович был захвачен мыслью о России, духовно тянулся к русской и украинской культуре. Однако жизненные обстоятельства не позволили ему получить образование в Киеве или Москве. В те годы важнейшую образовательную функцию выполняла русская, украинская и белорусская литература, составившая фонд его активного чтения. Она стала фактором пробуждения духовных сил Обрадовича.

Досифей остановился в Книнско-поле и провел здесь, по его словам, “три милых года”, учительствуя в приходской школе. Он жил в народной среде, чаще всего был в обществе приходских священников и торговца из Книна С.Степановича¹⁰.

Накопив денег, Досифей отправился было за знаниями на Афонскую гору, где имелось немало православных монастырей и действовала знаменитая школа Евгения Вулгариса, но по пути заболел и остался в Майне, обучая детей за пропитание. Здесь он общался с черногорскими епископами Савой Петровичем Негошем и Василие Петровичем. Досифей постоянно пополнял свои знания. Будучи в Черногории, он познакомился, в частности, с “Ежемесячными сочинениями к пользе и увеселению служащими”, привезенными из России Василие Петровичем. Знакомство Обрадовича с этим изданием обогатило его знания о России, ее истории, современной жизни и культуре, расширило представления о западной литературе, ввело в круг новых общественных проблем.

Из-за болезни Досифей вернулся в Далмацию и поселился в селе Голубиче, близ Боснии. Он учительствовал здесь больше года, но начавшаяся чума побудила его перебраться в Косово. По просьбе дочери местного священника Елены Симич Досифей написал для нее на народном языке “Буквицу”, в которой в азбучном порядке изложил беседы Иоанна Златоуста¹⁰.

После недолгого пребывания в монастыре Драговиче Досифей, ведомый жаждой знаний, отправился на остров Корфу, оттуда на Морею и, наконец, на Афон. Всюду он общался со священниками, моряками, простыми людьми, обучаясь на практике новогреческому языку. Досифей остановился в Хилендаре, оказавшись в обществе не только сербов, но и болгар. Однако за несколько месяцев до приезда Досифея Вулгарис из-за монашеских интриг оставил Хилендар и его школа прекратила существование. Поэтому Обрадович вновь оказался в пути в поисках знаний.

Они привели его в город Смирну в Малой Азии. Здесь он поступил в богословскую греческую школу монаха Еротея Дендрина, образованного человека свободных взглядов. Осуществилась заветная мечта Досифея, он получил основательное классическое образование. Трехлетнее пребывание в Смирне было полезным для него и в том отношении, что здесь он тесно общался с греками.

Слухи о предстоящей русско-турецкой войне вынудили Досифея покинуть смирненскую школу. Прожив год в Албании, где он выучился албанскому языку, Обрадович вновь оказался на острове

Корфу. Пребывание здесь он использовал для изучения латинского языка. Затем он жил в Венеции и, наконец, вернулся в Далмацию.

Досифей устроился в селе Плавно недалеко от Книна. Он жил в маленьком домишке, который не спасал зимой от холода, снега и воды. Обрадович провел здесь почти год, обучая местных детей грамоте, читая проповеди в трех далматинских православных монастырях и занимаясь литературной деятельностью. Он закончил новый вариант “Буквицы” (“Ижицу”).

Из Плавно Обрадович переехал в город Скрадин, где в 1770 г. завершил сочинение “Христоития”. Это был вольный перевод на народный язык сербов со старогреческого языка (оригинал восходил к Эразму Роттердамскому) правил пристойного поведения. Тогда же он написал “Венец по алфавиту”, в котором изложил советы христианско-морализаторского характера. Досифей прожил год в столице Далмации — городе Задаре. Круг его друзей и знакомых расширился. Это были священники, торговцы, офицеры, представители интеллигенции¹².

70-е годы XVIII в. стали переломными в идейном развитии Обрадовича. В 1771 г. он, навсегда покинув Далмацию, переехал в Вену, где провел, по его словам, “шесть полезных и радостных лет”¹³. Это было время реформ Марии Терезии, интенсивного подъема культурной жизни в австрийской столице. Он жил здесь уроками, обучая иностранным языкам торговцев и их детей, по национальности сербов, греков и болгар. Но Обрадович и сам занимался французским, латинским и немецким языками. В Вене Досифей познакомился с А.Димитриевичем Сскерешем, генералом Микашиновичем и другими высокопоставленными сербами.

Чувствуя себя независимым и свободным, Обрадович наслаждался венскими достопримечательностями. “Венский редут, известный в мире, — вспоминал он, — комедия, итальянская опера, музыка, императорская библиотека, все эти веселые и полезные забавы и наслаждения я мог познать и познал, как какой-либо большой господин”¹⁴. Вена расковала духовные силы Досифея и вовлекла в поток светской интеллектуальной жизни. Пребывание в столице позволило ему непосредственно войти в сферу современной ему западноевропейской культуры.

При всей значительности культурного достояния австрийской столицы Обрадович понял, однако, что центры европейской культуры находились в то время за пределами монархии. Поэтому, когда карловицкий митрополит Видак обратился к нему с предложением стать воспитателем его племянников, обещая через год отправить всех троих за его счет учиться в один из германских университетов, а затем и в путешествие по Франции, Англии и Италии, Досифей не колеблясь согласился.

Так Досифей оказался в Модре, тихом словацком городке недалеко от Пожони, в то время центра административно-политической жизни Венгрии. Вместе со своими питомцами он посещал местную гимназию, где слушал “философию Баумайстера”, проникнутую духом рационализма. Круг знакомств Досифея составляли здесь венгерские дворяне и офицеры¹⁵. Пребывание в Словакии оказало серьезное влияние на духовный мир Обрадовича.

В 1777-1778 гг. Досифей в той же должности жил в Сремски-Карловцах. В этих краях была тогда напряженная обстановка, вызванная недовольством церковными реформами Марии Терезии. После двадцатилетнего отсутствия Обрадович посетил родные места в Банате. Жизненные наблюдения, низкое состояние культуры сербов укрепили в нем потребность выступить с пропагандой новых идей. Именно в Сремски-Карловцах Обрадович начал писать свое знаменитое сочинение “Жизнь и приключения...”, в котором изложил взгляды Просвещения¹⁶.

Из Сремски-Карловцев Обрадович с воспитанниками переехал в Пожонь, где молодые люди посещали евангелический лицей. Это было время подъема рационалистического движения в Венгрии. Между тем надежды Обрадовича на то, что митрополит выполнит свое обещание относительно отправки племянников и его в Германию, не оправдались. Зависимое положение от церковного сановника угнетало Досифея. Он характеризовал три года, проведенные на службе у митрополита, как “самые неприятные в жизни”¹⁷.

Расставшись с Видаком, Обрадович много путешествовал. Он намеревался остановиться в Триесте, где была богатая колония сербских торговцев, и заняться частной преподавательской практикой. Здесь он познакомился с местным священником Харалампие Маму-

лой, которому суждено было в дальнейшем благодаря сочинению Обрадовича войти в историю сербской литературы. Однако наметившийся было контракт с триестскими торговцами не состоялся, и Досифей оказался без средств к существованию.

В это время в Триест приехал российский архимандрит Варлаам с намерением отправиться в путешествие по Италии. Он пригласил Обрадовича сопровождать его в поездке и обучать итальянскому языку. Их путешествие началось с Венеции, где они оказались свидетелями знаменитого карнавала. Затем была Болонья, где они посетили все, что “достойно было видения”. В Болонье, Флоренции, Пистое, Луке, Пизе и вообще в Италии Досифей насмотрелся, по его словам, “неказанных и неописуемых красот”¹⁸. Он приобщился к культурным ценностям мирового значения. Путешествие по Италии оставило глубокий след в памяти писателя.

Из Ливорно Обрадович направился морем в Константинополь, рассчитывая поправить здесь свое материальное положение преподаванием языков. Однако из-за вспыхнувшей в турецкой столице чумы он вынужден был остановиться на острове Хиосе, где прожил уроками около года. На острове был богатый монастырь с хранилищем старых греческих рукописных книг. Обрадович не преминул познакомиться с монастырской библиотекой.

Покинув Хиос, Обрадович добрался до Константинополя. Но в городе вновь началась чума, и Досифей спешно бежал из него, теперь уже в Молдову. Он обосновался в Яссах, обучая детей высокопоставленных лиц. Обрадович тесно общался с епископом Джикой, который стал его другом и почитателем.

С торговцами, направлявшимися в Лейпциг, Обрадович через Львов, Польшу и Силезию перебрался в давно желанную Германию. Он поселился в Галле и, расставшись с монашеской одеждой, записался в университет. Здесь, вспоминал Обрадович, он начал “слушать философию, эстетику и естественную теологию у славнейшего в Германии философа, профессора Эберхарда”¹⁹. Это был один из лучших германских университетов, атмосфера которого отличалась наибольшим свободомыслием. Й.А.Эберхард был последователем рационалистической философии Г.В.Лейбница и ее популяризатора и систематизатора Х.Вольфа. Желая издать свое сочинение, Обрадович

пересекал в Лейпциг, где имелась типография с кирилловским шрифтом. Досифей записался в местный университет, где слушал, в частности, лекции по физике у профессора Борна.

В 1783 г. Досифей Обрадович впервые выступил в печати как убежденный сторонник идей Просвещения. Он издал "Письмо Харалампию", в котором наметил программу преобразования сербской культуры, и первую часть сочинения "Жизнь и приключения...".

Еще в Пожони Досифей Обрадович познакомился с Д.Г.Неранджичем (Наранчичем), сербом, полковником русской армии, проявлявшим заинтересованность в положении соплеменников. Теперь Обрадович хотел послать ему свою книгу через торговцев из Белоруссии. Однако те не могли указать его местонахождение. Они сообщили писателю, что брат этого офицера генерал Симеон (Семен) Зорич Неранджич находится в своем имении Шклове в Могилевской губернии. Через этих купцов Обрадович передал для Зорича 4 экземпляра книги. Тот отблагодарил писателя и пригласил приехать в Шклов. Обрадович в свою очередь ответил благодарственным письмом со стихами и посвятил Зоричу свою новую книгу "Советы здравого разума" (1784). "Любовь его к отечеству своих благородных працедителей и к своему родному народу, — писал он в "Советах", — достойна всегдашнего воспоминания и благодарности"²⁰.

Но в Шклов Обрадович тогда не поехал.

Постоянный поиск, желание узнать и увидеть лучшее, что создали человеческие мысль и труд, сложившаяся просветительская позиция Обрадовича были побудительной причиной его многочисленных путешествий. На этот раз, оставив Лейпциг, он отправился во Францию и Англию. Европейские мыслители Просвещения, в частности Дж.Локк и Ж.Ж.Руссо, доказывали необходимость и пользу путешествий для повышения образования и воспитания человека.

Проехав всю Германию, Обрадович прибыл во Франкфурт-на-Майне и через Страсбург, где он осмотрел университет и всемирно известный кафедральный собор, попал во Францию. Досифей пробыл в Париже три недели. Но и "триста лет здесь проживешь, — писал он, — будет что смотреть". С утра до ночи Досифей ходил по городу, на-

слаждаясь его рукотворными красотами. Он посетил все достопримечательные места Парижа и Версаля. Наиболее сильное впечатление произвел на него Лувр, который он назвал одним из семи чудес света. Покидая Францию, Обрадович посетил в Камбре могилу "блаженного и святого архиепископа Фенелона, автора "Телемаха"²¹.

В конце 1784 г. Обрадович приехал в Англию. Его поразил величиной и живостью "красивейший и славнейший в мире город Лондон". Досифей усиленно занимался английским языком, переводя, в частности, с греческого на английский язык басни Эзопа. Обрадович проявил большой интерес к Британскому музею, которому подарил одну из своих книг. Досифей приобрел здесь друзей из торговцев, занимавшихся также писательской деятельностью, и интеллигенции, покорив их своими знаниями, обхождением и обаянием. Но он был охвачен уже "верховнейшим желанием" писать и издавать книги для сербского народа на родном языке. Поэтому по прошествии полугода, когда Обрадович овладел английским языком, он покинул Лондон²². При всей глубине натуры и широте интересов Обрадовича, по-видимому, занимали лишь явления культуры. Во всяком случае в его автобиографическо-мемуарном произведении не получила отражения общественная напряженность на исходе аграрного и промышленного переворотов в Англии и в канун великой революции во Франции.

Путь Обрадовича лежал через Гамбург и Саксонию в Лейпциг. Здесь его ожидало новое письмо от Зорича. Для поездки в Шклов требовались деньги, и Обрадович переехал в Вену, намереваясь уроками скопить нужные средства. По словам писателя, он благополучно жил в столице. Но Зорич обещал основать в Шклове типографию, и "непредодолимое желание еще что-либо издать при жизни все победило..."²³. И Обрадович в конце 1787 г. отправился в Шклов.

Досифей Обрадович прожил в Белоруссии полгода, преподавая в кадетском училище, основанном Зоричем. Здесь он начал писать вторую часть "Жизни и приключений...". Но мысль о родине, желание быть полезным своему народу не покидали его даже среди удобств шкловской жизни. К тому же Зорич был уже весь в долгах и об устройстве типографии не могло быть и речи. В июне 1788 г., распродав привезенные с собой книги (часть из них Зорич взял в

свою библиотеку), Обрадович покинул Шклов. Посетив в Лифляндии одно из имений Зорича, он через Ригу выехал в Лейпциг. Зорич дал ему 400 руб. и лисью шубу. На эти деньги писатель издал в 1788 г. в Лейпциге вторую часть “Жизни и приключений...” и “Басни”, наиболее зрелое и известное свое произведение²⁴.

В 1789 — 1802 гг. местом пребывания Обрадовича вновь была Вена. В это напряженное для всей Европы время в австрийской столице сложился круг высокообразованной сербской интеллигенции, которая жила активной духовной жизнью, выходили первые сербские газеты. В 1789 г. в ходе австро-турецкой войны австрийские войска заняли Белград. Это событие всколыхнуло сербов в монархии. Обрадович откликнулся на него стихотворением “Песня об избавлении Сербии”, в котором воспел победы русского и австрийского оружия над османами.

В 1793 г. Обрадович выпустил в Вене книгу “Собрание разных нравоучительных вещей на пользу и увеселение”. Она включала переводы и компиляции из известных английских, французских, немецких и итальянских изданий.

С 1802 г. Досифей Обрадович поселился в Триесте. Местные сербские торговцы предложили писателю, снискавшему уважение и известность среди сербов, материальное обеспечение в 2000 форинтов в год с тем, чтобы он писал и издавал книги для народа. В 1803 г. он выпустил в Венеции “Этику”. Досифей Обрадович завершил фактически творческую деятельность в 1806 г., подготовив вторую часть “Собрания”. Ее издал в Буде в 1818 г. его ученик и последователь П. Соларич под названием “Мезимац”*. Обрадовичу принадлежали и другие, менее значительные сочинения.

Благодаря своей настойчивости, неустанному труду и неодолимой тяге к знаниям Обрадович достиг европейского уровня образованности. Он прекрасно знал классическую и современную европейскую философию, художественную литературу, историю. Основательность его знаний подкреплялась свободным владением, помимо классических, основными живыми европейскими языками.

* Сербск. — младший, любимый сын.

Педагог и просветитель по призванию, он жил частными уроками, преподавая языки, и литературным трудом. Обрадович материально не был зависим от церкви или государства, и это обеспечивало ему свободу действий и творчества.

Сербский писатель объехал Европу от Гамбурга до Константино-поля и островов в Эгейском море, от Лондона до западных окраин России, жил в Малой Азии. Пребывание в разных странах и городах расширило общественный кругозор Обрадовича, непосредственно познакомило его с порядками, не похожими на те, в которых жили сербы, с бытом, нравами и духовной культурой других народов.

Период с начала 80-х годов XVIII в. до середины первого десятилетия XIX в. был временем плодотворной писательской и педагогической деятельности Досифея Обрадовича.

Начало в 1804 г. в Сербии народного восстания круто повернуло судьбу писателя. Он приветствовал освободительное восстание стихотворением “Песня о восстании сербов” (Венеция, 1804 г.). В нем рефреном звучали слова:

“Восстань Сербия!
Давно ты спиши,
Во мраке лежиши.
Теперь пробудись,
И сербов оживи!”²⁵

В 1804 г. он участвовал в организации материальной помощи восставшим. 5 (17) июня Обрадович писал Соларичу в Венецию, что в Триесте шел сбор средств и он сам дал половину своих сбережений — 400 форинтов. Сербский патриот отмечал, что “такого подходящего случая показать истинную любовь ко всему сербскому роду и имени... мы никогда не имели”. Он просил Соларича обратиться от его, Обрадовича, имени к сербским торговцам с призывом дать в заем денег повстанцам, “которые сейчас благополучно воюют за род и отчество”²⁶.

В письме от 18 (30) июня 1805 г. своему племяннику Обрадович отчетливо выразил мысль о переезде в Сербию: “Если бы бог дал какое-либо хорошее изменение дел в Сербии, как нас обнадеживают газеты, я охотно перешел бы на землю прародителей”²⁷. В письме повстанцам от 10 (22) августа 1805 г., которое было составлено доверительным лицом митрополита Стратимировича, в свою очередь сообщалось о наме-

рении Обрадовича отправиться в Сербию, если там установится мир, для устройства типографии. Об этом стало известно в Сремски-Карловцах. Главной чертой идейного облика Досифея Обрадовича и его деятельности была любовь к "сербскому роду". Стремление быть полезным своему народу, желание видеть его просвещенным и процветающим руководили творчеством писателя-просветителя. Побудительным мотивом пересезда Обрадовича в Сербию были практические нужды просветительской деятельности²⁸.

С 1806 г., когда Досифей Обрадович, покинув Триест, находился в Среме в ожидании разрешения австрийских властей на выезд в Сербию, началась его политическая деятельность. В сентябре 1806 г. он нелегально посетил Сербию, где встречался с вождем восстания Карагоргием и воеводами. Это было накануне сербо-турецких переговоров о мире. В конце года, когда началась русско-турецкая война, Обрадович ездил по поручению Правительствующего совета, одного из центральных органов восстания, с ответственной миссией в Бухарест, в главную квартиру русских войск, где вел переговоры с главнокомандующим Молдавской армией генералом И.И.Михельсоном о помощи сербам. Русское правительство высоко оценило деятельность Обрадовича на благо "соотчичей своих славяно-сербов", наградив его в начале 1807 г. золотым крестом²⁹.

В августе 1807 г. Досифей Обрадович, уже пожилой и больной человек, переехал в Белград. По словам Е.Кристича, перевезшего писателя с его библиотекой из Земуна в Белград, Обрадович сказал, вступив на землю Сербии: "Теперь я заново помолодел, братья, теперь уже ни о чем не мечтаю, дождался всего и прочего"³⁰. Переезд в Сербию, явившийся следствием всей предшествовавшей деятельности писателя, направленной на благо своего народа, был актом высокого духа и большого мужества Обрадовича. Человек европейского уровня образованности, духовно сложившийся в интеллектуальной и художественной атмосфере Вены, Лейпцига, Парижа и Лондона, переехал в страну, охваченную войной, практически неграмотную, с преобладавшим влиянием сельской патриархальной культуры и жестокими нравами востока.

Под влиянием неудержимой энергии народа Обрадович стал активным участником освободительной борьбы. Он был одним из бли-

жайших советников Карагеоргия, занимаясь больше всего внешней политикой восстания. Вождь повстанцев испытывал к нему исключительное доверие. В сложной обстановке, когда в руководстве восстанием шла борьба за внешнеполитическую ориентацию Сербии, когда часть воевод по разным причинам пыталась искать поддержки у Австрии, которая в действительности боялась развития сербского освободительного движения ввиду угнетения ею части сербов, Обрадович был убежден в пагубности для Сербии ориентации на габсбургскую монархию и твердо отстаивал союз повстанцев с Россией.

В 1810 г. Обрадович стал членом Правительствующего совета, но и до этого он принимал участие в решении самых существенных вопросов восстания как авторитетное лицо, с мнением которого весьма считались³¹. Он помогал организации народного образования, был первым попечителем просвещения в Сербии. Обрадович воспитывал сына Карагеоргия Алексу.

До 1810 г., когда он вошел в Правительствующий совет, Обрадович не получал никакого содержания. Он жил на свои скромные сбережения и чужой помощью. 30 января (11 февраля) 1810 г. он писал Й. Димичу: "... Платы здесь никакой не имею, кроме пропитания. С тех пор, как я перешел сюда, ни один экземпляр "Географии"^{*} не продан, о книгах здесь не заботятся.... И я сам скромно живу — не жалуюсь, но говорю то, что есть..."³². Лишь бескорыстное стремление служить своему народу, вера в освобождение и преобразование Сербии удерживали Обрадовича в Белграде.

За небольшие деньги Обрадович купил старый заброшенный дом, однако не для проживания, а для устройства типографии, о чем мечтал все последние годы жизни. Но военные действия, нестабильность внутреннего положения в Сербии, трудности сбыта и распространения книг ввиду неграмотности населения — все это помешало Обрадовичу открыть типографию. Вместо нее он основал в 1810 г. богословское училище для подготовки священников.

---

* Имелась в виду книга П. Соларича "Ново Гражданско землеописание" (Венеция, 1804).

Австрийские официальные круги внимательно следили за Обрадовичем. Они были оповещены о его прорусской позиции. 30 мая 1808 г. австрийский консул в Бухаресте Й.Брэннер на основании доносений своего конфидента в Белграде Я.Брески писал министру Стадиону, отмечая большой вес Обрадовича в Белграде: “Ненависть, которую он питает к Австрии, не имеет границ. Он стремится внушить ее также не только сербским старейшинам, но и их детям (как глава школьного дела), и всей нации”³³. 5 июня 1808 г. Брэннер по сообщению того же Брески доносил Стадиону, что Обрадович, пользующийся большим уважением у сербов, внушал им мысль, что провинции, лежащие в Австрийской империи против Сербии, особенно Банат, где он родился, были когда-то сербскими землями, и тем самым якобы побуждал к овладению ими. Учитывая влияние Обрадовича на повстанцев, командующий Славонско-Сремской Военной Границей Симбшен предлагал эрцгерцогу Карлу в числе мер, которые следовало предпринять против Сербии, объявить Обрадовича “вне закона”³⁴.

Деятельность Обрадовича завершилась его участием как члена Совета в составе сербской депутации в переговорах с Н.М.Каменским, новым главнокомандующим Молдавской армией, в конце 1810 г. По возвращении из Бухареста Обрадович 28 марта 1811 г. умер в Белграде, не дождавшись освобождения Сербии.

Досифей Обрадович поставил на службу восстанию весь свой жизненный опыт и знания, что имело немаловажное значение ввиду отсутствия в руководстве восстанием образованных людей. Обрадович закладывал основы новой культуры в повстанческой стране. Он был одним из ответственных лиц с сербской стороны, благодаря которым формировался и поддерживался русско-сербский военный и политическим союз.

Жизненный путь Досифея Обрадовича от монаха, затем сельского учителя до главы национального Просвещения и видного деятеля сербской национально-освободительной революции был путем его идейного и нравственного возвышения. Побудительной силой этого восхождения был патриотизм и демократизм сербского мыслителя, писателя, педагога. “Род мой люблю всем сердцем и ду-

шой", — писал он³⁵. Жизнь Досифея Обрадовича отразила идейно-нравственную высоту сербского Просвещения.

О б щ е с т в е н н о - п о л и т и ч е с к а я м ы с л ь

С именем Досифея Обрадовича был связан подлинный перелом в сербском общественном сознании. В последних десятилетиях XVIII в. ряд деятелей сербской культуры, испытав его идейное влияние, были носителями нового мышления.

Сторонником передовых идей был Йован Мушкатирович (1743 — 1809), один из образованнейших и ярких сербов своего времени. Он закончил Пожонский лицей, слушал право в Пештском университете, первый среди сербов получил звание адвоката. Связанный по роду деятельности со многими местами и разными слоями населения, он активно участвовал в сербской общественной жизни. Находясь в Пеште, Мушкатирович внимательно следил за развитием событий в монархии. Именно он выступил инициатором политической активизации сербов с целью утверждения своего положения в габсбургском государстве в момент смерти Иосифа II³⁶. Результатом развития политической деятельности в этом направлении явился созыв Темишварского сабора. Мушкатирович отличался широкими литературными интересами, был собирателем и первым издателем сербского фольклора.

В числе самых крупных деятелей сербского Просвещения был Эмануил Янкович (ок.1758-1791). Он закончил школу в Нови-Саде, изучал медицину в Галле. Не завершив университетского образования, Янкович вступил в 1789 г. в Праге в качестве компаньона в типографское и книготорговое сообщество. В 1790 г. он тщетно пытался наладить в Нови-Саде печатание книг на сербском языке, более успешной была его книготорговая деятельность. Эм.Янкович был творческой личностью. В круг его интересов входили медицина, физика, философия, логика, история, литература, театр, изобразительное искусство, музыка. Он был лучшим сербским переводчиком XVIII в., писал популярные работы на естественно-научные и философские темы. Эм.Янкович являлся членом Научного общества в Галле³⁷.

Единомышленником Обрадовича выступал Атанасиј Стойкович (1773 — 1832), ученый-физик, один из лучших поэтов сербского классицизма, видный прозаик. Он закончил знаменитый Геттингенский университет, был членом Общества естествоиспытателей в Иене и Чешского ученого общества. Стойкович поддерживал связи со многими видными учеными своего времени, в том числе с “патриархом” славистики, чешским ученым Й. Добровским, историком Шлётцером и др. В 1803 г. он был избран профессором физики Харьковского университета и переехал в Россию. Но он сохранял связи с родиной.³⁸

Ближайшим соратником Досифея Обрадовича был Павле Соларич (1779 — 1821), переводчик, популяризатор естественно-научных знаний. Они встретились в 1803 г. в Триесте и, хотя Соларич постоянно жил в Венеции, поддерживали между собой постоянные контакты. Обрадович вместе с триестскими торговцами братьями Теодоровичами финансировали издание книги Соларича “Ново гражданско землеописание” (Венеция, 1804). Соларич питал к Обрадовичу чувства глубокого уважения и признательности. Сразу же после смерти Досифея он начал в Триесте собирать рукописи и письма сербского писателя. С этой целью Соларич ездил также в Земун и Нови-Сад. В 1814 г. он напечатал в сербской газете, издававшейся в Вене Давидовичем-Фруничем, призыв к соотечественникам собирать и издать рукописное наследие Обрадовича. Сам он, как уже отмечалось, выпустил “Мезимац”.³⁹

Новое мировоззрение, основывавшееся на критической философии, получило выражение прежде всего в творчестве Досифея Обрадовича. Именно он, осознав назревшие задачи общественного развития, идеологически оформил их в виде новых философских, теоретико-политических и культурологических принципов и концепций. Он прошел сложный путь идейного развития, от монашеского аскетизма до философии Просвещения, все глубже проникаясь надеждами, чаяниями и интересами народа. Взгляды Обрадовича, обусловленные жизнью сербов, вобрали в себя достижения сербской общественной мысли и идеи европейского Просвещения, переработанные и приспособленные к сербской действительности.⁴⁰

Социальная сущность мировоззрения Досифея Обрадовича отчетливо проявилась в вопросе о собственности. “Три вещи каждому

человеку столь дороги, — писал он, — что никто не имеет никакого права их касаться, — это личность, собственность и честь”⁴¹. Неприкосновенность собственности была для сербского мыслителя одним из важнейших жизненных принципов. Он высказывал точку зрения на возможность обретения состояния посредством честного труда, рассматривая такие доходы как “божье благословение”. Однако часть их должна была обращаться на благо общества⁴².

Писатель порицал роскошь и расточительство. Обрадович признавал важную роль ремесленно-торгового слоя в жизни общества. Отдавая должное земледелию и военному делу, он писал: “Но науки, ремесла, судоходство и купечество доводят народное благополучие до зрелости и совершенства”⁴³. Идейная позиция Обрадовича была проникнута свободным предпринимательским духом. Немаловажное значение имели в данном случае реальные связи Обрадовича с торговыми кругами. Среди его друзей и почитателей было немало сербских торговцев, он обучал иностранным языкам их детей, торговцы играли немаловажную роль в распространении книг писателя, выступали покровителями его литературной деятельности. Однако характеристика социального содержания мировоззрения Обрадовича была бы неполной, если связывать его корни только с незрелой буржуазией и не учитывать отношение мыслителя к крестьянству.

Обрадович сознательно связывал свою жизнь с крестьянством и свои дела — с нуждами и запросами простого народа. “Я долгое время жил среди крестьян, да и мои прародители со стороны отца и матери были крестьянами, — писал он, — поэтому они для меня родные, милые и дорогие, и я стремлюсь, насколько могу, быть им полезным”⁴⁴. В этих словах проявился демократизм сербского просветителя, его гордость принадлежностью к простому народу и горячее участие в его судьбах.

С крестьянством был связан нравственный идеал писателя. “Уныние и скука, муки честолюбия и гордыни — это все господские болезни, а крестьянам совсем не свойственные, — заявлял он. — В данном случае речь идет не о рабах, которые под хлыстом насильно работают на других, но о тех, кто возделывает свою ниву и окапывает свой виноград, кто привык к добровольному труду и выглядит

при этом веселее, нежели в праздности”⁴⁵. В представленном Обрадовичем облике свободного и трудолюбивого крестьянина проступают черты социального идеала мыслителя. Этот идеал был противоречивым и расплывчатым, но симпатии Обрадовича были на стороне крестьян.

Горячим участием к судьбам крестьян проникнуты слова Досифея Обрадовича: “Правильно ли, что тысячи беззлобных семей изнемогают, чтобы только лучше можно было напихивать в сто праздных и неблагодарных животов? Но того требуют обычай и мода! Большие господа должны великолепно жить, а это невозможно без транжирства, но откуда брались бы средства, если бы у подданных не выжимали мозг из костей?”⁴⁶. В эти сильные слова Обрадович вложил всю боль за угнетенное положение крестьянства. На протяжении всей жизни своими помыслами и делами он был обращен к пахарям и пастухам.

В научной литературе распространено мнение об Обрадовиче как об идейном выразителе сербской буржуазии⁴⁷. Мировоззрение Обрадовича по своей социальной сущности отражало раннюю стадию развития общества Нового времени, когда противоречия внутри него не выступали еще с достаточной ясностью и когда довлела общая потребность в устраниении позднесредневековых форм жизни. В идеях Обрадовича, глубинными нитями связанного с народом, нашли отражение как устремления торгово-предпринимательской среды, так и настроения крестьянства, протест которого против угнетения питал демократизм убеждений писателя. Корни его взглядов имели широкую социальную основу. Обрадович выступал идейным представителем сербских общественных сил, стремившихся к социальной, национальной и духовной свободе.

Сочинения Обрадовича, выдержаные в духе Просвещения, были подчинены общественным целям. В них был поднят широкий круг проблем — философских, этических, эстетических, общественно-политических, социальных. Рушились вековые представления о мире, и Обрадович противопоставил им целостную систему новых идей и ценностей.

В области философии Досифей Обрадович не был оригинальным мыслителем. Его эклектичное мировоззрение опиралось на прогрес-

сивные концепции европейского Просвещения. Он заимствовал философские идеи у Р.Декарта и Г.В.Лейбница, в основном через философию К. Вольфа и И.А.Эберхарда, у Дж.Локка, А. Шефтсбери и других мыслителей⁴⁸. Писатель-философ усвоил и широко пропагандировал прогрессивную для своего времени рационалистическую теорию “естественного здравого разума” как основы бытия, развития человеческой истории и жизни. В предисловии к книге “Жизнь и приключения...” Обрадович заявил: “Я буду только стараться ничего не писать такого, что противоречило бы моей совести и правилам здравого разума”. Одно из его главных сочинений так и называлось: “Советы здравого разума”⁴⁹. Рационализм явился основополагающей доктриной мировоззрения и творчества сербского писателя, однако он был осложнен признанием чувственного опыта, доставляющего материал для ума⁵⁰.

Рационалистическая концепция с ее культом “здравого смысла”, глубокой верой в безграничную мощь человеческого разума, провозглашением свободы мысли, отрицанием сверхестественных сил отражала освобождение общественной мысли от оков теологии. Рационализм, выступая одной из наиболее существенных черт философии Просвещения, был призван обосновать реальную борьбу подымавшихся общественных сил против существующих порядков и освящавшей их церкви как институтов, противоречивших “здравому смыслу”. В сербских условиях эта задача дополнялась необходимостью противостояния народа и национальному угнетению.

Рационалистический подход к природе и обществу, сознание развития мира по собственным законам сочетались у Обрадовича с признанием бога как его создателя. Доказательство божьего творения мира сербский мыслитель видел в его целесообразности, упорядоченности и гармонии. В трактовке Обрадовича природа — “живая и действительная” книга доброты и мудрости бога⁵¹. Это была дейстивистская философская концепция, которая означала отход от всепоглощающей теологической позиции и была шагом вперед в развитии философской мысли у сербов. Дейстивистское мировоззрение заключало в себе разделение сфер между разумом и верой, наукой и религией и освобождало сербское общественное сознание от церковных интересов. Дейстивистская философия на мировоззренчес-

ском уровне отражала противоречия сербской реальности — религиозность сербов с заложенными в православии нравственными ценностями и назревшую потребность общества в познании жизни и определении назревших социальных задач, заинтересованность сербов в консолидации сил перед лицом угнетения и тяготение складывавшегося гражданского общества диктатом клира, важность многих общественных функций православной церкви и торможение сю формирования внутрисербских связей на новых основах. Сложными и разноликими были жизненные условия, мир и устои сербов. Деизм не содержал готовых решений, но он давал новые мировоззренческие ориентиры и открывал возможность познания, развития науки, движения свободной мысли.

Важной стороной мировоззрения Обрадовича была убежденность в поступательном и непрерывном развитии человечества, вера в прогресс. Эта излюбленная идея Просвещения была направлена против представлений о вечности и непреложности средневекового мира. Мировоззрение сербского писателя было обращено к будущему. В основе прогресса он видел развитие и совершенствование разума. В предисловии к первой части "Жизни и приключений..." Обрадович убеждал сербов: "Нужно только решиться и начать мыслить так, как будут мыслить люди через сто лет после нас, если не хотим остаться навсегда в первобытной неразвитости и детстве. Если бы европейцы не решались совершенствовать свои мысли и просвещать образованием ум, они до настоящего времени прозябали бы в первобытной глупости и варварстве и были бы подобны бедным африканским народам"⁵². Глубокая вера Досифея Обрадовича в разум и тем самым в способность человека преобразовать жизнь была выражением исторического оптимизма.

"...Пора уже, — писал Обрадович в 1783 г., — сй богу, пора начать свободнее и разумнее мыслить!"⁵³. Требование свободы мысли выражало самым последовательным и решительным образом интересы освобождения общества от давящего наследия средневековья.

Сербский мыслитель был убежден в необходимости постоянного движения вперед, освобождения общества от устаревших представлений, обветшалых институтов и рутины. "Только простота и глупость, — за-

являл он, — довольствуются всегда стариной”⁵⁴. Мысль, согласно которой сами люди могут и должны обеспечить себе лучшее будущее, служила пробуждению в человеке понимания своего призыва и мобилизации прогрессивных сил на решение назревших задач.

Общей чертой у Обрадовича и у европейских представителей Просвещения была теория “естественного права”. Сербский мыслитель писал о “естественному законе”, “более старом, мудром и совершенном”, чем гражданский. Закон природы, по словам Обрадовича, гласил: “Все и каждый ценится во столько, сколько действительно и стоит, ни меньше, ни больше”⁵⁵. Так утверждался принцип равенства людей от природы.

В XVIII в. “естественно-правовая теория” в Западной Европе была важным идеологическим оружием восходящей буржуазии в борьбе против старого мира с его бесправием и угнетением личности, привилегированными сословиями, преимущества которых теоретически воплощались в “историческом праве”. В сербских условиях эта теория была направлена как против социальных привилегий, так и национальной приниженности, отражая общественное стремление к свободе.

Критическая философия получила наиболее полное и последовательное выражение в позиции Обрадовича по церковно-религиозному вопросу. Внимание к нему было свойственно деятелям Просвещения.

Еще в XVI в. Западную Европу потрясли мощные реформационные движения, направленные против существовавшей религии и церкви как олицетворения средневековья. В эпоху Просвещения его идеологи под влиянием формирования целостной европейской цивилизации на основе рыночных связей подвергли более глубокому пересмотру церковные авторитеты и порядки.

В отличие от Запада у сербов суждения о церкви развернулись лишь в XVIII в. в результате включения их в европейское развитие. В сербских условиях церковно-религиозный вопрос имел особые отличия в связи с противоречивостью положения православной церкви и духовенства в Австрийской монархии и на Балканах, воздействием религии на этническое сознание сербов и их конфессиональным угнетением. Эти обстоятельства осложняли борьбу против всеобъемлющего господства православной церкви в обществе.

Позицию Обрадовича в церковно-религиозном вопросе определяли разные факторы: с одной стороны, потребность поднимавшихся общественных сил в свободном развитии и устраниении мирской и духовной опеки со стороны церкви, с другой — сила традиции в сербском общественном сознании и сохранение церковью важных функций.

Отношение к существующей религии и православной церкви Досифея Обрадовича и его идейных последователей вытекало из принципиальной установки Просвещения на подъем интеллектуального и нравственного потенциала сербов как необходимой предпосылки вхождения в “царство разума”. Большое влияние на формирование критических взглядов Обрадовича в церковном вопросе оказали преобразовательная деятельность Петра I и реформаторская направленность Духовного регламента 1721 г. Не случайно сербский писатель, убеждая соплеменников в бесполезности монастырей, призывал “дух Петра Великого”⁵⁶. Обрадович “вырос” из Духовного регламента, но не остановился на уровне его идей. Со временем положения Регламента обогатились в его сознании сведениями и постулатами, почерпнутыми из западноевропейской философской и прочей литературы. Исходя из условий жизни сербов конца XVIII в., он значительно расширил спектр актуальных общественных вопросов и дал их трактовку в соответствии с собственным идейным развитием в духе Просвещения.

Позиция сербского мыслителя в церковном вопросе была связана также с новым пониманием человека и его места в жизни. Необходимость воспитания свободной личности побуждала выступать против существующей церкви как оплота духовного традиционализма, институции, консервирующей стереотипы мышления.

Преобразовательные планы Обрадовича в области культуры, которой отводилась главная роль в достижении гуманистической цели, предусматривали выдвижение светской культуры в качестве ведущего направления культурного развития сербов. Это в свою очередь неизбежно предполагало ограничение сферы действия и реформирование православной церкви.

Впервые критическое отношение к православной церкви и религии Досифей Обрадович высказал в 1783 г. в книге “Жизнь и приключения...” По его словам, он хотел освободить “чистое

евангельское учение” от искажения людьми, отделить “истинную веру” от суеверия⁵⁷. Сербский мыслитель пытался сочетать религию со “здравым смыслом”. Он выступал за обновленную религию, рассматривая ее как нравственную основу человека и общества. Писатель хотел видеть вероучение более близким и понятным простым людям, подчеркивая внутренний смысл религии и лишь символическое значение обрядов.

В творчестве Обрадовича вопрос о реформе православной церкви занял едва ли не главное место. Прежде всего писатель выразил не-примиримое отношение к монастырям. По его словам, издавая первую часть “Жизни и приключений...”, он преследовал двоякую цель: “показать, во-первых, бесполезность монастырей в обществе, а, во-вторых, — настоятельную необходимость просвещения...”⁵⁸. Жизненные впечатления, почерпнутые Досифеем в бытность пребывания в Хопово, где монахи радовались “живой рыбе и старому вину”, в Хилендаре и других местах, стали основой, на которой сложилась наступательная, обличительная позиция писателя.

Обрадович отрицал монашество как олицетворение средневековья. Для сербского мыслителя оно являло собой образец распущенности и религиозного фанатизма. Обрадович утверждал, что монахи намеренно держат простой народ в невежестве, “так как знают, что иначе они пропали бы”⁵⁹. Особое негодование вызывала у Досифея распространенная практика монахов собирать милостыню. Подобно Прокоповичу, утверждавшему в Регламенте, что погодяния ложатся бременем на плечи бедных людей⁶⁰, Обрадович писал, что от попрошайничества монахов больше всего страдает беднота. “Стыд и срам сербскому имени!” — заявлял писатель в связи с монашескими поборами⁶¹. В XVIII в. монашеские вымогательства были настоящим бичом для сербского населения. Поэтому речь писателя о паразитизме монахов встречала отклик в душах простых людей. Выступая против монашества всех религий, Обрадович объявлял этот средневековый институт противным “здравому разуму” и “общей пользе”⁶².

Сербский просветитель был принципиальным сторонником ликвидации монастырей. Но в первой части “Жизни и приключений...”, учитывая консерватизм общественного сознания, писатель,

хотя и отмечал целесообразность заселения монастырских земель и превращения монастырей в школы, училища, госпитали и сиротские дома, высказывался за осторожность и постепенность реформ. На первых порах, по его мнению, следовало ограничить численность монахов и приобщить их к наукам и ремеслам. В "Баснях" Обрадович прямо и определенно писал о необходимости ликвидации монастырей и обращения их имущества на благо народа⁶³.

Сербский писатель высмеивал "Жития святых", протестовал против идеи божественного установления духовенства. Он осуждал "святых отцов", церковных пастырей, разоблачал невежество, жадность, своеолие и лицемерие высшего клира⁶⁴. Критические высказывания в адрес церковных верхов он обращал по большей части к давним временам, что объяснялось вынужденной осторожностью писателя, но звучали они злободневно. Зато со всей страстью он клеймил монашество и высших духовных сановников на Балканах: "Епископы! Духовные отцы! Пастыри христова стада! Постящиеся и богомольные монахи — все они жестокие и суровые волки-кровопийцы, которые под покровом религии сосут человеческую кровь там, где господствуют варварство и пытки"⁶⁵. Духовная власть на Балканах высшего греческого духовенства усугубляла критическую позицию Обрадовича. В то же время она позволяла ему свободно выступать против церкви.

Писатель осуждал церковные церемонии, поклонение мощам и иконам, чрезмерные посты и праздники⁶⁶. Он был противником формализма и театральности обрядовой стороны православия, отстаивая истинное благочестие в его нравственном выражении.

Большое место в просвещенческой пропаганде Обрадовича занимала борьба против суеверия, предрассудков и боязливого смирения. Он объявил войну мракобесию и мрачным традициям, противным, по его словам, евангелию, "здравому разуму" и "общей пользе". Освобождение разума от них, в его представлении, было необходимо для правильного понимания мира и искоренения общественных недостатков. "... Из незнания и неразумения, — утверждал он, — происходят по большей части наши беды"⁶⁷. С верованиями простого народа боролась со своей стороны и церковь. Но если для Обрадовича освобождение сознания от предрассудков

было важно как предпосылка воспитания общества на “разумных” началах, то клир стремился к искоренению “ереси” для упрочения ортодоксального православия и авторитета церкви.

Вслед за Обрадовичем с критикой церковных обычаев в печати выступил Й.Мушкатирович. В книге “Краткое размышление о празднице” (Вена, 1786) он высказался против чрезмерного числа православных праздников, исходя из экономических интересов: крестьяне и ремесленники не работали в праздники, а это было убыточно для их хозяйства⁶⁸. Книга была с одобрением встречена Обрадовичем.

В 1792 г. М.Максимович, чиновник Иллирской придворной канцелярии, подверг осмеянию православное монашество и церковную знать в небольшой книге, написанной на хорошем народном языке вдохновенно и остроумно, “Малый букварь для взрослых детей” (Вена). Образцом для нее послужило однотипное немецкое издание⁶⁹.

Обрадович и писатели его круга не выступали против церкви как социального института, но критиковали отдельные явления церковной жизни. Более того, Обрадович видел в лице образованных священников “мудрых советчиков, учителей и наставников общества”⁷⁰. И среди его личных друзей было немало лиц духовного сана. Обрадович отрицал средневековый характер религиозности и церкви, предполагавший жесткую регламентацию церковными канонами реальной жизни, мысли и чувств человека. При этом, учитывая степень разложения церковных верхов, о котором так беспощадно писал Орфелин, невежество приходских священников, писатель понимал сдержанность своей позиции и объяснял ее как уступку консерватизму читателей. В “Советах здравого разума”, говоря о суде “ученых, просвещенных и правдолюбивых людей”, современников и потомков, он признавался: “Если меня в чем-либо и упрекнут, так только в том, что я недостаточно высказался против тех вещей, о которых говорю; но меня простят, когда примут во внимание, что при обстоятельствах, в которых ныне пребывают те, кого я желал бы иметь своими читателями, и этого достаточно”⁷¹.

Деятели сербского Просвещения воспринимали православную церковь в контексте глобальной концепции воспитания общества. Отсюда в самой церкви они выявляли негативные явления, проти-

воречавшие, согласно их терминологии, “здравому смыслу”, и само ее положение мыслили в соответствии с воспитательными задачами. Церковная институция, в понимании деятелей Просвещения, была призвана не подавлять и устрашать человека, а духовно очищать его, не ложиться тяжким бременем на общество, а облегчать жизнь людей, облагораживая их души и сердца, не поражать верующих роскошью атрибутики, но действовать словом, проникая в сокровенные глубины сознания прихожан. Все это означало идеал новой, “дешевой” и приближенной к простому человеку церкви. Подавление личности и общества было несовместимо с притомом свободы — этим центральным постулатом Просвещения. Но сама категория свободы не имела еще в сербской общественной мысли того времени конкретного социального или политического содержания. Она воспринималась скорее как философско-культурная норма, как раскрепощение духовного мира человека. Сербские мыслители противопоставили реальной православной церкви позднесредневекового типа идеал церковной организации, отвечающей потребностям гражданского общества с его неодолимой тягой к всестороннему освобождению. Такой реформированной церкви они отводили важную миссию формирования нравственного климата в обществе.

Досифей Обрадович и его единомышленники выразили новые взгляды на православную церковь в период церковных реформ “просвещенного” абсолютизма в Австрийской монархии. Эти реформы преследовали политические цели: укрепление абсолютизма путем подчинения церкви разных конфессий государственной власти и ограничения ее могущества, а также упрочение господства Габсбургов над подвластными народами.

Смысл и целенаправленность критики Обрадовича принципиально отличались от церковной политики “просвещенного” абсолютизма. Писатель, обличая православную церковь и существующую религию, руководствовался интересами общественного прогресса, устранения препятствий на его пути в виде устаревших институтов и обеспечения беспрепятственности духовного развития сербов. Но субъективно сербские писатели конца XVIII в., проводившие в своих сочинениях идеи йозефинизма (австрийского варианта Просвещения), — Д.Обрадович, Й.Мушкатирович, Э.Янкович,

М.Максимович — одни в большей, другие — в меньшей степени, проявляли ограниченность в отношении церковной политики Иосифа II. Они видели в ней только антиклерикальную сторону и не соznавали угрозы германизации и бюрократического все权力ия. Это было связано с характерным для просветительства иллюзиями в отношении “просвещенной” монархии, способной якобы перестроить жизнь на началах “здравого разума”.

Отвергая фанатизм и конфессиональные гонения, Обрадович выступал сторонником свободы совести. “Все религии основаны на законе естества”, — утверждал он⁷². Такая позиция в отношении христианства противостояла средневековому понятию о религии как критерии общественных и политических отношений. Идея ве-ротерпимости была излюбленным принципом Просвещения, за-ключая в себе отрицание духовного насилия над личностью. Это было как бы реакцией на религиозные войны XVII в.

Мысль о сближении людей между собой независимо от религиозных убеждений, о необходимости искоренения религиозных гоне-ний, вражды и отчуждения проходит через все сочинения Обрадовича. “...Не разделять людей нужно, а соединять их”, — за-являл он⁷³. Идея терпимости, направленная против средневековых норм духовной жизни, соответствовала общественным запросам сербов в расширении взаимодействия с другими народами и отве-чала пробуждавшемуся стремлению к равноправию.

Отражая общее недовольство все权力ием, поборами и диктатом духовенства, деятели сербского Просвещения впервые в сербских условиях открыто выступили против духовной монополии право-славной церкви и ее первенствующего положения в обществе. Из-менение ее места, роли и предназначения, ограничение функций строгого религиозной сферой, демократизация ее внутренней органи-зации были необходимым условием перехода сербов из позднесред-невекового состояния с его отгороженностью от европейских связей в Новое время, формировавшего целостную европейскую цивили-зацию на принципах частной собственности, неприкосновенности прав личности и свободы духа.

Насущная задача создания сербской культуры нового историческо-го типа и подъема культурного уровня сербского народа преломлялась

в сознании Обрадовича через рационалистическую философию с ее культом совершенного человеческого разума. Она приводила к гипертроированному пониманию роли и значения знаний, образования, литературы, книгопечатания как главнейших рычагов обновления мира. Преувеличеннное представление о месте культуры в жизни сербов усиливалось под влиянием стесненных условий национального развития, когда духовная культура приобретала особое значение как сфера проявления индивидуальности народа.

Критикуя настоящее, Досифей Обрадович одновременно намечал пути будущего развития сербов. Он утверждал: "...Истинное и подлинное благополучие рождается и происходит из просвещения ума и добродетели"⁷⁴. В "просвещении умов" мыслитель видел главное средство воспитания общества. Писатель отмечал и национальный аспект преодоления духовной нищеты. Науки и образование, по его словам, доставляли народам "истинную и постоянную национальную славу"⁷⁵. С интеллектуальным и нравственным совершенствованием общества Обрадович связывал национальный подъем сербов. "...Ни один народ не был и не будет славен без науки и добродетели", — заявлял он⁷⁶. Обрадовича волновали две взаимосвязанные проблемы общественного развития — освобождение умов от консервативной силы традиции и распространение знаний в широких слоях населения.

Все мысли Досифея Обрадовича были направлены на то, чтобы сербский народ, освободившись от оков средневековья и освоив достижения мировой культуры, полностью развязал свои духовные силы и встал вровень с другими европейскими народами. В поле его зрения были широкие массы населения, "все сербские сыновья и дочери, от Черногории до Смедерево и до Баната"⁷⁷. Он подходил к вопросу о подъеме культуры сербов с точки зрения демократической и общенациональной. Но рассматривая знания как главный рычаг общественного обновления, сербский мыслитель проявлял утопизм.

Центральное место в системе взглядов Досифея Обрадовича заняла концепция сербской национальной культуры, связанная с новыми задачами эпохи, хотя понятие "культура" он не употреблял. Она заключала в себе теоретическое обоснование духовного персло-

ма и намечала конкретные пути решения насущных вопросов культурного развития.

В поле зрения Обрадовича была прежде всего литература в широком значении этого слова. В "Советах здравого разума" он обращался к своим читателям с вдохновенными словами: "Книги, братья мои, книги, а не колокольный звон! Книги — безмерно дорогой и бесценный небесный дар, гордые дочери просвещенных умов! Они теперь царствуют на земле и на воде и вещают премудрые законы! Они воюют и побеждают! Они поднимают и возвышают славу благополучных народов до самых звезд"⁷⁸. Это был подлинный гимн в честь книги.

Принципиальной стороной культурной программы Обрадовича была ее нацеленность на подъем интеллектуального и нравственного уровня широких масс. Он призывал современников писать "для сербов — крестьян, для которых мы должны много стараться и трудиться, потому что в каждом народе крестьян большинство и сверх большинство"⁷⁹. В этой позиции проявился глубокий демократизм сербского просветителя.

Писатель поставил вопрос о кардинальной реформе литературного языка сербов. Досифей Обрадович был первым деятелем сербской культуры, который теоретически обосновал необходимость и важность отказа в сербской литературе от церковнославянского и русского языков и создания единого литературного языка на народно-разговорной основе. Писатель аргументировал свою позицию принципами рационалистической философии и высоким этическим мерилом общественной пользы: "Язык имеет свою цену в соответствии с пользой, которую он обусловливает. А какой язык может больше приносить пользы, нежели общий язык целого народа?"⁸⁰. Обрадович имел в виду и национальный аспект проблемы, сознавая неразрывную связь между подъемом культуры и национальным прогрессом. "...Пока какой-либо народ не имеет книг на своем родном языке, — заявлял сербский просветитель, — он вынужден пребывать в темноте ума и варварстве и все к худшему преуспевать"⁸¹. Позднее схожие мысли высказывал в печати П. Соларич⁸². Потребность сербов в силу углубления и укрепления их общности в едином литературном языке преломлялась в рационалистическом сознании.

Обрадовича в необходимость перевода сербской литературы на народный язык как условия общественного прогресса сербов. Выступление Досифея Обрадовича в пользу введения народного языка в литературу было крупнейшим событием в культурной и национальной жизни сербов XVIII в.

Программа Досифея Обрадовича, придававшего большое значение воспитанию молодежи, предусматривала развитие светской школы. В книге "Советы здравого разума" он ставил вопрос о том, чтобы за счет "общества" посыпать молодежь учиться, строить школы, притом не только мужские, но и женские, дома для учителей, создавать при школах библиотеки, открывать больницы. Он считал целесообразным использовать для подготовки образованных священников и учителей церковное и монастырское имущество⁸³.

Смысл культурной программы Досифея Обрадовича состоял в освобождении духовной жизни сербского общества от церковной опеки, развитии светской культуры, переходе ее на народный язык и ориентации на широкие слои сербского народа. Его концепция не противостояла необходимости существования и церковной культуры, но с ограниченной сферой действия и преобразованной в духе времени. Эта программа, нацеленная на создание национальной культуры нового исторического типа, имела общедемократическое содержание и национально-освободительные черты.

Начертанные Досифеем Обрадовичем планы преобразования сербской культуры имели целью воспитание нового Человека как основы общества, отвечавшего началам нравственности, справедливости, благородства и доброты. Этическое учение Обрадовича означало резкое изменение в понимании человека, его назначения и смысла жизни. Развитая в сербском Просвещении концепция личности отвечала новым общественным потребностям и социальным задачам.

В центре представлений Обрадовича была идея о земном предназначении человека. Средневековые догмы заставляли человека искать утешения в ином мире и не дорожить жизнью в "юдоли плача". Сербского писателя интересовала реальная личность с ее способностями, насущными интересами и земными нуждами. Отрицая аскетический идеал с его отречением от плоти и подавлением всех человеческих страстей, Обрадович в своих сочинениях призывал

людей к наслаждению жизнью. Он отстаивал право человека на полное удовлетворение земных потребностей. Сербский писатель прославлял любовь мужчины и женщины как “большое и несказанное наслаждение”. Он убеждал читателей в святости брака, видя в нем условие сохранения и продолжения человеческого рода⁸⁴. Этика сербского Просвещения утверждала высокую миссию человека на земле, ценность жизни в ней самой, радость земного бытия.

Средневековый человек был воспитан в смиренении, греховности, кротости, недоверии к собственным силам. Моральная философия Обрадовича содержала реабилитацию человеческой природы. Писатель был убежден в доброте человеческой натуры, в возможности и необходимости счастья для всего человечества. Люди созданы для того, чтобы быть счастливыми, утверждал он, человечество не только может, но и должно стремиться к совершенству⁸⁵. Близких взглядов придерживался П. Соларич⁸⁶. Однако идея всеобщего земного благоденствия носила несколько отвлеченный характер, так как была оторвана от социально-политических отношений в обществе.

В противовес традиционализму, этой существенной черте социального сознания средневекового общества, глава сербского Просвещения настаивал на творческой самостоятельности личности, выдвигал принцип смелого и разумного мышления. Он обращался к своему читателю с горячим призывом: “...Думай, суди, рассуждай и познай!”⁸⁷. Свободомыслие выступало в сочинениях Обрадовича как философско-этическая норма, как предпосылка совершенствования разума.

Главным положением моральной философии Д. Обрадовича был принцип общественной пользы. В этой идее получило отражение понимание отношения личности и общества. Подобно западноевропейским просветителям сербский писатель рассматривал человека как члена общества, который имеет не только права, но и обязанности. Мораль, вытекающая из общественного призыва человека, естественно была направлена к общественному благу.

Впервые принцип “общей пользы” прозвучал в предисловии к “Славено-сербскому магазину” Орфелина. Но в полный голос понимание “истинной добродетели” с точки зрения общественных интересов высказал Обрадович. “Под словом добродетель, — писал он, — подразумевается вся совокупность естественных, мужествен-

ных, великодушных, разумных и добрых дел, посредством которых могут быть достигнуты и обеспечены не только свое собственное, но и всеобщее удовлетворение, мир и польза". Ту же мысль он сформулировал и в своем последнем сочинении: "Никакое добро не может быть добром, если оно никому не нужно и не полезно; и чем больше людей получают от него пользу, тем больше и значительнее добро"⁸⁸. Принцип гражданской активности был составной частью нового кодекса моральных ценностей. Обрадович выдвигал служение обществу как важный критерий нравственных качеств личности.

Принципиальной чертой моральной философии Обрадовича было восприятие труда. В отношениях — человек и общество — сербский мыслитель (так же и Соларич) рассматривал труд как норму жизни. В качестве категории всеобщности она корнями уходила в Библию, где впервые труд был осмыслен как одно из нравственных предназначений человека, но реально была связана с Новым временем.

В "Этику" Обрадович включил главу "Обязанности к отечеству и обществу". В ней были конкретно названы обязанности гражданина. Они состояли в соблюдении законов, подчинении властям, несении налогового бремени, защите отечества, общеполезной деятельности⁸⁹. Эти нравственные требования имели социальный источник в новых общественных отношениях.

Обрадович придавал большое значение пробуждению национального чувства в людях в процессе нравственного обновления общества. Преданность своему народу была характерной чертой личности самого Обрадовича. Этика сербского Просвещения включала и общечеловеческие нравственные нормы, выраженные в библейских десяти заповедях, в качестве основы межчеловеческих отношений.

Концепция Человека в сербском Просвещении была ориентирована на духовно свободную, активную, высоконравственную и интеллектуальную личность. Новый взгляд на человека был необходимым условием на пути освобождения реального человека от закоренелых социально-психологических пут. Эманципация Личности и формирование гражданского общества с равенством прав и возможностей его членов были общей тенденцией Нового времени. Этическая концепция Просвещения в конечном итоге являлась мощной духовной поддержкой сербам в обновлении жизни,

хотя она и заключала в себе преувеличенные надежды на воспитание общества.

Политические взгляды Досифея Обрадовича были недостаточно оформлены. Отправным моментом в их складывании мог быть Духовный регламент, проникнутый идеей абсолютной монархии. Но в конечном итоге они испытали влияние западноевропейских теорий, прежде всего философской концепции немецкого мыслителя Х. Вольфа с доминацией идеи всепоглощающей власти абсолютного монарха.

В теории Обрадович придерживался патриархального взгляда на общество и государство как на большую семью, члены которой имеют не только права, но и гражданские обязанности и которой руководит якобы на отеческих началах монарх⁹⁰.

Неудовлетворенность существующими порядками порождала поиски той силы, которая была бы способна преобразовать общество на разумных началах. “Если когда-либо человеческий род достигнет своего благополучия, — писал Обрадович в “Баснях”, — он должен достигнуть его благодаря правлению и под предводительством образованных и добродетельных государей, а не иначе”⁹¹. Подобно многим деятелям западноевропейского Просвещения, Обрадович верил в способность “просвещенной” монархии избавить человечество от “тиrании, глупости и варварства”⁹². В сербских условиях эта вера подкреплялась надеждами на освобождение сербов с помощью австрийских монархов из-под власти Порты путем войны с ней и на ослабление теократической власти Карловацкой митрополии. Ожидание обновления мира со стороны “просвещенного” абсолютизма, способного в действительности лишь на ликвидацию наиболее устаревших позднесредневековых институтов, отражало умеренность и ограниченность теоретико-политических представлений сербского Просвещения.

В то же время сербский мыслитель был противником деспотического самовластия и безудержной анархии. Пример необузданного своеолия, сопровождавшегося враждой и бесконечными междуусобными конфликтами, он видел в современной ему Албании. “Таково бедное состояние земли без разумного правления, — писал он, — где каждый паша хочет быть царем”⁹³. Обрадович был убежден в необходимости твердых порядков, основанных на законах. По

его определению, законы — это “божественные установления на земле”⁹⁴. Порядок и право — в этом прежде всего нуждалось сербское общество. Принцип основанного на законах правопорядка отрицал сословное неравенство и средневековый произвол.

Политическая позиция Обрадовича получила концентрированное выражение в словах: “Нужны просвещенный государь и твердые законы”⁹⁵. Идея ограниченной монархии, выраженная в самой общей форме, сочеталась еще у Обрадовича с иллюзиями о преобразовательной способности “просвещенного” абсолютизма. В этой позиции отразились стремление сербов в габсбургском государстве к общественным переменам, правда, понимаемым по-разному, но одновременно и слабость, неспособность самостоятельно осуществить их.

Досифей Обрадович нарисовал в своих сочинениях в лице Петра I, а также Екатерины II и Иосифа II идеальный образ просвещенного правителя. С ним должны были соотносить свои человеческие свойства и деятельность реально существующие монархи. “Нужен, следовательно, государь! — утверждал Обрадович. — Но государь — просвещенный, трудолюбивый, праведный, человеколюбивый отец, просветитель и премудрый законодатель своего народа”⁹⁶. Писатель наделял идеальный образ просвещенного монарха сознанием своих обязанностей перед народом, политической мудростью, выражавшейся в проведении политики удовлетворения общественных потребностей, свободой мышления, способностью к преобразовательной деятельности и обновлению жизни на благо народа. Эти черты поднимали образ просвещенного монарха над обычным кругом средневековых государей с их мелкими династическими интересами, закоренелостью мышления, слепой приверженностью обветшальным нравственным нормативам.

Представленный в сочинениях Обрадовича, прежде всего в облике Петра I, идеальный образ монарха нес серьезную идейную нагрузку. Это был новый тип государственного деятеля — обновителя жизни на “разумных” началах и освободителя народа от чужеземного деспотизма, — который противостоял существующим политическим нормам и традициям. Но изображение идеального монарха как ведущей силы социального прогресса, исходившее из абстрактных принципов разума и лишенное реальных исторических основа-

ний, было проявлением утопизма концепции сербского Просвещения в части общественно-политического развития.

Досифей Обрадович, как и большинство представителей Просвещения в Австрийской монархии, поддерживал деятельность Иосифа II, особенно его церковную и восточную политику⁹⁷. Некоторые позитивные черты реформ Иосифа II, обусловленные развитием рыночных отношений, заслоняли от него смысл политического курса монарха на защиту существующего строя и упрочение власти Габсбургов над угнетенными народами. Обрадович до конца жизни разделял иллюзии относительно жизнеспособности "просвещенной" монархии. Во второй части "Собрания" он обращался к "добродетельным" правителям со словами хвалы: "О вы, блаженные владетели и управители, кто глупость и невежество, неправду и злобу со света изгоняет, науки, общеполезные знания и с ними любовь к добродетели среди людей распространяет, — вы истинные благодетели человеческого рода!"⁹⁸. Обрадович остался также верен своим представлениям о личности и исторической роли Иосифа II. В письме С.Гавриловичу из Белграда незадолго до своей смерти он писал: "Если в моих сочинениях было что-либо достойное, все это следует приписать тем счастливым обстоятельствам и той большой единственной душе блаженного Иосифа Второго, который в свое время премного воодушевлял и восплемнял умы и без которого многие вещи никому бы и в голову не пришли"⁹⁹. После Великой Французской революции, показавшей обреченность абсолютизма, переоценка исторических возможностей монархии выглядела особенно несообразной с духом времени.

Важным компонентом идейного и творческого облика Досифея Обрадовича и его последователей было национальное сознание. Уже в "Письме Харалампию" сербский мыслитель поднялся до постановки общенациональных задач. Процесс обретения сербской общностью новых черт породил иное понимание ее существа и истоков. Обрадович выразил его, противопоставив традиционному представлению о религии как разграничительному с внешним миром и внутренне связующему началу в качестве критерия "славяносербской нации" родовой и языковой признаки, ибо "религия и вера могут измениться, а род и язык — никогда"¹⁰⁰. Обрадович писал в

“Этике”: “Весь народ одного рода и языка подобен единому телу”¹⁰¹. Это было утверждением приоритета национального факто-ра над религиозным. Обрадович ввел новое для своего времени понятие “нация”. Идеи национальной общности сербов независимо от государственных границ, противопоставленная церковной кон-цепции сербского единства, имела антиклерикальную и освободи-тельную направленность.

Досифей Обрадович стремился к развитию национального само-сознания в сербском народе. Ему принадлежат крылатые слова: “Пребывает и будет пребывать вовеки в рабстве тот народ, сердце которого не знает, что такое национальная гордость”¹⁰². Сербский мыслитель понял важную роль национального чувства в обществен-ном прогрессе.

Национальным самосознанием было проникнуто творчество Э.Ян-ковича. В 1787 г. в “Прологе” к своему переводу комедии Гольдони “Торговцы” Янкович, мотивируя выбор “материнского”, а не церков-нославянского языка для перевода, писал: “...Я не славянин, а серб, и пишу не для славян, а для сербов”¹⁰³. Он обращался к читателям “на-ционални мои”. Национальное самосознание становилось фактором развития сербской литературы на народном языке.

У сербской общественности параллельно с развитием нацио-нального самосознания в новых условиях и на новом уровне оживи-лось сознание общности славян. Обрадович писал в “Мезимаце”: “Славы, или, лучше сказать, славяне, — это всеобщее имя: под этим именем подразумеваются русские, поляки, богемцы, хорваты, словаки илиtotы в Венгрии, сербы и болгары. Мать всех этих наро-дов есть славянский язык, который в настоящее время в благопо-лучной России доведен до всевысочайшего совершенства, поскольку он там царствует: все научные книги на нем издаются”¹⁰⁴. В дан-ном случае нет надобности останавливаться на специальном вопро-се о том, как Обрадович понимал соотношение языковых систем у славян, тем более, что сербский писатель имел о нем приблизитель-ное представление. Важно другое: он осознавал сербов как часть славянского мира и отдавал первенство в нем России как наиболее продвинувшейся в культурном отношении. Эта особенность разви-тия сербского национального самосознания в широких рамках об-

щеславянского этнического сознания налагала существенный и притом неоднозначный отпечаток на культурную практику сербов.

Взгляды Досифея Обрадовича на положение и национальные судьбы сербов претерпели эволюцию. До Первого сербского восстания, рассчитывая на национальный подъем сербов в Австрийской монархии с помощью “просвещенных” Габсбургов, он ставил вопрос о ликвидации лишь османского гнета. При этом Обрадович ошибочно считал сербским все население, говорившее на штокавском диалекте, что объяснялось как уровнем филологических знаний той поры, так и неясностью разграничительных национальных признаков между сербами и хорватами. Еще в “Письме Харалампию” он призывал Иосифа II обратить свой взор “на бедную Сербию и на Боснию”. В дальнейшем он выражал уверенность, что “Сербия, Босния и Герцеговина избавятся со временем от турок и освободятся”¹⁰⁵. В 1789 г. в “Песне об избавлении Сербии” писатель воспел победы русского и австрийского оружия над османами. Обрадович связывал освобождение сербов, а в действительности югославян, от османского господства с внешнеполитической активностью Австрии и России.

Первое сербское восстание изменило представления Обрадовича о путях национального освобождения и союзниках сербов. В стихотворении “Песня на восстание сербов” он выразил идею национального государства. Он связал его с повстанческой Сербией, которую назвал “наша мать”¹⁰⁶. Путь к возрождению независимой государственности он видел теперь в борьбе самого народа в опоре на Россию.

Русофильская ориентация Обрадовича в годы восстания была подготовлена его идейным развитием, осознанием им исторической роли России в борьбе с османской Турцией и в освобождении подвластных Порте народов. В сочинениях “Советы здравого разума” и “Басни” он приветствовал успешное освобождение Россией территорий от османской власти¹⁰⁷.

Высокая образованность и демократизм помогли Обрадовичу понять смысл политики России на Балканах. Еще в 1788 г. сербский писатель провел различие между интересами царизма и объективно положительным значением результатов русско-турецких войн для балканских народов¹⁰⁸. В те годы Обрадович, питая иллюзии относительно освободительной миссии австрийской “просвещенной” мо-

нархий на Балканах, не проводил различия между политикой Австрии и России. Однако под влиянием действенной позиции российской дипломатии на Балканах, традиционно поддерживавшей угнетенные народы, роста международного влияния и военных побед России, с одной стороны, и векового опыта корыстных маневров Австрии в отношении сербов, ее поражения в войне с Турцией 1788-1790 гг., за которым последовала жестокая расправа османских войск над Сербией, с другой — Обрадович окончательно разочаровался в балканской политике Габсбургов и утвердился в мысли о том, что только Россия является союзником сербов в их борьбе за национальное освобождение.

Его симпатии к России получили выражение и в поэтическом творчестве. Будучи человеком своего времени, Обрадович преувеличивал внешнеполитическую роль императоров и государственных деятелей и персонифицировал Россию в лице Александра I. По случаю наступления Нового 1808 года он написал два стихотворения в честь Александра I и русского дипломата К.К. Родофиникина. Обрадович прославлял их деятельность на благо Сербии. Он призывал Александра I “быть всегда Сербии благим покровителем”. В стихотворении, посвященном Родофиникину, содержалось заверение, что Сербия будет ему “вовек благодарна”¹⁰⁹.

В 1790 г. накануне созыва венгерского Государственного собрания, когда обстановка в Венгрии достигла крайней напряженности, Мушкатирович, находившийся в Пеште, в переписке с митрополитом Путником и в других материалах высказал конкретные предложения по вопросу о статусе сербов. Он считал целесообразным, опираясь идейно на историческое и естественное права, добиваться признания и узаконения Государственным собранием сербских привилегий как предпосылки уравнения в правах сербов с венграми¹¹⁰. Мушкатирович выразил живую заинтересованность в упрочении позиции сербов в монархии, но в конкретных предложениях остался на традиционной платформе.

Досифей Обрадович был первым сербским мыслителем, который обратил общественное внимание на социальную деятельность. Сознание естественного равенства людей не исключало для него социального неравенства. Он не отрицал за “гражданским” законом

целесообразности в том, что тот наделял “сынов отечества” и их семьи “из рода в род” за заслуги перед родиной “благородством”. Но при этом писатель подчеркивал древность, мудрость и совершенство “естественного” закона. Обрадович считал необходимым приобщение “богатых и спахиев” к общеполезной деятельности. Это — строительство школ, развитие образования, совершенствование земледелия, помочь неимущим крестьянам, предупреждение голода в неурожайные годы, военная и гражданская служба, научные занятия¹¹¹.

Но подлинный интерес Досифей Обрадович имел к сербскому крестьянству. Оно занимало просветителя как большая часть сербского общества, то есть с точки зрения национальной, и как слой тружеников, то есть с точки зрения социальной. Как отмечалось выше, сербский мыслитель видел в нем наиболее жизнеспособный и жизнедеятельный слой общества со здоровой нравственностью. Обрадович был полон сознания общественной ценности человека-труженика.

Писатель впервые у сербов поставил вопрос о тяжкой доле крестьян. “Правда! Человечность! Добротель! Когда же вас, наконец, и вельможи познают? — восклицал он. — Когда они будут смотреть на голых и голодных ребятишек трудолюбивого и неутомимого земледельца с таким благородным чувством: их тело, как и мое, у них кровь течет, как и у меня, они имеют разумную душу, подобную моей, и чувствуют, чувствуют и зло, и добро, которое им причиняется. Благородные! Может ли кто быть благородным без благородных и человечества достойных чувств? Воспитание, следовательно, благородным!”¹¹². Обрадович видел необходимость изменить положение в обществе, но он был далек еще от понимания крестьянского вопроса. Искреннее сочувствие крестьянству, выраженное в общей форме, сочеталось у него с абстрактным следованием рационалистической доктрине. Его безграничная вера во всемогущую силу воспитания общества не могла наметить подлинного пути освобождения крестьян. Утопизм социальных взглядов Обрадовича был связан с отсутствием опыта массового крестьянского движения. Только в годы всенародного восстания 1804-1813 гг. крестьянство в Сербии встало на путь низвержения средневековых отношений.

Общественная заслуга Досифея Обрадовича состояла в том, что он положил начало развитию сербской освободительной мысли. Его мировоззрение было ограничено эпохой и кругозором противостоявших средневековью сербских общественных сил, идеяным представителем которых он являлся. Переезд Обрадовича в Сербию и активное включение в ее государственную жизнь означали в его идеином развитии принятие социальной практики восставшего народа, который радикальным образом решал глобальную проблему освобождения от османского гнета.

Досифей Обрадович не был одинок среди сербов в идеином отношении. На исходе XVIII в. в Австрийской монархии сложилась плеяды наиболее образованных представителей сербской интеллигенции, разделявших принципы Просвещения. Распространение в обществе передовых идей века было важным фактором подъема сербской культуры на уровень времени.

Художественные направления

Во второй половине XVIII в. ведущее место в художественной культуре сербов по своим функциям и воздействию на общество заняла литература.

Досифей Обрадович впервые осмыслил ее новые задачи, общественное значение и эстетическую природу. Писатель видел смысл литературной деятельности в том, чтобы приносить "пользу" народу, а также доставлять и "увеселение" читателям. "Мое намерение — исправление нравов и обычаяев", — заявлял он в предисловии к "Жизни и приключениям..."¹¹³. Это был совершенно новый подход к литературному творчеству как к важной и значительной общественной деятельности. Вместе с тем писатель понял способность художественной литературы воздействовать на чувства читателей и отдал должное ее эстетической функции.

Обрадович возлагал на литературу прежде всего задачу интеллектуального и нравственного совершенствования человека. Тем самым он осознал главную функцию художественной культуры — формирование исторически нового типа личности. Близкое суждение о литературе высказал Эм. Янкович в предисловии к переводу комедии Гольдони "Торговцы". По словам Янковича, он хотел спо-

существовать просвещению своих соплеменников и их знакомству с произведениями, которые способны воспитать вкус и поднять нравственность. Сербский писатель видел достоинство пьесы Гольдони в том, что она изображает подлинную жизнь¹¹⁴. Зарождалось понимание связи литературы с реальной действительностью.

В последних десятилетиях XVIII в. принципиальное общественное значение получил у сербов вопрос о едином литературном языке. Его актуальность определялась развитием сербской нации. Потребность стабильного языка диктовалась и внутренним состоянием словесных форм культуры. Разноязычие мешало складыванию стилистической языковой системы, оттачиванию языкового выразительного инструмента литературы и т.д.

В рассматриваемое время сохранялось разноязычие сербской литературы в целом и творчества отдельных писателей. Употребление церковнославянского языка московского типа, русского и народного языков было связано с литературными жанрами, хотя это условие строго не соблюдалось. Так, А.Стойкович пользовался народным, церковнославянским и смешанным языками. Разноязычным было творчество Й.Раича, который писал на русском церковнославянском, архаичном русском и близком к народному языках. Вместе с тем на исходе столетия отчетливо выявилась общественная тенденция к общепринятым нормированным литературным языкам¹¹⁵. Но среди деятелей культуры было разное понимание путей его достижения.

Возлагая на литературу важные общественно-воспитательные задачи, Обрадович выступал за ее доступность широким слоям сербского народа. Первейшим условием этого был переход всей литературы на народный язык. Обрадович не только теоретически обосновал необходимость и возможность установления единоязычия сербской литературы на народно-разговорной основе, что само по себе было очень важно, но и на практике положил начало литературно-языковой реформе. В первой части “Жизни и приключений...” писатель заявил: “Вот два моих основных намерения: во-первых, дать пример ученым моего народа, чтобы писали и печатали сочинения на нашем простом диалекте; во-вторых, чтобы мои единоплеменники решились о всякой вещи свободно мыслить и обо всем, что слы-

шат, судить и рассуждать”¹¹⁶. Обрадович настойчиво утверждал народный язык в литературе и издавал свои книги только гражданским шрифтом.

Глубокое знание родного языка и богатая интуиция Обрадовича дали ему возможность ощутить направление развития сербского литературного языка. Но все же язык произведений самого писателя был эклектичным, содержал наряду с чисто народной основой слова и обороты из церковнославянского языка и русизмы. Чем абстрактнее излагалась тема, тем сильнее было присутствие славянизмов. Неустойчивой, колеблющейся и вообще несовершенной была орфография. В этом дуализме оказались как отсутствие ясных представлений у Обрадовича о структуре нового литературного языка и орфографии, недостаточность лингвистической подготовки, так и неразвитость народного языка сербов, его неспособность к выражению философских понятий, отставание от потребности времени. Наконец, трудно было сразу порвать с многовековой литературной традицией¹¹⁷.

Наиболее дальновидные современники осознали необходимость расширения общественных функций сербского народного языка. Литературно-языковая концепция Обрадовича получила поддержку со стороны ряда писателей. Й.Мушкатирович в посвящении сыну, предваряющем фольклорное собрание “Притчи, или по-простому пословицы, также сентенции или речения” (Вена, 1787), величал “многие свойства, силу и красноречие нашего сербского языка”¹¹⁸. Одним из самых радикальных в языковом отношении писателей был Эм.Янкович. Последовательно выступавший за введение народного языка в литературу, он предпринял первую попытку реформы правописания¹¹⁹. Сторонниками Обрадовича в вопросе литературного языка были П.Соларич и М.Максимович. Твердо веря в победу народного языка в литературе, Досифей Обрадович в конце своей жизни мог с удовлетворением отметить, что он “имел радость дожить и видеть, что и другие начали делать то же самое”¹²⁰.

На народном языке были написаны произведения, наиболее значительные в истории сербской культуры. Однако литературная практика на народном языке была ограниченной, притом литературный язык на народной основе не имел строгих норм и у всех писателей содержал примеси церковнославянских и русских элементов¹²¹.

К началу XIX века сербская литература почти полностью перешла на гражданскую азбуку. Но правописание оставалось неустойчивым и архаичным. Церковная кириллица сохранила свои позиции в церковной литературе. Потребовались еще многие десятилетия борьбы, чтобы в условиях большей консолидации сербской нации и укрепления прогрессивных общественных сил, благодаря титаническим усилиям Вука Караджича народный язык и новое, реформированное им правописание окончательно утвердились в сербской литературе.

Были на рубеже веков и немногие писатели, которые отстаивали развитие сербской литературы на русском церковнославянском языке. Наиболее активным поборником этого пути был Григорий Терлаич. Идейным обоснованием такой позиции была убежденность, что церковнославянский язык является общим для всех славян, основой литературной связи сербов с русскими. В защите церковнославянского языка выражалась приверженность части сербской торгово-интеллигентской среды в Австрийской монархии элитарной культуре. “Славянский” язык Терлаича подвергался критике со стороны Обрадовича. “Это не для сербов крестьян...”, — утверждал он¹²².

Но большинство сербских писателей под влиянием разных факторов, прежде всего потребности совмещения традиции и освоенных культурных ценностей России с расширением читательской базы литературы, видели путь к одноязычию сербской литературы на основе “среднего”, так называемого “славяносербского” языка, который начал складываться еще в первой половине XVIII в. Шел и стихийный процесс проникновения в разговорную речь сербских образованных слоев в Австрийской монархии элементов других языков. Будучи сложным и неустойчивым образованием из церковнославянских, русских и сербских элементов, славяносербский язык являлся порождением самой переходной поры и отражал ее в лингвистическом отношении.

С 1785 г. славяносербский язык был введен в православные школы. Он господствовал в сербской журналистике, учебниках, административных документах. Смешанный язык эволюционировал в направлении увеличения в нем народных речевых элементов¹²³.

С лингвистической точки зрения “средний” путь содержал в определенной мере рациональное начало, поскольку задача демократизации литературного языка и подъема народного языка до уровня литературного теоретически разрешима как посредством постепенного проникновения и освоения народно-разговорных элементов в книжном языке, так и путем непосредственного становления литературного языка на базе народно-разговорного. Однако условия общественного развития сербов были таковы (безраздельное господство православной церкви, использовавшей церковнославянский язык как символ своего положения, необходимость подъема культурного уровня крестьян, которым были чужды как церковнославянские, так и русские речевые элементы), что неоднородный славяносербский язык не мог в полной мере обеспечить потребности общественного прогресса.

Важным моментом в развитии сербского художественного сознания и практики явилось осмысление специфики искусства, выработка представления об эстетических категориях. В 1794 г. Досифей Обрадович включил в книгу “Собрание разных нравоучительных вещей...” главу “О некоторых разных вещах и прежде всего о вкусе”. Писатель считал, что в человеке заложена врожденная способность отличать прекрасное от безобразного. Но только в процессе совершенствования и упражнений это “души естественное свойство” развивается в полноценный высокий вкус к “художествам”¹²⁴.

Обрадович высказал также суждение о сущности красоты. Он был сторонником представления о божественном происхождении прекрасного. По мнению писателя, только целостность, завершенность и гармония могут возбуждать чувство красоты. Одним из основных эстетических принципов Обрадовича была идея единства добра и красоты.

Обрадович прославлял античное искусство, в котором, по его словам, была заключена “благородная простота и высокая превосходная природа”¹²⁵. Тем самым Обрадович заявил о себе в теории как сторонник классицистской эстетики с ее приматом “законов разума”, принципом гармонии и уравновешенности, признанием идеальной нормы античной традиции.

В той же главе Обрадович сформулировал конкретно-эстетические требования к литературному произведению “Всеобщее свойство хоро-

шего произведения, — писал он, — состоит, следовательно, в единстве цели, в разнообразии и слаженности метафор и сравнений, в точности и соответствии слов мыслям, в целостности и согласованности изречений”¹²⁶. К достоинствам литературных произведений Обрадович относил идеиную целенаправленность, логику изложения мыслей, ясность образов, хорошее знание языка. В рационалистическом требовании “знания” и правил также просматривались классицистские черты эстетической позиции Обрадовича.

Проблема языка занимала Досифея Обрадовича в разных аспектах. В указанной главе “Собрания...” он высказался о нем как о художественно-литературном явлении: “Кто хочет что-либо написать с хорошим вкусом, должен всячески и неотложно в совершенстве овладеть языком, на котором пишет, и всеми его идеомами, то есть свойственными ему выражениями. Самая красивая и самая полезная материя не увеселяет пристойно, не привлекает сердце, не возбуждает внимание, если слова неясные, согласно не сложенные и подобающим образом не расположенные. Самые выбранные слова без красивого расположения — сухие и неприятные. Нет слов, которые не были бы благоподобными, но каждое только на подобающем ему месте красиво, и пока человек это не почувствует, он вкусом еще не располагает”¹²⁷. Воспринимая язык как средство художественно-литературного воспроизведения действительности, Обрадович обратил внимание писателей на важность свободного владения языком и его оттенками, чистоту и точность выражения, совместимость слов, единство текста, общий строй языка, соблюдение темпа, тона речи, отбор речевых средств, словом, на эстетическую окраску языка.

В последних десятилетиях XVIII в. при всем влиянии классицистской теории на сербскую эстетическую мысль художественная культура сербов, прежде всего литература, была отмечена чертами разных направлений. Неоднозначность социальных тенденций и общественных настроений, противоречия реальной жизни в сочетании с разнородными европейскими веяниями — все это создавало у сербов сложную духовную атмосферу, в которой сложилась пестрая в стилевом отношении художественная ситуация. Еще сохраняла жизнеспособность барочная эстетика, но в то же время критическая философия

побуждала к правдивому воспроизведению жизни, рационализм и возвышенные нравственные идеалы, предусматривающие общественное призвание человека, располагали к рассудочным, логически строгим и ясным формам с опорой на античное наследие, проникновение же в профессиональную культуру запросов "низов" общественных групп выдвигало на первый план чувства и отношения простых людей. Переходное время, сместившее общественную и повседневную жизнь с устоявшихся основ, принесло с собой в культуру подвижность и разнообразие художественных форм.

Хотя зарождение литературы нового идеино-художественного типа у сербов относилось к 60-м годам XVIII в., именно Досифей Обрадович выступил ее подлинным зачинателем с точки зрения тематики, идеиного содержания, языка, художественных приемов и концепции личности. Общая художественная ситуация в последние десятилетия XVIII в. просцировалась на творчество Обрадовича, но, с другой стороны, главный сербский писатель той поры своей литературной деятельностью во многом определял ее черты.

Приверженность рационалистической философии с ее культом совершенного разума, с одной стороны, и ориентация писателя на широкие массы сербского народа, на крестьян, которые были неподготовлены к восприятию "большой" литературы и нуждались в доступных их сознанию книгах, с другой, обусловили народный язык и преимущественно назидательную направленность его творчества. Активное включение литературы в общественную жизнь существенно меняло характер самой литературы.

Досифей Обрадович создал ряд оригинальных произведений, среди которых были "Жизнь и приключения...". Вместе с тем существенное место в его творчестве занимали компиляции, свободная интерпретация и переводы. Создавая дидактическо-моралистические произведения, Обрадович опирался на немецкую, английскую, французскую, итальянскую популярную в свое время литературу. В сборник басен, снабженный "нравоучительными полезными разъяснениями и наставлениями", писатель включил прозаические переводы и переработки басен Эзопа, Федра, Лессинга, Лафонтена и других авторов. Обрадович широко использовал нравоучительные

материалы из немецких, но особенно из популярных английских журналов Дж.Адисона, Р.Стиля, С.Джонсона и О.Голдсмита¹²⁸. Создавая свою "Этику", он опирался на систему итальянского просветителя Ф.Соавы.

Досифей Обрадович много переводил из французской и немецкой художественной и морализаторской литературы. Он перевел две повести Ж.Ф.Мармонтеля, открыв для сербской литературы жанры малой эпики. Сербского писателя привлекало творчество Г.Э.Лессинга как борца за свободу разума против давления клерикальной реакции. Обрадович называл его "просвещенной Германии великим просветителем"¹²⁹. В 1793 г. он перевел раннюю комедию Лессинга "Дамон". Обрадович обращался также к проповедям одного из самых известных протестантских деятелей в Германии XVIII в. Г.И Цоликофера.

Переводы и компиляции играли важную роль в движении сербской литературы. Сама переводческая деятельность не была новостью в сербских условиях. Но критическая философия внесла существенные изменения в содержание и функцию перевода. В практике Обрадовича и его единомышленников он призван был обеспечить теперь эффективный подъем культурного уровня сербов путем ознакомления с литературными достижениями других народов и воспитания в духе идей Просвещения. Переводческая деятельность носила избирательный характер в соответствии с назревшими нуждами сербского народа. Интенсивное освоение передового культурного опыта было одной из предпосылок решения просвещенческих задач. В ряда случаев, это касалось прежде всего переводческой практики Обрадовича, Янковича, переводы преследовали также задачу формирования литературного языка на народно-разговорной основе.

Досифей Обрадович существенно расширил тематику литературных произведений. Он поднял в своих книгах широкий круг вопросов: о цели жизни, моральных ценностях личности, нравственных устоях общества, любви мужчины и женщины, браке, взаимоотношении поколений, взаимосвязи человека с природой и др. Разнообразие содержания вело к обогащению жанрового состава сербской литературы. Обрадович явился зачинателем в ней

мемуаристики, морализаторского эссе, малых повествовательных жанров — басни и повести. Обрадович выступал в печати преимущественно в прозе, но он продолжил также развитие жанровой формы оригинальной патриотической песни.

Стилистические особенности творчества Досифея Обрадовича отчетливо проявились в его сочинении “Жизнь и приключения...”. Оно имело мемуарную основу, но писатель использовал в нем широкую палитру художественных приемов и средств. Создавая свое сочинение, Обрадович исходил из непосредственных впечатлений. Осмысление собственного пути явилось для него первоисточником творчества. Живая связь с жизнью, усиливавшаяся благодаря использованию писателем народного языка, определила общий строй этого произведения.

В “Жизни и приключениях...” живо описаны повседневный быт простых сербов в Банате и Далмации, монастырская жизнь, патриархальный облик сельских школ, уклад греческих островных городков, нравы в Албании и другие стороны действительности. Значительную часть произведения составило описание впечатлений наблюдательного путешественника, которого интересовали разные города и страны. И весь этот разнородный материал был объединен рассказом о жизненной судьбе автора. Сам жанр мемуаров определял достоверную основу повествования. Сочинение Обрадовича, вобравшее в себя факты действительности и богатство внутреннего мира писателя, означало поворот сербской литературы в сторону реального изображения жизни.

Желая придать живость произведению, писатель ввел диалог, насытил текст комизмом обыденных ситуаций, использовал эпистолярную форму изложения. Вторая часть “Жизни и приключений...” была написана Обрадовичем в виде писем к другу с обращением “любимый мой”, “дражайший сердечный друг”, “дорогой и любимый мой” и т.д. Все эти приемы, хорошо известные европейскому читателю, были новостью для сербских условий. Они придали особый, задушевный и искренний тон повествованию.

Еще Орфелин, разрушив правила этикета средневековой литературы, заявил о себе как автор в ряде произведений. Продолжая эту линию, Обрадович выразил через авторскую личность интерес к

внутреннему миру человека. Обрадович-автор не только постоянно присутствует и живет в тексте, прямо апеллирует к читателю, но и окрашивает повествование переживаниями своего “чувствительного сердца”. В книге звучали разные голоса писателя-философа, моралиста, гневного, иронизирующего и сочувствующего собеседника. Чувствительность являлась характерной чертой внутреннего мира Обрадовича. Она выступала как свойство тонкой и отзывчивой души. Автор проявлял чувствительность в общении с природой, при воспоминаниях о близких, в общении с другими людьми. Это было свидетельством значительной гуманизации литературного и общественного сознания.

Досифей Обрадович в предисловии, предваряющем “Басни” и вторую часть “Жизни и приключений...”, писал, что одним из мотивов, побудившим его вновь вернуться к мемуарам, было желание “предать вечному воспоминанию потомков” имена его друзей и благодетелей¹³⁰. Верный своему намерению, Обрадович изобразил целый ряд реальных лиц, представив их в идеализированном виде. Он особо подчеркивал добросердечность, отзывчивость и тепло сердца рядовых людей. “Какое блаженство и рай на земле с такими святыми и добрыми людьми жить!” — восклицал писатель, вспоминая свое окружение в Клинско-поле. И далее, обращаясь мысленно ко времени своего пребывания в Косово, он писал: “Эти люди были так ко мне добры и милы, что по прошествии стольких лет и теперь мое сердце щемит, как будто я с ними вчера расстался”¹³¹. На основе личных контактов Обрадович раскрыл взаимоотношения частных лиц между собой, простоту и сердечность человеческих отношений.

С открытием мира чувств было связано появление писательского интереса к отношению — человек и природа. Исходя из представления об их единстве, Обрадович писал о возвышающей и очищающей силе природы. Писатель воспринимал ее и как объект наслаждений человека, и как естественное окружение, обнаруживающее способность человека к чувствованию. Пейзаж в его сочинении был способом раскрытия душевного настроя автора.

Обрадович дал подлинно поэтические описания природы, мастерски воплотив ее величие и красоту. Передавая свое приподнятое настроение при вступлении в молодости на землю монастыря Хопо-

во, Обрадович нарисовал идиллическую картину окружающей природы: “Дорога шла близ ручья, вдоль которого росли орех и другие посаженные большие деревья, которые прикрывали его тенью и защищали от солнца. На левой стороне виднелись горы и холмы, покрытые виноградниками и плодовыми садами. С правой стороны от ручья простиралась веселого вида долина, украшенная лугами, полными трав и полевых цветов. Она протянулась почти до монастыря. А по ту сторону долины, я бы сказал, были царские сады. Виноградник за виноградником, окруженные придающими нарядность всевозможными плодовыми деревьями; гора над горой и холм над холмом, как бы один на другого дружелюбно оперся и как бы один над другим выставил свою гордую главу, чтобы легче было эту прекрасную долину, свою сестру, и ручей, ее обожателя, который держит ее в объятиях, и тех, кто возле него проходит, видеть и рассматривать; и чтобы в то же время каждый свою великолепную, всеми весенними, летними и богатыми осенними дарами напоенную и приукрашенную главу мог показывать и пред всеми очами представлять. Один холм красивее и величественнее другого, а все вместе — несказанной красоты и великолепия. Сладостное и изящное журчание ручья и его игра с долиной, веселое пение разных птиц, кроткое и прохладное дыхание ветра и шелест листвьев рождали такую сладостную музыку, которая повергала человека в полное самозабвение и забытье. Благоухание полевых трав и всевозможных плодов наполняли бальзамом этот благостный воздух”¹³². Под пером Обрадовича предстала очеловеченная природа. Благодаря ее одухотворению мир чувств приобретал всеобъемлющий характер.

А вот как писатель описывал свое состояние и окружающий мир в тот момент, когда он, захваченный благородной целью и полный надежд, находился в пути в Далмацию: “Весна, прекрасная пора! Все горы и долины оглашены пением! И если бы я не опасался кос-где пастушеских собак, мне казалось бы, что я, как на Пегасе, коне Беллеронта, еду”¹³³. Так в сербскую литературу вошел мотив внутренней связи образов природы с переживаниями и раздумьями человека.

Произведение Досифея Обрадовича “Жизнь и приключения...” благодаря отражению в нем конкретных сторон жизни, выражению авторской индивидуальности, раскрытию душевного строя человека

ка, индивидуального переживания и использованию художественных приемов и средств, неизвестных до тех пор сербам, представляло принципиально новое явление в сербской литературе. Оно было написано в духе просветительского реализма с элементами и сентиментализма.

Творчество Досифея Обрадовича не осталось в стороне и от классицистского художественного направления, заявившего о себе в сербском искусстве в это время. Гражданственное звучание произведений Обрадовича соответствовало принципам этого направления в просветительском варианте. Образ просвещенного монарха, который проходил через основные сочинения писателя, образ достаточно абстрагированный и отчасти героизированный, также сближал писателя с классицизмом. Но в еще большей степени Обрадович обнаруживал творческую связь с ним своей приверженностью к античности. Хотя еще Орфелин ввел античные образы в сербскую литературу и историографию, именно Обрадович, овладев античным наследием, открыл для сербского читателя мир античной культуры. Он использовал примеры из истории древней Греции и Рима, привел биографии отдельных философов и писателей, широко цитировал греческих и римских авторов для подтверждения своих мыслей, прибегал к античной мифологии¹³⁴.

Обращение к античности вытекало из гуманистического строя Просвещения в целом, из антиклерикальной направленности разработанной Обрадовичем концепции национальной культуры и заложенного в ней активного противоборства с аскетической схоластикой. Рационалистический взгляд на художественное творчество предполагал возрождение античной традиции как источника светского искусства и идеального эстетического эталона. Наконец, использование античного наследия диктовалось потребностью сербской культуры в опоре на мировые общепризнанные ценности. Античная культура, с ее живым интересом к человеку и природе, языческая с точки зрения церковников, принципиально отличалась от средневекового образа мышления. Она располагала такими идеями и формами, которые при их творческом осмыслиении в соответствии с новыми условиями могли быть продуктивно использованы в

борьбе против примата церковной культуры за обновление сербской художественной жизни.

Вклад Досифея Обрадовича в развитие сербской литературы трудно переоценить. Его творчество, осветившее родную литературу передовыми идеями времени, приблизившее ее к реальной жизни и потребностям широких масс сербского народа, обогатившее художественный строй неповторимой личностью писателя, означало принципиальный шаг в направлении демократизации сербской литературы и ее национального становления в условиях Нового времени.

Досифей Обрадович был главой сербской литературы Просвещения. Рядом с ним сложилась плеяда писателей, которые занимали разные литературные позиции. В жанре мемуаристики проявил себя С.Пишчевич (1731-1797), серб, граничарский капитан, перехавший в 1753 г. на жительство в Россию. Продолжив военную карьеру, он дослужился до высокого чина генерал-майора. Жизненные факты, документально зафиксированные автором вначале в дневнике, стали основой мемуаров. Воспоминания С.Пишчевича были изданы в Москве столетие спустя в 1881-1883 гг.¹³⁵.

С.Пишчевич ввел в сербскую литературу новую тему — тему переселения югославян из Австрийской монархии и с Балкан в Россию в 50-60-х гг. XVIII в. и их вживания в новую хозяйственную и политическую среду. Мемуарист нарисовал живую картину жизни югославян в военных поселениях “Новой Сербии”, “Славяносербии” на Украине, раскрыл противоречия в югославянской среде, показал драматизм положения рядовых солдат, описал восстание 1762 г. в Новой Сербии. Воспоминания были проникнуты сочувствием автора к тяжелому положению низших сословий и осуждением погони за чинами со стороны верхушки югославянской эмиграции. В отборе фактов и их освещении нашли отзвук актуальные проблемы того времени для югославянского населения как в России, так и за ее пределами. Сочинение С.Пишчевича отразило состояние сербской общественно-политической и литературной мысли второй половины XVIII в., но поскольку мемуары остались неизвестными сербскому читателю вплоть до 80-х годов XIX в., влияния на сербское общественное сознание, на литературный процесс XVIII столетия они не оказали.

В условиях развития сербской нации, основу которой составляло крестьянство, под влиянием растущего интереса к народному творчеству в Европе прогрессивные сербские писатели стали осознавать потребность развития литературы в связи с фольклором. В XVII в. элементы фольклора стихийно проникали в письменную литературу и историографию. Народная эпика получила отражение в "Хрониках" Бранковича, обращался к фольклорным образам Г.Венцлович, записывал и переписывал народные песни З.Орфелин.

Однако сознательное обращение сербских писателей к народному творчеству проявилось в 80-е годы XVIII в. В новых условиях прогрессивные мыслители не могли не прислушаться к биению народной жизни, не выработать позиции в отношении духовного творчества крестьян. Используя в своих произведениях фольклорный материал, они стремились быть ближе к широким кругам читателей.

Выходец из народа, Досифей Обрадович всей своей деятельностью искал тесной связи с ним. Это лежало в основе его обращения к творчеству крестьянства. Согласно идеалам Просвещения, он видел в народном искусстве образцы добродетели и мудрости, то есть выражение этических принципов и жизненного опыта народа. Обрадович, хорошо знавший почти все жанры народной литературы, широко привлекал в своих произведениях фольклорный материал, особенно рассказы, пословицы, поговорки, изречения¹³⁶. В этом проявилось понимание писателем-просветителем моральной ценности народного творчества.

Своё отношение к народной поэзии Обрадович высказал в "Этике". Приведя четыре стиха из известной княжеской клятвы в песне о Лазаре, писатель заметил: "Это у Гомера зовется: просто высоко". Предваряя клятву, он писал: "Какое чувство еще и теперь вызывают в сердце каждого серба эти слова!"¹³⁷. Это было признанием идеино-художественной силы народного искусства. Но восприятие Обрадовичем фольклора не было однозначным. В народных сказках он видел проявление темноты и суеверия крестьян¹³⁸. Обрадович первый сознательно пытался связать литературу и фольклор. Высказанные им плодотворные мысли о народной культуре были подхвачены и развиты сербскими писателями следующих поколений.

По совету Обрадовича Й.Мушкатирович издал первое у сербов фольклорное собрание "Притчи". Это не было в строгом смысле слова собрание сербских народных пословиц, так как в него вошли и переводные, в частности русские, пословицы, а такие изречения из "Священного писания" и античных классиков. Составитель сопроводил некоторые пословицы примечаниями о событиях, которые они отражали, областях, где они родились и бытовали, их содержании¹³⁹. Сборник Мушкатировича занял достойное место в истории сербской фольклористики как убедительное свидетельство начавшегося осознания места фольклора в едином процессе культурного развития. "Притчи" имели огромный успех у сербов. Вук Караджич использовал труд Мушкатировича при издании своего фольклорного собрания.

В 70-е годы XVIII в. у сербов появился особый жанр просветительской публицистики, подвергавшей критике церковь. В 1784 г. М.Максимович, бывший тогда писарем в Земуне, перевел одно из наиболее известных сочинений юзефинистской литературы "Что есть Папа?" И.В.Айбла. Оно было направлено против примата католической церкви. Выше говорилось о брошюре Мушкатировича, проникнутой убеждением в необходимости сокращения церковных православных праздников. Ту же задачу реформирования церковной жизни преследовал Ст.Новакович, издав на языке, близком к народному, сочинение влашского униатского писателя С.Клайна "Рассуждение о постах восточном церкви" (Вена, 1794).

Потребность критики церкви, средневекового уклада и морали вызвала к жизни сатирические жанры в сербской литературе. Первым произведением такого рода явился "Малый букварь для взрослых детей" М.Максимовича. В обличении монашества и церкви проявлялась тенденция просветительского реализма.

На рубеже XVIII и XIX вв. сербская повествовательная проза обогатилась оригинальными и переводными романами. А.Стойкович издал романы "Кандор, или Откровение египетских тайн" (Буда, 1800) и "Аристид и Наталия" (Буда, 1801). Написанные "смешанным" языком, они в стилевом отношении сочетали в себе классицистские черты с экзотикой и таинственностью¹⁴⁰. В 1799 г. Н.Лазаревич перевел на народный язык роман Дефо "Робинзон

Крузо", получивший большой успех у читателей. Сербская публика являла новый литературный вкус.

Известный вклад в развитие сербской литературы внес Григорий Терлаич (Трлаич) (1766-1811). Он получил образование в Венском университете. Переехав в конце XVIII в. в Россию, Терлаич стал профессором всеобщей истории Педагогического института в Петербурге. Но он не порывал связей с соплеменниками и участвовал в процессе развития сербской культуры. В 1801 г. писатель перевел на церковнославянский язык русской редакции роман М.М.Хераскова "Нума Помпилий, или Процветающий Рим" (1768), проникнутый рационалистическими идеями. Терлаич был видным поэтом, сочетавшим приемы классицизма и сентиментализма. Он представлял светскую линию в русско-сербских литературных отношениях и способствовал их укреплению. Однако его разностильное литературное творчество из-за приверженности писателя к русскому церковнославянскому языку отставало от потребностей развития словесной сербской культуры.

Последние десятилетия XVIII в. были отмечены в сербской поэзии утверждением классицистских форм при неодинаковой у разных поэтов идейной основе. Первым античную метрику, являвшуюся принадлежностью этого стиля, ввел Алексис Везилич (1753-1792). Человек драматической судьбы, он в свое время слушал право в Венском университете, служил учителем, был сторонником Обрадовича, но закончил жизнь в монастыре. В 1788 г. в Вене Везилич издал "Краткое написание о спокойной жизни", которое стало первым печатным стихотворным сборником у сербов. Противоречивые по мироощущению поэтические сочинения Везилича были написаны классицистским размером, рифмованной сапфической строфой. Законченное выражение классицизм в сербской поэзии получил в творчестве А.Стойковича, в частности в его стихотворении "На смерт бесмртнаг Иоана Раича" (Буда, 1802). В нем мысль о бессмертии Й.Раича, раскрывшего сербам величие их истории, гражданственные мотивы были облечены в торжественную поэтическую форму и выражены с помощью обновленной античной версификации.¹⁴¹ Поэт употребил нерифмованный гекзаметр¹⁴¹. В 1804 г. Г.Ковачевич, переплетчик в Земуне, от-

клинулся на сербское восстание стихотворной хроникой “Песн о случайному возмущении в Сербии”.

Особое место в сербском литературном процессе XVIII в. заняла аллегорическая поэма Й. Раича (1726-1801), архимандрита по положению, историка и писателя, “Бой змея с орлами” (Вена, 1791). Написанная по следам военных событий на Балканах конца 80-х годов, она возвеличивала победы русской и австрийской армий над Турцией. Поэма Й. Раича благодаря антиосманскому пафосу, народному языку и классическим символам стала значительным явлением новой сербской литературы. В рассматриваемое время, переходное по своему общественно-экономическому содержанию, в условиях национального гнета место книги в культурном процессе не всегда определялось четкой и зрелой просвещенческой позицией автора, хотя это имело первостепенное значение. В исключительных случаях играла роль объективная направленность произведения, которая, однако, в конечном итоге находилась в связи с мировоззрением писателя, отражая противоречия и неразвитые черты его мысли.

С переводческой деятельностью Эм. Янковича было связано развитие драматургии у сербов. Руководствуясь принципом “общей пользы” при переводе комедии Гольдони “Торговцы” на народный язык, Янкович сознательно ориентировался не на малочисленную образованную сербскую публику, а на торгово-ремесленный слой¹⁴². В этом он был близок Обрадовичу с его постулатом: литература — для широких масс сербского народа.

Продолжая переводческую деятельность, писатель выпустил также в Вене на “простом сербском” языке нравоучительную пьесу-диалог “Злой отец и непослушный сын” малоизвестного немецкого автора Ф. К. Штарка (Вена, 1789) и адаптированную комедию “Благодарный сын” популярного в то время Й. Я. Энгеля (Лейпциг, 1789). Обращение к переводам и адаптации сочинений второстепенных европейских авторов объяснялось как уровнем восприятия сербов, так и популярностью некоторых из этих писателей в свое время.

В последние десятилетия XVIII в. значительно вырос авторитет сербской литературы. Увеличились число сербских писателей и их творческая продукция. Главенствующее место в литературном про-

цессе заняли светские лица, представители национальной интеллигенции в первом поколении. Развитие сербской литературы определили писатели, движимые социальными, нравственными и эстетическими идеалами Просвещения, стоявшие на позиции единоязычия литературы на народно-речевой основе во всех родах и жанрах и утверждавшие соответствующие Новому времени художественные формы. Благодаря писательской деятельности прежде всего Досифея Обрадовича и его круга сербская литература, обогащенная в жанрово-тематическом и художественно-образном отношениях, заявила о себе как идеально зрелая для своего времени и приобретавшая самостоятельные национальные черты сфера искусства.

Рационалистические идеи явились философской основой проникновения в сербское изобразительное искусство классицизма. Зачинателями нового направления в сербской живописи выступили художники С.Гаврилович (полотна "Муций Сцевола", "Королева Тимирида с головой Кира") и А.Теодорович¹⁴³.

Творчество Арсения Теодоровича (1767-1826) принадлежало XIX веку, но начинался творческий путь художника в XVIII столетии. Он родился в городе Панчево (или Перлезе), в 1788-1794 гг. учился в Венской академии искусств, в которой в то время господствовала классицистская эстетика. С 1796 г. с небольшим перерывом он жил в Нови-Саде, но при этом, работая на заказ, бывал во всех крупных центрах сербской культурной жизни. Теодорович поддерживал контакт с наиболее образованными соплеменниками, прежде всего с Досифеем Обрадовичем, а также П.Соларичем, поэтами М.Витковичем и Л.Мушицким, переписывался с Й.Раичем и др. Патриотически настроенный художник, он подарил частной художественной школе, созданной в 1809 г. при сремско-карловацкой гимназии, 55 рисунков.

Художник оставил огромное творческое наследие. Он расписал 26 иконостасов, включавших более тысячи картин, ему принадлежали отдельные иконы и композиции на исторические и мифологические темы, многочисленные портреты и т.д. Теодорович был перегружен спешными заказами, поэтому его работы были неравнозначны с точки зрения эстетической ценности. Теодоровичу были обязаны первоначальным образованием ряд видных сербских художников XIX в.

А.Теодорович был большим мастером портретного жанра. Он находился под идейным влиянием Обрадовича. И не удивительно, что первым зрелым произведением художника стал портрет сербского писателя (1794). Обрадович позировал ему в Вене. В этом портрете художник воплотил идеал человека Просвещения. Кисти Теодоровича принадлежали также портреты других современников. Он отошел от барочной манеры в портретной живописи с ее парадностью, идеализацией личности и внешней декоративностью и главное внимание посвятил передаче внутреннего мира модели, прибегая при этом к четкому аккуратному рисунку. Но в церковной живописи, которая на рубеже веков не только у сербов, но и в католическом мире, особенно в Вене, находилась во власти барокко, Теодорович, следуя в целом барочной концепции, вводил новые элементы весьма осторожно¹⁴⁴.

С.Теодорович занял совершенно особое место в истории сербской живописи XVIII — XIX вв. и по количеству выполненных работ, и, главное, по стилистике произведений. Его творчество отразило процесс смены в сербском изобразительном искусстве барочной эстетики классицизмом в сочетании с пробивавшейся реалистической тенденцией. Теодорович впервые включил в сферу сербской живописи тип наиболее прогрессивной личности своего времени. Его портретная живопись была отмечена интересом к современному, индивидуальной характеристикой портретируемого, художественным осмыслением национального типа. Теодорович выразил новое художественно-этическое представление о человеке. Он оказал большое влияние на дальнейшее развитие сербского изобразительного искусства.

Что касается графики, после смерти З.Орфелина до конца XVIII в. у сербов не было ни одного художника, работавшего в этой технике. Графические иллюстрации для сербских книг, вышедших в это время, были выполнены в мастерских Вены, Буды и Пешта¹⁴⁵. Перестройка художественного сознания в других сферах искусства протекала у сербов медленно.

К концу XVIII в. в атмосфере общественного подъема сербов и реформ немецкого театра оживилась сербская театральная жизнь. В “Прологе” к переводу пьесы Гольдони Эм.Янкович выразил пони-

мание театра как средства воспитания общества. Отмечая искусственность современных ему постановок — “намазанные лица” актеров, беспорядочное движение на сцене, — он выступил за естественность сценического действия¹⁴⁶. Но театральная практика у сербов была еще далека от жизненной достоверности.

В школьном театре по-прежнему ставились сцены на библейские сюжеты. В начале XIX в. в Велики-Бечкереке и Нови-Саде была разыграна переработанная и дополненная Й. Раичем “Трагедокомедия” Козачинского. Сербский историк издал ее в 1798 г. в Буде под названием “Трагедия, сиреч печальная повесть о смерти последняго царя сербского Уроша пятаго и о падении сербского царства”. Сохранившая барочный характер, она, как и библейский вертеп, представляла анахронизм на школьной сцене.

Но в традиционной форме школьного театра зарождались новые явления. Школьные публичные представления, проходившие под руководством учителей, все чаще давались на народном или близком к нему языке. Репертуар включил классицистскую комедию, пьесы сентиментального характера. Среди них были “Злой отец” в переводе Янковича, пьеса по роману “Велизарий” в переложении М. Елисеича, сентиментальная драма в переводе того же автора с немецкого языка “Александр и Наталия” и др. Эти постановки имели большой успех у “гражданской” публики. Новые стилевые черты проникали и в театр при дворах владык и домах меценатов¹⁴⁷. На исходе века немецкие труппы давали представления в Земуне, Нови-Саде, Панчево, Темишваре и других местах, приобщая знающих немецким язык сербов к театральному искусству.

Конец XVIII в. был отмечен подъемом градостроительства в Подунавье и Сербии. Восстанавливались и перестраивались старые, строились новые объекты. Элементы барокко еще упорно держались на порталах и звонницах церквей. Зато гражданская архитектура, особенно в городах монархии, была более восприимчивой к строгим уравновешенным формам¹⁴⁸.

В последних десятилетиях XVIII в. в художественном творчестве сербов, обусловленном новым пониманием мира и отношением к нему, проявились все три свойственные Просвещению направления: классицистское, сентименталистское и просветительско-реа-

листическое. Они существовали и развивались параллельно, оказывая взаимное влияние и различаясь не столько кругом поднимаемых проблем и характером их решения, сколько способом художественного выражения. Признаки разных направлений присутствовали не только в творчестве отдельных авторов, но и в одном произведении. На стадии Просвещения создавались также произведения в духе барокко (позднего рококо), но этот стиль постепенно угасал, переплетаясь с классицистскими нормами. Эклектизм, переходные формы, взаимопроникновение стилей были характерной чертой сербской художественной культуры, хотя имели место произведения и отчетливого стилевого выражения. Усложненные явления духовной жизни (слитность сменявших друг друга элементов художественного сознания) были отражением всей совокупности процессов переходной поры в конкретной сербской ситуации с ее замедленностью развития новых общественных форм и переустройства жизни, силой обыкновений и необходимостью использования поэтому в той или иной мере уже принятых обществом ценностных ориентаций.

Наука

Развитие экономики с ее неодолимой тенденцией к овладению силами природы и техническому прогрессу вызывало необходимость научного познания мира. Достижения европейской науки в свою очередь оказывали влияние на сербскую интеллигенцию как в плане осознания ее роли и значения науки, так и приобщения к научной деятельности. В сербском Просвещении получила выражение идея о судьбоносном значении науки в жизни общества как основы его благодеяния и возвышения.

В последних десятилетиях XVIII в. у сербов углубился процесс отделения научного мышления от теологического. В 1787 г. в Лейпциге вышло "Физическое сочинение" Эм. Янковича. Этот оригинальный труд был написан на народном сербском языке. В области естественных наук работал и А. Стойкович. В 1801-1803 гг. он выпустил 3 тома "Физики" на народном языке. Это дало основание Обрадовичу назвать его в письме "рода своего просветителем"¹⁴⁹. Хотя "Физика" Стойковича была проникнута идеей "промышсла", автор признавал

причинно-следственные связи в природе и в философской позиции был близок деизму. "Рукою промысла водим идет человек путем своим", — утверждал физик¹⁵⁰. Поборник знаний, Стойкович считал, что "естественная наука разгоняет мрак с очей наших"¹⁵¹. Книги сербского ученого были проникнуты мыслью о внутренней целостности природы и непрестанном ее изменении. "Великий и вечный закон естества, общий для всех вещей путь есть разъединение и соединение частиц"¹⁵². Рассматривая человека как часть природы, Стойкович подчеркивал его величие и выражал уверенность в способности к совершенствованию. Автор видел свою задачу в том, чтобы доставить читателям материал "к увеселению и рассуждению"¹⁵³. Рассчитанные на широкого грамотного читателя его книги при описании явлений природы были написаны приподнято-художественным языком.

Убежденным сторонником идеи бесконечности природы и ее движения был П.Соларич, автор книги "Ново гражданско землесписание". "В природе нет покоя, нет уничтожения, у природы нет смерти", — писал он¹⁵⁴. Его география была написана по принципу А.Х.Гашпари. Естественно-научные знания у сербов представляли не только заимствования из западноевропейской научной мысли, но и самостоятельное осмысление природных процессов.

Круг литературы по сельскому хозяйству пополнился в 1804 г. сочинением Мушкатировича об обеспечении Венгрии мясом и рыбой, вышедшем на венгерском и сербском языках, и книгой Д.Максимовича "Пчеларь или Наставление о пчеловодству" (Буда, 1810), в основу которой были положены материалы из московских изданий "Экономический магазин" и "Ручная книга сельского хозяйства".

Укрепление национального самосознания сербов, потребность объяснения настоящего положения и тревога за будущее — побуждали к углубленному познанию национальной истории. Наиболее глубоко осознал задачи и смысл изучения истории Досифей Обрадович. "История, — писал он в 1784 г., — весьма нужное, полезное и при этом радостное человеческому роду знание. Из нее легко и с забавой познается, что случалось несколько тысяч лет назад на этой нашей земле, какие перемены у людей происходили, какие большие царства и различные владения и правления у народов существ-

вовали и благодаря каким средствам и способам росли и процветали, а затем слабели и пропадали. Какое благополучие, что человек может хорошим примером давних людей, им подражая, пользоваться и через само их падение, остерегаясь подобного падения, себя исправлять! Что будет в будущие времена, того мы не можем знать; а что было в прошлом, то можем знать и этим пользоваться”¹⁵⁵. Обрадович, подходя к изучению истории с позиции общественной пользы, видел в ней средоточие как благоразумного, так и негативного человеческого опыта. Он связывал познание истории с задачей интеллектуального роста и нравственного совершенствования современников.

Во второй части “Собрания разных нравоучительных вещей...”, в главе XIII “Об изучении истории” Обрадович высказался о принципах изучения истории. “Кто хочет историей в совершенстве овладеть, — писал он, — тот должен проникнуть внутрь истории и саму суть позвать и вкусить: то есть с проницательностью и основательно должен уметь судить и ясно представлять, почему именно так, а не иначе было. А это происходит в том случае, если знать, какой характер имели те люди, в каком физическом и моральном состоянии находились, какая политика ими управляла и каковы были те тайные и скрытые орудия и средства, которые как бы силой бросали и приводили их в движение. Пока эти вещи в истории не будут исследоваться, на ее основе изучаться, чтобы уметь при надобности таковые в свою собственную пользу употребить, до тех пор вся история будет попугайными умом и языком представлена”¹⁵⁶.

Досифей Обрадович впервые у сербов поставил вопрос о научном изучении истории. Глава сербского Просвещения видел необходимость расширения горизонта историографии и обратил внимание на всемирную историю. Выражая общественный интерес к разным областям жизни, Обрадович высказался за включение в предмет исторической науки истории искусства, ремесла и мореплавания. Это означало преодоление узкополитического взгляда на прошлое человечества. Касаясь принципов исторического познания, сербский мыслитель поднялся до понимания важности освещения внутренней связи событий, раскрытия двигательной силы истории, выявления факторов борения и перемен, признания влияния среды. Глубокий и основательный ана-

лиз фактов он выдвинул в качестве метода освещения прошлого. Сам Обрадович решающую роль в истории отводил интеллектуально-нравственной сфере — развитию знаний, разума, морали¹⁵⁷.

Просветитель-педагог дал в своем последнем сочинении и методические рекомендации касательно преподавания истории. Он считал, что от молодежи следует добиваться не заучивания фактов, а умения “здраво судить и рассуждать” об исторических событиях¹⁵⁸. Верный принципу свободы духа и разума, Обрадович во главу угла преподавания истории ставил выработку у учащихся самостоятельности мышления. Излагая свои взгляды на изучение и преподавание истории, Обрадович опирался на достижения европейской науки. В сербских условиях выдвинутые им принципы, хотя еще Орфелин на практике овладел некоторыми из них, означали зарождение методологии исторической науки.

Крупным событием в культурной жизни сербов стал выход фундаментального четырехтомного труда Й. Раича “История разных славянских народов наипаче болгар, хорватов и сербов из тмы забвения изятая и во свет исторический произведенная” (ч. I—IV. Вена, 1794—1795). Автор завершил его еще в 1768 г. Труд был написан на архаичном русском литературном языке.

Биография Йована Раича — это не только путь становления крупного сербского историка и одного из лучших поэтов XVIII в., но и история жизни образованного серба того времени. Й. Раич родился в Сремски-Карловцах в семье общинного пастуха. Он учился в школе Козачинского, посещал католическую гимназию в Коморане, но закончил протестантскую гимназию в Шопроне. Первоначально он жил на средства благотворителей, а затем частными уроками.

В 1753 г. молодой Раич, ведомый желанием получить высшее образование, пешком, без денег и поддержки, отправился в Киев. Три года он изучал в академии теологию, находясь под идеяным влиянием Феофана Прокоповича. В 1757 г. через Москву и Смоленск, Польшу и Венгрию образованный богослов вернулся на родину. Однако Раич не смог получить места учителя в родном городе. Захваченный уже мыслью написать историю славян, он был поглощен поисками материалов и с этой целью вновь посетил Киев. Отсюда он отправился в путешествие, проехал Польшу, Валахию, побывал

в Константинополе и прибыл в Хилендар. В афонском монастыре Раич лично познакомился с болгарином Паисием. В 1758 г. Раич приехал в Карловцы. Но местные монахи последовательно держались практики неприятия знаний и образованных учителей. Поэтому Раич только через год смог получить место преподавателя. Но в 1762 г. из-за конфликта с окружением митрополита он вынужден был оставить эту должность. И вновь начались его мытарства и жизненные неурядицы. Некоторое время он преподавал в духовной школе в Нови-Саде. Однако в 1770 г. Раич вновь оказался без места и без средств к существованию. Жизненные невзгоды побудили его принять монашество, и в 1772 г. он постригся в монастыре Ковиле.

С этого времени жизнь Раича как бы раздвоилась. Он достиг видного положения в духовной среде, стал игуменом монастыря, затем архимандритом. Раич получил известность у сербов как непрекаемый авторитет в области богословия и видный церковный писатель. Он был окружен почестями и отмечен наградами. В 1790 г. Раич участвовал в работе Темишварского собора в качестве посланца монастыря Ковиле. Королевский комиссар вручил ему от лица австрийского монарха дорогостоящий архимадритский крест на золотой цепи. В 1795 г. Екатерина II одарила его золотым медальоном со своим изображением.

Но в частной жизни Раич имел бесконечные конфликты с братией, церковными сановниками, с Синодом по разным поводам, в том числе из-за гонораров. Вместе с тем он копил деньги и ссужал их под ростовщические проценты. Это не мешало его тяге к искусству. Свободно владея латинским, немецким и венгерским языками, он неистово работал по 16-17 часов в сутки. Помимо исторических изысканий Раич писал солидные теологические трактаты и проповеди, морализаторские тексты и поэтические сочинения. В судьбе Йована Раича отразились черты растревоженного времени, когда в противоречиях и многоликости бытия рождалась новая жизнь¹⁵⁹.

Принимаясь за фундаментальное сочинение, Раич стремился раскрыть достойное прошлое сербского народа, который в XVIII в. находился, по его словам, “в забвению и последнем презрении”. Вместе с тем он видел свою задачу в том, чтобы показать современникам на историческом материале “примеры храбрости, верности,

благоговейства, трудолюбия и сим паки противных недостаточность", то есть дать уроки добродетели и показать отрицательные последствия пороков в прошлом. Отечественная история должна быть, утверждал автор, "учителница благонравия и премудрости и наказательница всякого злочиния и безделства"¹⁶⁰. Раич вкладывал патриотический и этический смысл в исторические знания.

Если в постановке вопроса о задачах истории Обрадович и Раич возлагали на нее воспитательную функцию, то в понимании целенаправленности ее воздействия они расходились между собой. Путеводной звездой для Обрадовича была великая идея свободы, трактуемой в философско-нравственном смысле как раскрепощение мысли и духа человека. Раич, поскольку он писал непосредственно об отечественной истории, более отчетливо выразил патриотическую тенденцию в сочетании с нравственным очищением.

Й. Раич опубликовал свою "Историю..." в то время, когда поднялось венгерское национально-освободительное движение с его противоречивым отношением к невенгерским народам, когда в соседней Хорватии растревоженное йозефинистскими реформами дворянство искало пути удержания своего положения, когда Сербия по Свиштовскому миру 1791 г., завершившего неудачную для Австрии войну с Турцией, была оставлена на произвол Порты. В это беспокойное для сербов время Раич снабдил народ историческим трудом, призванным обосновать его право на самостоятельную жизнь и стать опорой в борьбе за достойное положение. Труд Раича, раскрывая прошлое сербов, был нацелен на упрочение их позиции в настоящем.

Первоначально Й. Раич замышлял труд о сербах с охватом истории всех славян. Однако этот грандиозный замысел, питавшийся сознанием целостности славян и нерасторжимости их прошлого, историк реализовал только в первом томе, посвященном славянской древности. Общеславянские планы столкнулись с нехваткой материала. Поэтому Раич сосредоточил в дальнейшем внимание на истории сербов, представив ее в тесной связи с прошлым соседних и южнославянских народов. "История" была снабжена картой, генеалогическими таблицами, указателями, ее оживляли портретные гравюры по рисункам Я. Орфелина известного венского мастера Й. Мансфельда. Это было первое систематизированное издание такого рода.

Раич построил свой труд на разнообразных, в первую очередь сербских, письменных источниках, привлекая хронографы, грамоты, родословы, а также на южнославянской, западной и российской литературе, особенно "Хрониках" Бранковича. В поисках неизвестных до того документов он самозабвенно работал в хранилищах Сремски-Карловцов, фрушкогорских монастырей, Хилендара. Его старания увенчались успехом. Огромная заслуга Раича перед сербской исторической наукой состояла в том, что он выявил массу сербских письменных памятников. Тем не менее историк не смог избежать трудностей, связанных с нехваткой отечественного материала.

Условия работы осложнялись субъективным моментом: предвзятым отношением Раича к католическим источникам и литературе и недоверием к византийским документам. Он избегал этот круг материалов. При этом Раич отвергал и устную народную традицию, считая ее сомнительной и недостоверной. По поводу песен о королевиче Марко Раич замечал: "...Множайшая от тех на баснь походят, зане суеверна и легкомысленна суть..."¹⁶². Конфессиональная настороженность автора в отношении источников в сочетании с незнанием особенностей отдельных категорий документов и неумением их критически оценить вели к искусственному сужению источников базы.

В вопросах философии истории позиция Раича была противоречивой. Религиозный провиденциализм сочетался у него с признанием воздействия на исторические судьбы сербов такого фактора, как всеобщее согласие. Он подошел к пониманию органической целостности общества и причинных связей. С этих позиций представлено в книге и центральное событие средневековой сербской истории — Косовская битва, "страшная сия битва почти от века неслыханная". Раич писал: "...Сербли храбро защищающе отчество свое и благочестие весь цвет благородных и благознаменитых людей и благопис царства своего, нетоль оружии турскими, коль несогласием и нестроением домашним на поли том Косове погубили, и тогда падше и до днес лежат в тиранстве агарянском двигнутися немогуще"¹⁶². Проходившая через труд Раича идея сербского согласия являла собой наметки оригинальной концепции сербской истории. В отличие от западной просветительской историографии, рассматривавшей средневековье как эпоху "тьмы", Раич изображал раннее

отечественное средневековье с чувством национальной гордости и трагедии. “История” была написана с прогабсбургских позиций.

В труде Раича содержались понятия “общая польза”, “естественное право”, отдавалось должное важности наук и искусств, использовалась договорная теория происхождения государства. Эти категории показывали соприкосновение духовного облика Раича с Просвещением.

Раич самостоятельно работал с источниками. Но собирая сведения из них, регистрируя их по традиционной схеме, он не владел методом отбора фактов. Историк щедро цитировал документы, приводя их нередко целиком. Иногда Раич упоминал в тексте документы, откуда он почесрпнул сведения, отмечал разногласия историков по конкретным вопросам. В тех случаях, когда он не мог установить достоверность факта и в литературе имелись расхождения мнений в связи с ним, Раич возлагал решение вопроса на читателя: “Сия на далее и зрею разсуждение читателя оставляю, да исследит”¹⁶³. Периодизация сербской истории была дана по царствованиям. Вместе с тем историческое повествование Раича было живой и заинтересованной беседой с читателем.

Раич ощущал необходимость исторической критики, однако на практике не продвинулся в технике проверки источников. Вопрос об их достоверности он подменял оценкой вероятности факта, исходя из представлявшейся ему логики. Сербский автор по существу остался на уровне первичной проверки сообщений источников, ограниченной интересами православия и национальными чувствами. По мировоззренческой позиции автора, по способу использования источников и литературы, приемам исторического повествования, состоянию исторической критики труд Раича не отвечал уровню исторической науки конца столетия. Досифей Обрадович высказал в “Этике” глубокое уважение к Раичу, когда писал: “Наш Раич — предорное и пречестное имя!”¹⁶⁶. Однако глава сербского Просвещения не был удовлетворен его “Историей”. Об этом свидетельствует тот факт, что в “Мезимаце” он высказал пожелание, чтобы написанием национальной истории занялись Г. Терлаич, Стойкович, отличавшиеся широтой кругозора и высокой образованностью, или, наконец, “Арадчанин”, то есть С. Текелия, меценат и писатель¹⁶⁵. Это были светские люди, хотя они и придерживались раз-

ных взглядов, но обладали большими знаниями в гуманитарных областях. Обрадович рекомендовал также перевести на сербский язык труд немецкого историка Й.М.Шрека “Всеобщая история для детей” (кн. I—IV, 1779—1789).

Тем не менее грандиозный труд Й.Раича занял достойное место в истории сербской культуры. Благодаря широкому своду источников по национальной истории и элементам новых представлений он означал крупный вклад в исторические знания у сербов. Посредством огромного документального материала, собранного в нем, насыщенных выдержек из источников сама ожившая история говорила с сербами из глубины веков. Авторские замечания терялись и отходили на второй план и вместо них в труде звучал многоголосый хор исторических документов. “История” захватывала сознание и чувства сербов не авторскими мыслями, лишенными полета, а силою и убедительностью исторических фактов — говоривших о единстве территории сербов в прошлом, их независимой средневековой государственности, видной исторической роли народа. “История” Раича заключала в себе мощный заряд воздействия на сербов в направлении укрепления национального самосознания и осмыслиения дальнейших судеб. Все это делало труд Й.Раича неотъемлемой частью культуры Просвещения.

Историк и писатель проявились в Раиче в издании им с некоторыми переделками сочинения Козачинского. И в этом начинании он был движим стремлением “возвеличить и прославить отчество свое”.

Трудно переоценить общественный резонанс “Истории” Й.Раича. Сербские политические деятели разных направлений черпали из нее аргументацию для доказательства исторической роли сербского народа и его права на достойное положение. Художники обращались к ней в поисках тем и сюжетов для своих произведений. Труд Раича, целиком или в урезанном и переработанном виде, неоднократно переиздавался в XIX в. Живой общественный интерес к “Истории” Раича вплоть до 60-х годов XIX в. был показателем того, что это сочинение какими-то своими сторонами было способно удовлетворять исторические запросы сербского общества и на более высокой стадии развития, чем это было в момент его появления, и что оно активно участвовало в умственной жизни сербов.

Возрастание потребности общества и хозяйства в грамотных людях, реформа сербской школы обусловили рост учебной литературы. В 90-х годах вышло значительное число оригинальных учебников и пособий в различных областях знаний. Помимо букварей, появились "руководства" по "славянскому" языку, написанные А.Мразовичем и С.Вуяновски. К.Йосич и А.Мразович выпустили пособия по арифметике. П.Стоядинович издал учебную книгу по немецкому языку, Т.Аврамович — "Немецкий и сербский словарь". Вышли грамматика итальянского языка и переводная грамматика венгерского языка. Появилось занимательное учебно-воспитательное издание. А.Мразович, следуя, по его словам, советам и примеру "благоразумного мужа" Досифея Обрадовича, перевел на "чистый сербский язык" четыре выпуска "Поучительного магазина для детей" (Вена, ч. I — 1737; ч. II — 1793; ч. III и IV — 1800), сочинение бывшей лондонской учительницы М.Лепренс (Ле Пренс) де Бомон. Перевод был сделан с немецкого издания. В "Магазине" были рассказы на библейские темы, нравоучительные повествования, материалы из области географии, истории, физики. Учебные книги способствовали подъему образовательного уровня сербского общества.

Сербское научное сознание проявило себя в области истории, физики и географии. Членство ученых сербов в авторитетных европейских научных обществах и другие формы признания их трудов свидетельствовали о том, что сербская научная мысль не была оторвана от достижений европейской науки. Но с точки зрения общего объема и степени дифференцированности научных знаний у сербов конец XVIII в. был временем младенчества национальной науки.

Культура и общество

В последние десятилетия XVIII в. у сербов продолжалось развитие возникших ранее и появились новые культурные институции с коммуникативными функциями. Но распространение интеллектуальной, художественной и научной продукции на всей территории расселения сербов наталкивалось на государственные границы, противодействие со стороны инонациональных сил. Анархия, произвол и деспотизм в землях под властью Порты вообще исключали общественную деятельность.

Интеллектуальная связь между деятелями культуры и обществом, между социально и географически разделенными частями народа поддерживалась в значительной мере благодаря движению книги. За период с 1783 по 1800 гг. значительно выросла печатная продукция на литературных языках сербов и изданная сербскими авторами на других языках. Она составила 245 позиций¹⁶⁶. Этот рост пришелся в первую очередь на светские издания — литературные произведения, научные сочинения, учебники, периодику, календари, административно-юридические документы и другие, в то время как церковная литература составила лишь 1/5 всех изданий. До середины 90-х годов сербские книги, как правило, выходили в Вене, в конце столетия центр сербского книгоиздания переместился в Буду. Сербские книги печатались также в Лейпциге (это были произведения Обрадовича и Янковича), Венеции, Пеште и других городах. Графическое оформление книг выполнялось немецкими мастерами¹⁶⁷.

На стадии Просвещения было выпущено печатной продукции в 1,5 раза больше, чем за все время сербского книгопечатания, начиная с выхода "Стематографии". Значительно расширился тематический реperтуар книг, и, главное, немалая часть их вводила читателя в круг принципиально новых идей, представлений и вкусов. Но позиция австрийских властей и как следствие этого вынужденное издание сербами книг в инонациональных типографиях, выпускавших к тому же дорогую и некачественную продукцию, сковывали развитие издательского дела и книжного рынка у сербов, отрицательно сказывались на складывании национального центра культуры.

Сербы продолжали добиваться от австрийских властей разрешения на устройство типографии в среде самого народа. В решение этой проблемы на новом уровне понимания издательских задач включилась прогрессивная интелигенция. Эм.Янкович, изучивший в Праге издательское дело, приобрел типографскую машину с намерением основать в освобожденном от турок Белграде типографию и книжную лавку. Не получив на это разрешения австрийских властей, он пытался в 1790 г. при поддержке Темишварского собора осуществить задуманный план в Нови-Саде и начать издание политической газеты. Его хлопоты увенчались тем, что он открыл в городе книжный магазин и типографию, но только с латинским шрифтом¹⁶⁸.

Лишь на короткое время сербы получили типографию в свои руки. В 1792 г. Стефан Новакович, чиновник, придворный агент, купил типографию Курцбека, однако она оставалась в Вене. Здесь были отпечатаны 67 сербских книг, в том числе "Собрание" Обрадовича, "История" Раича, сочинения Максимовича, Мразовича, Терлаича и др. Здесь же печаталась газета, которую издавал Новакович¹⁶⁹.

Сербская общественность с одобрением и надеждой следила за деятельностью национального предприятия. Эти чувства выразил Обрадович в Предисловии к "Собранию" следующими словами: "...В это время, когда наша национальная типография находится под управлением доброжелательного и преизрядного националиста, который действительно ни затрат не экономит, ни труда не жалеет, чтобы привести ее в цветущее состояние и совершенство, я вижу, что это общенужное и общеполезное дело под его взором и руководством будет благополучно преуспевать и иметь давно желаемый успех"¹⁷⁰. Но в 1795 г. Новакович, терпя материальный ущерб, продал типографию в Буду, где она слилась с типографией университета. Сербы вновь остались без издательской базы.

Собственная или более доступная национальная типография и училище были предметом постоянных стремлений самого Обрадовича. Эта мечта повела его в Шклов, он писал о ней в начале 1805 г. чёрногорскому митрополиту Петру I Петровичу Негошу, она сыграла существенную роль в его переезде в Сербию.

Дороговизна и нехватка книг обусловили сохранение у сербов на протяжении XVIII в. их рукописного размножения. Но в конце столетия эта практика стала уделом любознательных горожан, изменился репертуар рукописной репродукции и ее назначение.

Характер рукописной деятельности был неодинаков. Переписывание учебников, которое широко практиковалось среди учащейся молодежи, представляло механическое воспроизведение текста. Это был один из способов распространения и освоения учебных знаний. Другой вид рукописной литературы и практики являли собой сборники. Пестрые по составу, они включали городские песни и переписанные печатные произведения разных эпох, народов и жанров, литературные произведения нередко перемежались в них записями бытового характера. При этом песенники целиком или частично в

свою очередь переписывались другими составителями, и так возникали их новые виды. Известны рукописные сборники, составленные в 80-90-х гг. А.Милетичем, С.Янковичем, Й.Николичем, Г.Антовичем, С.Зурковичем и др. В их создании присутствовало творческое начало, проявлявшееся прежде всего в отборе текстов, отражавшем образовательный уровень и художественный вкус составителя.

Рукописные сборники не только восполняли в некоторой степени издательские трудности. Они являлись своеобразным видом бесцензурной литературы. В них было немало песен с национально-освободительным содержанием. В песеннике Я.Илиина, датированном 1807 г. и составленном главным образом на основе рукописных сербских и греческих сборников, в числе греческих произведений был "Призыв" выдающегося поэта и революционера Ригаса Велестинлиса¹⁷¹. Рукописные сборники были формой собирания литературных произведений и ознакомления с ними круга семьи, близких и знакомых. В начале XIX в. они стали издаваться типографским способом.

Составной частью общего культурного подъема сербов было появление национальной периодической печати, ставшей важным инструментом преодоления локальной духовной разобщенности народа. Ее развитие было подготовлено опытом Орфелина, выпуском ежегодных календарей, расширенных за счет литературного и другого материала, и альманахов. Календари и альманахи были популярными и охотно читаемыми изданиями¹⁷².

Для периодической политической печати требовалась капитал, типографская база, читательская публика, подготовленная для систематического чтения национальной политической литературы, разрешение высоких властей. Все это в сочетании с ожесточавшейся цензурой в связи с Французской революцией создавало немалые трудности. Поэтому первые сербские газеты были недолговечны¹⁷³.

В 1791—1792 гг. предпримчивые греческие патриоты братья П. и Г. Меркидес Пулью выпускали в австрийской столице газету "Сербские новины". Она выходила на смешанном языке и печаталась церковным шрифтом. Ее прообразом была официальная "Виснер цайтунг". Газета издавалась в условиях, когда печать была поставлена в полную зависимость от политических и военных властей. Она носила сухой информативный характер, сообщая читателям без

комментариев политические известия, почерпнутые из австрийских газет, немногочисленные сведения о церковной и школьной жизни сербов в Австрийской монархии и о положении в Сербии.

В 1792—1794 гг. Ст. Новакович издавал в Вене газету “Славенно-сербский ведомости”. Она выходила на языке с большей долей народных речевых элементов и печаталась гражданским шрифтом. В ней много внимания уделялось иностранным известиям, подававшимся в соответствии с австрийской официальной печатью, иногда сообщались вести из краев, где жили сербы. В качестве исключения в газете помещались литературные произведения¹⁷⁴. Однако и эта газетаенного успеха не имела. Сказались как недостаточная зрелость читательской публики для восприятия политического издания, так и слабость самой газеты в условиях цензурных запрещений на публикацию материалов из сербской национальной жизни.

С появлением периодической печати общественная жизнь сербов получила новые очертания. Несмотря на кратковременность выхода и официозность содержания, газеты способствовали развитию у сербов национального самосознания, приобщению читателей к регулярным национальным публикациям, распространению в обществе разного рода информации. В жестких рамках цензурных ограничений, через пелену верноподданства они привносили все же в сербское общественное мнение национально-патриотические мотивы.

Новый облик начала обретать книготорговля. Заметную роль в доведении книги до читателя стали играть “книжные” торговцы. В 1790 г. Эм. Янкович открыл в Нови-Саде книжный магазин. Известным новицадским торговцем книгами был также Д. Каулици. Появились печатные каталоги книг. Но продолжалась и традиционная продажа печатной продукции на ярмарках. Обрадович распространял свои книги с помощью друзей, знакомых и торговцев. Их распродажа была связана с трудностями. Это побудило писателя совместно со Ст. и И. Гавриловичами и рядом торговцев создать в 1804 г. товарищество для распространения сочинений самого Обрадовича и Соларича¹⁷⁵. Но развернуть деятельность ему, по-видимому, не удалось.

Наряду с обычным изданием сербских книг на “иждивенис” за житочных горожан в конце века появилась новая форма финансирования национальной литературы — подписка. “История” Раича

собрала 431 подписчика разных сословий и званий, коллективных и индивидуальных из разных краев Австрийской монархии.

Развитие сербского народного образования в Австрийской монархии протекало, с одной стороны, в контексте формирования национальной культуры, с другой — под знаком политики австрийского государства в области школы и просвещения. Школьный устав 1776 г. служил приспособлению школьного дела к нуждам австрийского абсолютизма. Всячески расширяя изучение немецкого языка, власти планировали также ввести народный язык и латинский алфавит в сербской школе с целью ослабления русско-сербских связей и усиления австрийского влияния на сербов. Но сопротивление сремско-карловцацкой церкви и возможность негативных последствий этой меры для влияния Австрии на Балканах вынудили двор отказаться от предполагаемых нововведений. В таких условиях возрастала роль учителей. Наиболее деятельные среди них пытались внести в сербскую школу национальный дух, привлекали учащихся к сценическим постановкам, обставляли торжественными мероприятиями выпускные испытания и т.д.

Состояние народного образования не удовлетворяло сербов. В 1790 г. инспектор православных школ в Банате В. Николич сообщал митрополиту Путнику о притеснениях, которым подвергались сербские учителя со стороны властей, помещичьих служащих и даже сельских секретарей¹⁷⁶. В 1791/92 гг. сербские торговцы при поддержке митрополита основали на свои средства в Сремски-Карловцах гимназию, где в низших классах преподавание велось частично на книжном сербском языке. В гимназию принимались ученики и из югославянских земель под властью Турции. В начале XIX в. в ней учились молодежь из Зворницкой и Валевской нахий, из Белграда, Пивы, Нови-Пазара, Белополя, Пожареваца, Заечара. Эти учащиеся жили на благодеяния митрополита Стратимировича. Гимназия в Сремски-Карловцах вскоре стала одним из культурных очагов сербов¹⁷⁷.

В последние десятилетия XVIII в. значительно расширилась школьная сеть у сербов в Австрийской монархии, притом не только за счет начальных школ, но и учебных заведений более высокой ступени. Но социальные функции и цели школы были противоречивыми. Школа давала сербской молодежи общеобразовательные

знания, но регулируемые австрийскими властями. Была преодолена церковная концепция образовательных учреждений, но огосударствление школы отчуждало ее от национальной среды. Открытие гимназии в Сремски-Карловцах было шагом в направлении приближения средней школы к национальным целям воспитания сербского юношества.

Иная ситуация была на Балканах. По свидетельству В. Караджича¹⁷⁸, в конце XVIII в. в Сербии, Боснии и Герцеговине на 100 сел не всегда имелась школа. Тот, кто хотел стать попом или монахом, обучался грамоте в монастырях и у священников. В каждом монастыре было по несколько учеников, которые больше занимались хозяйством. Они учились читать часослов и псалтырь, петь, знать цифры. Писать почти никто не умел. В отдельных нахиях имелось по школе с учителем, которого содержали крестьяне. Обучение здесь мало отличалось от монастырского. Не удивительно, что на тысячу сербов, исключая священников и монахов, едва приходился один человек, который умел читать. В Правительствующем совете повстанческой Сербии из 12 членов только четверо были грамотными людьми.

Состояние народного образования было предметом постоянной озабоченности Досифея Обрадовича. Он мечтал, особенно в последние годы, вместе с Соларичем основать свою школу. В письме Петру I Петровичу Негошу из Триеста Обрадович изложил представление о ней: "Место, которое мы желаем, должно быть населенным, не изолированным, где земля — родная, красивая и плодовитая, где растут дубы и красивые липы. Наши ученики должны каждый день по два часа в своем саду обрабатывать землю и не предаваться изнеженности"¹⁷⁹. По замыслам Обрадовича, новая школа с бесплатным обучением должна была сочетать образование с трудовыми навыками юношества. Ее целью было воспитание духовно свободного Человека.

Обрадович много сделал для развития начальной школы в освобожденной Сербии, при его участии была основана в 1808 г. Великая школа в Белграде, первое высшее учебное заведение здесь. Но создать школу, основанную на передовых педагогических принципах Просвещения, ему не удалось.

В период Просвещения у сербов началось складывание культурных институций, соответствовавших характеру духовной жизни наци-

нальной поры. Сама переходная эпоха, неблагоприятные условия развития сербов имели следствием тот факт, что новые формы деятельности переплетались с привычными способами доведения результатов профессионального творчества до рядового человека. Достижения национальной творческой мысли распространялись в основном среди сербов в Австрийской монархии, с большим трудом и в небольшом объеме они проникали к сербам за ее пределами.

В переходную эпоху наряду с новой социально неоднородной культурой продолжала существовать и развиваться старая культура, связанная с жизнью церкви, консервативных сил. На исходе века ее олицетворял властный митрополит Стефан Стратимирович. Это была сложная фигура, в позиции и творческом облике которой сочетались как непримиримость к свободомыслию, так и старания приспособиться к духу времени и патриотические черты. В 1814 г. митрополит добился от венгерского Наместнического совета запрещения “Басен” Обрадовича, переведенных на влашский язык¹⁸⁰. Православная церковь во главе с иерархом неистово отстаивала позиции церковнославянского языка в литературе как символ старины, хотя это сочеталось и с сознанием его международного значения. С другой стороны, митрополит был высокообразованным человеком с литературными и научными интересами.

Стратимирович имел прекрасную библиотеку, насчитывавшую в 1800 г. 1530 сочинений в 2487 томах по теологии, истории, географии, философии, экономике, медицине, математике и 266 разных географических карт¹⁸¹. Митрополит хорошо знал античную классику и западную литературу. Поклонник Оссиана, он в опубликованном анонимно стихотворном сочинении “Любосава и Радован, или Песни нравоучительные по начину простонародных сербских песней” (Буда, 1800) использовал язык, близкий народному, и приемы народной песни. Фольклоризм митрополита был внешней стилизацией, объяснявшейся стремлением возродить сербскую “древность”. Но подобные приемы, хотя они и не нарушили традиционного образа мышления, были в русле освоения сербской литературой новых форм. На рубеже столетий при дворе митрополита сложился круг интеллектуалов, интересовавшихся литературой и древностями¹⁸².

Церковь участвовала в наращивании общего объема культуры. Создавались и переписывались в фрушкогорских монастырях сочинения разных жанров о сербских святых, зографы писали по-старинке иконы. Из-под пера церковных деятелей вышли первые истории сербских монастырей, расширявшие исторические знания сербов. Церковно-учебная литература, предназначавшаяся для учащихся и простого народа, издавалась на языке, слишком к разговорной речи. Такая практика расширяла сферу употребления народного языка. В 1794 г. была основана богословская школа в Сремски-Карловцах. Церковные школы были призваны повысить образовательный уровень низшего духовенства и сохранить исторические корни культуры. В 1796 г. митрополичья библиотека в Сремски-Карловцах была открыта для публичного пользования. Церковная культура, носившая в целом консервативно-охранительный характер, в процессе развития обретала общенациональные и проявляла общечеловеческие черты.

В условиях жизни сербов, при слабости культурной базы, необходимости постоянного противостояния национальному давлению, патриархальности населения отношения Просвещения и уходившей корнями в средневековые культуры, частично освобождавшейся от воющих несоответствий духу времени, были сложными: от непримиримости и взаимоисключения до контактов и взаимодополнения.

Изменения в духовной жизни получили выражение и в тенденции к складыванию нового общесербского центра культуры в Австро-Венгерской монархии. Важным очагом духовной жизни оставались Сремски-Карловцы, столица православной митрополии. Но на рубеже XVIII — XIX вв. началось возвышение Нови-Сада, становившегося одним из самых значительных городов по сосредоточению сербской светской культуры.

Для сербов в силу неблагоприятных условий развития культурное значение имели также города за пределами территории их основного расселения. Это были Вена, Пешт, Триест. Здесь имелись колонии сербских торговцев, оказывавших материальную поддержку национальным начинаниям, издавались книги и газеты, сосредоточивалась сербская интеллигенция, училась молодежь, жили и трудились видные представители сербского Просвещения.

В Сербии города были военно-административными опорными пунктами османского господства. В условиях постоянных ограблений и унижений райи сербы в подавляющей массе жили в селах, вдали от городов и важных дорог. Центрами общественной жизни являлись крупные старинные монастыри. Самыми известными из них были Студеница, Дечани и Раваница. В праздники в отдельных монастырях собиралось по несколько тысяч человек. В Студеницу прибывали люди из разных краев Сербии, из Боснии и Герцеговины. В такие дни в монастырях шла бойкая торговля, народные певцы под гусли пели песни. Тут встречались знакомые, совершались разного рода сделки, велись неторопливые разговоры, проводились смотрины. В малых размерах это имело место и при старых церквях¹⁸³. Своего рода культурным центром в Западной Сербии был Трононский монастырь, который поддерживал связь с Карловачкой митрополией. Монастырь чтил косовские традиции. В монастырской школе получил начальное образование Вук Караджич. В условиях турецкого господства православные монастыри и отчасти церкви продолжали играть в сербском обществе связующую роль, притом их национальные контакты выходили за границы османской империи.

Национальная культура как новый исторический тип культуры формировалась у сербов неравномерно ввиду неодинаковых условий жизни народа в разных государствах. Ее ядро складывалось в рамках Австрийской монархии. Но она питалась живительными источниками со всей территории Балкан в виде этнического самосознания сербов, народного языка и бытовой культуры.

Просвещение, столь славно завершившее культурную историю сербов в XVII в., явило собой наивысшее выражение духовных возможностей народа той поры, хотя оно и не охватывало всего комплекса культурной жизни.

Сербское Просвещение воплотило в идеологической, художественной и научной сферах реальные интересы восходящих слоев общества, противостоявших средневековью и национальному угнетению. Связь Просвещения с земными потребностями части сербов, желавших основательных перемен, не была прямой и тем более видимой. Исходившие от этих кругов социальные импульсы опосредованно, преломляясь через социальную психологию и испы-

тывая неоднозначное воздействие внешних факторов, выливались в новые идеиные построения, эстетические искания и естественно-научное осмысление мира.

В отличие от Западной Европы, где общественная мысль Просвещения была отмечена заметной дифференциацией, соответствовавшей социальному составу прогрессивных сил, сербское Просвещение характеризовалось по социальному содержанию идеологической нерасчлененностью, хотя в нем и были разные оттенки. Его идеиный облик, отвечавший запросам формировавшегося гражданско-го общества, имел общедемократический освободительный характер.

Важной чертой сербского Просвещения был радикализм, но не в абсолютном смысле, с точки зрения глубины и решительности основных идей и практики, а относительный — в сравнении с духовным состоянием общества в предшествующий период, от чего Просвещение отталкивалось и чему противостояло. В сербских условиях Просвещение было антитезой позднему средневековью с его господством церкви в духовной жизни общества, аскетическими идеалами, застывшими формами художественного сознания. Барокко у сербов, не представляя самостоятельной идеиной системы, лишь смягчило переход от позднего средневековья к Просвещению. Оно расковало духовные силы общества, подвергло изменению элитарное (но не массовое, в подавляющей части патриархальное) сознание в направлении "обмирщения". Но коренная смена социальных и нравственных идеалов наступила у сербов с Просвещением. Сербское общественное сознание сделало гигантский шаг к обновлению, в этом и состояла радикальная сущность Просвещения.

В то же время ликвидация отсталости сербского народа предполагала^{*} сохранение традиций, так как перестройка духовной жизни патриархальных масс была невозможна без использования в той или иной мере присущих им вкусов, норм межчеловеческих отношений и ценностных ориентаций. Иначе крушение, разрушение вековых устоявшихся связей могло восприниматься затронутыми этими процессами людьми как распад общества, как утрата самого смысла жизни. Отсюда уживание в новой культуре свежих подходов к познанию жизни и ее истолкованию с отработанными художественными нормами, привычными взглядами, знакомыми приемами.

Сербское Просвещение было ориентировано на широкие слои общества, в своих лучших проявлениях — на крестьян. Это определило преобладание в нем не сложных философских конструкций или изысканных литературных форм, рассчитанных на высокий образовательный уровень и развитой эстетический вкус адресата, хотя проявления этой тенденции также имели место, но доходчивых для неискушенного читателя и зрителя по содержанию и непрятязательных по форме произведений воспитательного свойства. В трактовке передовых сербских мыслителей интеллектуализация и моральное совершенствование сербов приобретали всеобъемлющее значение как необходимая предпосылка, условие и путь достижения благоденствия и разрешения всех злободневных проблем. В таком широком, принципиальном аспекте идея “просвещения разума и облагораживания сердца” получала высокое социальное звучание, но одновременно и утопический характер. Это было необходимо, но недостаточное условие для реального преобразования жизни.

Художественная культура сербского Просвещения была привязана к конкретной действительности, в ней преобладало открытое решение вопросов сербского развития, она тяготела к общению с сербами на их родном языке. Облик художественного творчества определяли прежде всего сербские мотивы, оно было обращено к живой жизни, будь то мемуаристика или морализаторско-дидактическая проза, поэзия, прибегавшая к античной версификации или портретная живопись. Это были ведущие тенденции образного познания жизни.

Сербскому Просвещению были далеки высокопарные идеи мирового гражданства, отвлеченное героизированное искусство, хотя оно знало античные темы, как и абстрагированные от реальной эпохи образы. Драматичные события конца XVIII в. на Балканах, резкая смена надежд и разочарований сказывались на сербском общественном сознании, но усиливали скорее звучание национально-патриотической, нежели героической струны в нем. Классицистические принципы получили в сербском искусстве гладкое выражение, то сочетаясь с достоверным изображением жизни, то превращаясь в сложный комплекс разума и чувства, то асимилируясь с живописной колористической традицией.

Сербское Просвещение не было явлением с отвлеченной, созерцательной направленностью. Практическое изначально, оно содержало в себе действие. При всей терпимости, нацеленности на воспитание и гуманизацию общества сербское Просвещение признавало важность и обоснованность войн Австрии и России против Турции. Освобождение сербов от османского гнета мыслилось насильственным путем. Не потому ли Досифей Обрадович столь безболезненно вошел в жестокую атмосферу повстанческой Сербии, хотя именно "благораживание" "милого рода" оставалось его заветной мечтой и целью. Вместе с тем соединение Просвещения с сербской революцией было показателем кризиса просвещенных принципов.

Если русское Просвещение, его вершины и достижения питало сопротивление крепостному праву, то сербское Просвещение испытывало давление обстановки на Балканах. В Австрийской монархии реформы "просвещенного" абсолютизма до некоторой степени облегчили экономическое и общественное развитие, и сербские торговцы лихо зарабатывали на коммерческих операциях. Кипевшие против политики Иосифа II в дворянской Венгрии и Хорватии страсти не захватили сербов, хотя православное духовенство и крестьянство по разным причинам переживали недовольство, и встретили со стороны сербской общественности противодействующую волну йозефинистских иллюзий. Но с Балкан по невидимым каналам до лучших умов доходили боль и страдания задавленного народа. Программа сербского Просвещения в первую очередь была ориентирована на сербское общество в Австрийской монархии, но ее энергический дух, наступательность и страстность имели истоками невыносимые условия жизни униженной рабыни на Балканах.

Результатом развития культуры сербского народа в XVIII в. была ее стадиальная синхронизация с уровнем общеевропейского культурного процесса. Речь идет о типовых признаках национальной культуры, хотя складывавшаяся сербская национальная культура, неповторимая в своей самобытности и оригинальности, по ряду аспектов была менее зрелой и самостоятельной в сравнении с национальными культурами более продвинувшихся в общественном развитии европейских народов.

ГЛАВА V

СЕРБСКАЯ КУЛЬТУРА В ПРОЦЕССЕ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

Сербы и Западный мир

Переход к Новому времени обусловил серьезные изменения в исторически сложившейся системе культурных связей сербов с другими народами. В последних десятилетиях XVIII — начале XIX в. участились и расширились контакты сербов с духовной жизнью Европы. Они получили более широкую социальную основу и новый импульс под знаком прогрессивных идей.

На основе потребностей общественного развития представители сербского Просвещения пришли к осознанию необходимости не только защиты национального культурного достояния, но и его приумножения и обогащения путем освоения мировых культурных достижений, а также внесения национального вклада в мировую культуру. Досифей Обрадович писал, что народы, которые упорно держатся старых принципов и не используют опыт “других ученых и просвещенных народов”, “остаются вовек в крайней и достойной оплакивания темноте”¹.

Деятели сербского Просвещения проявили новый подход к достижениям мировой цивилизации и их освоению. Ранее религиозный фактор имел решающее значение в культурном взаимодействии сербов с другими народами. Даже ближайше родственные югославяне недостаточно знали однодиалектную литературу друг друга, если она принадлежала к разным конфессиям. Отныне на смену религиозным узам выдвинулся принцип соответствия идей стадии и уровню общественных потребностей, а для искусства — и общность художественного метода. Наряду с церковными упрочивались светские культурные связи.

Возрастающие духовные запросы, массовые антиосманские настроения, с одной стороны, и политика австрийского правительства,

направлявшая сербские культурные интересы в сторону Вены, с другой — наносили отпечаток на связи сербов в области культуры прежде всего с народами Австрийской монархии и Балкан.

В рассматриваемое время у сербов появился интерес к новым явлениям в культуре ближайше родственного хорватского народа. В 1793 — 1794 гг. Ст. Новакович в календарях и газете "Славенно-сербский ведомости" напечатал кириллицей несколько песен из книги Качича-Миошича "Приятная беседа славянского народа"². В 1793 г. С. Раич, учитель в Осиеке, "перевел" на "просто сербский язык", а по существу перездал церковной кириллицей поэму представителя хорватского Просвещения А. М. Рельковича "Сатир или дикий человек" (Дрезден, 1762; Осиек, 1779), написанную на штокавском диалекте, общем для разговорной речи сербов и хорватов. Книга встретила хороший прием, так что в 1807 г. вышло новое издание. Эти факты имели важное значение, открывая перспективу культурного взаимодействия сербов и хорватов на новых основах.

Сербская культура расширяла свои контакты внутри Австрийской монархии, хотя в определенной мере они были вынужденными. В XVIII в. в Вене было издано 220 сербских книг, в Буде — около 80³. Их оформляли в конце столетия немецкие граверы. Сербы получали образование в учебных заведениях Австрии, Венгрии и Словакии. Эм. Янкович был связан с Прагой. В книжных лавках Нови-Сада во множестве продавались издания на "валахийском" языке. Ст. Новакович печатал в своей типографии книги на нем. Многоязычный характер носили рукописные городские сборники. Связи сербской культуры с духовной жизнью Австрийской монархии и Балкан были отмечены новыми чертами, которые в одних случаях исходили от Просвещения, в других — были результатом его влияния.

Однотипность назревших задач определила обращение передовых сербских деятелей к западноевропейскому Просвещению. При этом сложность общественной ситуации, в которой находились сербы, национальный гнет усиливали значение избирательного принципа при восприятии ими европейского культурного фонда. Передовые сербы проявляли интерес не только к современному им западному культурному опыту, но также к гуманистическому наследию Ренессанса.

Важное место в творческом освоении сербскими деятелями цен-

ностей западного Просвещения занимали восприятие идей и художественных приемов и создание на их базе самостоятельных произведений. Творчество Обрадовича в значительной мере опиралось на прогрессивную европейскую мысль. Тесно связан был с западной философией и литературой духовный мир Мушкатировича и Янковича, Соларича и Стойковича. Идейные заимствования из западного Просвещения, творчески переработанные в соответствии с условиями жизни сербов, поднимали сербскую интеллектуальную жизнь на общеевропейский уровень, хотя степень зрелости и глубины постижения национальными мыслителями назревших исторических задач не всегда была адекватной первоисточнику.

Распространенной формой контактов представителей сербского Просвещения с западными культурами были переводы, компиляции, свободная интерпретация произведений европейских авторов. Сербские писатели щедро цитировали их сочинения. Переложения морализаторско-дидактических произведений, перевод с элементами адаптации, выборка текстов из учебных пособий — эти способы приближения западной литературы к сербам диктовались интеллектуальным уровнем читательской публики, необходимостью ее подготовки к восприятию “высокой” философии, науки и литературы на упрощенном и доступном рядовому сознанию материале.

Взаимодействие сербской культуры с Западом протекало также под знаком проникновения в сербское искусство эстетических принципов классицизма, просветительского реализма и сентиментализма. Овладение новым поколением писателей и художников всей палитрой художественного воспроизведения действительности, характерной для европейского Просвещения, было путем выведения сербской литературы и изобразительного искусства на мировую арену. Однако этот путь, начало которому было положено еще носителями барокко, был сопряжен для сербов с большими трудностями, проистекавшими из всего комплекса жизненных условий, осложненных патриархальными традициями затянувшейся духовной изоляции от католического Запада.

Сербские авторы обращались к французской философии, художественной и научной литературе. Еще Орфелин и Юлинац в работе над историческими сочинениями привлекали французскую

историографию. О творческой деятельности Обрадовича говорилось выше. В своих произведениях и письмах, помимо указанных ранее авторов, он упоминал или цитировал Ф.Вийона, Ж.Л.Даламбера, Ж.Мольера, М.Монтеня, Ж.Ж.Руссо и др. Раич и Мушкатирович опирались на труд выдающегося византолога Дюканжа. Янкович в “Физическом сочинении” ссыпался на Декарта и полемизировал с известным натуралистом Бюфоном.

Национальный вопрос оказывал серьезное влияние на взаимодействие сербов с немецкой культурой. В условиях германизации и постоянного давления со стороны католической церкви имело место “отталкивание” сербов от официальной культуры австрийских немцев. С другой стороны, реальные условия жизни сербов в габсбургской монархии, знание образованными сербами немецкого языка способствовали активному освоению передовыми деятелями сербской культуры богатства немецкой мысли и художественной практики. Не удивительно, что Обрадович познакомился с положениями европейского Просвещения раньше всего в немецком варианте. В его сочинениях упоминались немецкие поэты М.Х.Виланд, Х.Ф.Геллерт, романист А.Халер, драматург А.Коцебу, историк искусства Й.Г.Сулцер, историк Т.М.Шрёк, физики Г.Х.Раф и Борн, популярный философ Апт и др.

Интерес к немецкой литературе, философии и историографии проявляли и другие деятели сербской культуры, придерживавшиеся разных взглядов и общественных позиций. С немецкого переводили С.Новакович, Эм.Янкович, Г.Терлаич, М.Максимович, А.Мразович, Й.Раич, темишварский епископ Петар Петрович, А.Деметрович Секереш. В последних десятилетиях XVIII — начале XIX в. вышли переводы сочинений И.Фелбигера, Й.Энгеля, Ф.Штарка, К.Ф.Геллерта, С.Гесснера. Й.В.Айбла, К.Ф.Виланда, Л.Гепхарди. Сербы нередко пользовались немецкими изданиями произведений других европейских авторов⁴, прибегали к немецким образцам при создании своих сочинений. Хотя переводческая деятельность была важным показателем контактов сербской и немецкой культур, она в полной мере не отражала их взаимодействия. Так, немецкая версификация оказала влияние на сербскую поэзию. В ходу были немецкие учебники и т.д.

Досифей Обрадович был первым сербским мыслителем и писате-

лем, который обратился к английской философии и литературе. Он включил в свои произведения имена Дж.Локка, Ф.Бэкона, Дж.Свифта, Ф.Честерфилда, С.Ричардсона, Дж.Аддисона, В.Нокса, И.Ньютона и др.⁵. Обрадович неоднократно с глубоким уважением высказывался о главе “северных гуманистов” эпохи Возрождения Эразме Роттердамском. Он называл Х.Колумба и Г.Галилея, Н.Коперника и Ф.Петрапку.

Столь широкий охват сербскими просветителями западных авторов свидетельствовал о хорошем знании ими европейской философии, литературы и науки. Это были значительные имена, составлявшие гордость человечества, но также второразрядные авторы, известные в свое время, но забытые потомками. Цитирование или упоминание философов, писателей, ученых разных эпох, народов и направлений не только повышали информативное наполнение сочинений сербских просветителей, но и усиливали аргументацию Просвещения, придавали новой сербской литературе и науке европейские черты.

В поле зрения сербских писателей были не только достижения европейских мыслителей и ученых, но и народная культура. В книгах Обрадовича и его современников приведено множество пословиц и поговорок с разных языков.

Западноевропейская жизнь стала предметом литературного изображения. Это касалось второй части “Жизни и приключений...” Досифея Обрадовича. Сербская естественно-научная мысль включила Европу в сферу своего внимания. Большое место ей было уделено в географии П.Соларича. Сложилось понимание необходимости ознакомления сербов со всемирной историей. Просвещенческий принцип “всемирности”, вытеснявший теологический универсум, открыл путь к реальному сближению сербов с другими народами.

“Иностранные приключения” занимали важное место в газете “Славенско-сербские ведомости”. Она давала информацию о событиях в странах Западной Европы, касаясь иногда также Северной Америки, Южной Индии и Марокко. 1793—1794 годы были временем нарастания революции во Франции, формирования всеобщей коалиции против нее и войны в Европе. Этот круг событий был в центре внимания сербской газеты, черпавшей информацию из австрийской официальной печати и следовавшей ей в оценке происходо-

дящего. "Ведомости" давали широкий спектр сведений о внутриполитической жизни в западных странах, военных действиях, торговых договорах и финансовой ситуации, содержали светскую хронику. Газета уделяла много внимания дебатам в английском парламенте, ходу событий во Франции, в частности подробно описывала казнь Людовика XVI и Марии Антуанетты, работу Конвента, убийство Марата, восстание в Вандее и др. В заметке "Из Хамбургских штатских и ученых ведомостей" была напечатана песня в честь Ж.Ж.Руссо, исполнявшаяся при перенесении его останков в Пантеон. В 1794 г. "Ведомости" регулярно сообщали о военных действиях на территории Польши в связи с восстанием поляков под руководством Т.Костюшко. В газете приводилось множество имен государственных деятелей, дипломатов, военачальников и т.д. Газетная информация существенно расширяла представления сербов о Западной Европе, хотя формировало общественное мнение в этой части в соответствии с позицией австрийских правящих кругов.

Связи сербов с Западной Европой в области культуры выражались также в печатании сербскими авторами книг в зарубежных типографиях, выпуске двуязычных словарей и учебников западноевропейских языков, продаже книг на немецком и французском языках в книжных лавках Нови-Сада и т.д.

В свою очередь в западном литературном и научном мире начал проявляться интерес к народному творчеству югославян и новым явлениям в их культуре. Аббат А.Фортис в своей книге "Путешествие по Далмации" (1774) напечатал в переводе на итальянский язык югославянскую мусульманскую песню "Хасанагиница". В 1778 г. немецкий философ и писатель-просветитель И.Г.Гердер включил ее в переводе И.В.Гете в свое собрание мировой народной поэзии⁷. Об устном народном творчестве сербов упоминал немецкий историк Энгель. Получили научное признание за пределами Австрийской монархии работы А.Стойковича и Эм. Янковича. "История" Раича вызвала интерес научного мира, в том числе Шлётцера, Гебхарди, Добровского, Дуриха. Шел процесс взаимного ознакомления на новом уровне и духовного сближения сербов и западноевропейских народов.

Европейская атмосфера всеобщего преклонения перед непреходящей красотой античного искусства оказала влияние на сознатель-

ное обращение деятелей сербского Просвещения к классике, осмысление путей и форм овладения ею. Оно было подготовлено знакомством сербской средневековой литературы через византийскую традицию с древнегреческой философией, историей, литературой, античной терминологией и мифологическим реквизитом. Сыграли свою роль также риторика и поэтика латинских школ первой половины века⁸. Как уже отмечалось, самым крупным знатоком античного наследия был у сербов в XVIII в. Досифей Обрадович. В 1799 г. появились первые сербские переводы сочинений древнегреческих философов. Д. Николаевич Дарвар перевел произведения Кебета Тивейского и Эпиктета.

На пути постижения сербами богатства мировой цивилизации деятелям Просвещения с их идеалами духовной свободы, терпимости и естественного равенства людей принадлежала поистине революционная роль. Они раздвинули конфессиональные рамки культурного взаимодействия сербов с другими народами и открыли безграничные горизонты обогащения многовековым культурным фондом Европы.

Обращение сербских мыслителей, писателей и ученых к интеллектуальному и художественному богатству Запада не только насыщало творческий процесс, подготовленный к новым формам в ходе исторического развития сербов, адекватными общественным потребностям идеями, художественными приемами и научной методикой, но и делало его более живым и многоцветным. Учащение связей с католическим миром сказывалось на формировании национального сознания сербского общества в плане более четкой антитезы "мы — они". Опыт западноевропейских народов, отходивших от латинского языка и разрабатывавших национальные литературные языки, убеждал представителей сербского Просвещения в необходимости и целесообразности литературно-языковой реформы. Расширение контактов с Западом способствовало развитию сербского книжного рынка. В процессе культурного обмена участвовали и сербские деятели, принимавшие лишь отдельные элементы Просвещения или вовсе стоявшие на консервативно-охранительной позиции. При всех отличиях восприятия ими западной Европы они усиливали духовное взаимодействие сербов с внешним миром.

Сербы и Россия

Во второй половине XVIII в. новые исторические задачи, вставшие перед русским и сербским народами, изменение международной обстановки на Балканах определили существенные перемены в русско-сербских отношениях. С 60-х годов активизировалась балканская политика России. Преследуя свои интересы, она вместе с тем добивалась на международной арене ограничения власти Порты над угнетенными народами как важного условия ослабления султанской Турции. Успешные войны России против нее, заступничество петербургского правительства за христиан перед лицом Порты и закрепление в мирных договорах его права "покровительства" Молдавии и Валахии — все это означало усиление влияния России на Балканах и создавало особую психологическую атмосферу в этом регионе. Эффективность балканской политики России была особенно заметной на фоне неудачных войн Австрии против Турции, следствием которых неизменно были массовые расправы османов над рабами. В рассматриваемое время общность интересов сербов и России в борьбе против султанской Турции получила выход на реальную практику.

Российское правительство рассматривало христианские народы Балкан как союзников в русско-турецких войнах. Россия проявляла также интерес к расширению торговых связей с югославянскими землями. Официальные круги продолжали поддерживать и переселенческое движение югославян в Россию, рассчитывая использовать их для решения хозяйственных и военных задач⁹.

В свою очередь в русском обществе под влиянием русско-турецких войн, с одной стороны, и развития национального самосознания, с другой — пробуждался интерес к жизни, культуре и борьбе родственных, в том числе сербского, народов. Так во второй половине XVIII в. вступили в действие новые факторы, расширявшие и углубившие российско-сербские связи.

В основе отношения сербов к России лежала потребность решить в опоре на нее жгучие вопросы жизни. Сербы под властью Порты постоянно связывали с ней надежды на защиту от турецкого гнёта и на освобождение¹⁰. Сербское население в Австрийской монархии

обращало свои помыслы к России как опоре в борьбе за сохранение самобытности, источнику моральной и материальной помощи. При этом политически мыслящие сербы в Австрийской монархии, у которых, при всем различии их общественных позиций, всегда жило сознание сопричастности к судьбам Сербии, в своем отношении к России исходили не только из австрийской, но и из общебалканской ситуации в целом. “Сербская нация горко плачет, плачет, плачет, горко рыдает и слезы проливает”, — так образно представил епископ Бачки Й. Йованович тяжкую участь сербов в обращении к Александру I в 1804 г., набрасывая проект воссоздания “сербского царства” на Балканах с помощью и под покровительством России¹¹. Освободительные планы касались земель, находившихся под властью Турции, но их избавление от османского ига должно было стать залогом изменения условий жизни всех сербов. Все это определяло стремление сербов к укреплению всевозможных контактов с Россией. В глубине взаимного тяготения заключалось существенное отличие русско-сербских связей от контактов сербов с западным миром.

Однако реально русско-сербские взаимоотношения выступали не изолированно, но складывались в сложном комплексе международной обстановки на Балканах. Существенное влияние на них оказывала позиция Габсбургов. Несмотря на союзнические отношения с петербургским правительством, особенно во время войн с османской Турцией, венский двор, соперничая с Россией на Балканах, направлял усилия на ослабление российско-сербских контактов. Франц II особенно ограничил связи с ней своих подданных. Потребности сербского и русского народов в сближении и взаимодействии корректировались политическими интересами австрийского правительства.

Русско-сербские культурные взаимоотношения испытывали влияние процессов, протекавших в разных сферах жизни. В результате интенсивной эмиграции югославян с середины XVIII в. в Россию здесь сложились многолюдные колонии переселенцев из Австрийской монархии и с Балкан. Некоторые из них заняли видное положение в государстве. Сербы-эмигранты хранили своеобразные черты бытовой культуры, наиболее образованные среди них участвовали в развитии национальной литературы. В то же время протекал процесс включения их в российскую культурную жизнь.

Переселенцы выступали живым воплощением русско-сербских культурных связей.

К концу столетия существенно изменилась литературно-языковая ситуация как у русских, так и у сербов, что в свою очередь наложило отпечаток на культурные отношения между ними. М.В.Ломоносов, А.Н.Радищев, Н.М.Карамзин заложили основы современного русского литературного языка. У сербов отчетливо обозначился процесс перевода литературного языка на народно-речевую основу. Эти обстоятельства углубили перестройку русско-сербских литературных отношений, которые ранее опирались на православную идеологию, на церковнославянский и архаичный русский языки. Отныне общая устарелая основа утрачивала свое значение, хотя у сербов продолжали издаваться произведения на церковнославянском и русском языках. Литературные связи получили облик, соответствовавший задачам национального развития. Сербский культурный фонд на церковнославянском и русском языках, столь сближавших ранее письменность сербов и русских, в лучшей своей части становился наследием новой сербской культуры, он заключал в себе протянувшуюся сквозь века нить тесного русско-сербского культурного взаимодействия.

В последних десятилетиях XVIII в. в славянском мире в связи с формированием отдельных наций, тем более в условиях угнетения, ожило и обрело новое звучание исконное сознание славянской общности. У сербов мысль об их родстве с другими славянами выражалась в литературе и историографии в понятиях “славяносербский народ”, “славяносербская нация”, “славяносербский язык”. Началось теоретическое осмысление славянства и места в нем сербов в мировоззренческом комплексе, не связанном конфессиональными рамками и заключавшем в себе возможность продвижения в познании славянского мира на основе языкового родства.

Все указанные обстоятельства создавали сложный фон культурного взаимодействия сербов с Россией. Просвещение представляло наиболее прогрессивную линию этого сотрудничества, но полностью его не покрывало.

В последних десятилетиях XVIII в. важную роль в контактах сербов с Россией в области культуры продолжала играть православная

церковь. Карловацкая митрополия, как и прежде, искала в лице единоверной России поддержку в защите православия и своих позиций. На Балканах в свою очередь нарастали серьезные противоречия между местной церковью и греческим Константинопольским патриаршеством, что было частью перемен, наметившихся в национальной жизни балканских народов. Тяжесть власти Порты и патриаршества, необходимость борьбы с мусульманством и католицизмом побуждали местную православную церковь в разных краях Балкан к ориентации на Россию. В условиях жизни сербов православная церковь как организация по ряду аспектов жизни отражала общесербские интересы. Это касалось и ее постоянного тяготения к России.

Формы церковных связей были многообразны. Как и в прежние годы, сербские монастыри получали из России денежную помощь, книги, утварь. В 1782 г. Синод выдал монастырю Раванице "жалованья" в размере 1190 руб.¹². Й. Раич, С. Вуяновски "переводили" российские церковно-проповеднические сочинения, осуществляясь также перепечатка русских церковных книг. Представители сербского духовенства посещали Россию. Дважды бывал здесь Г. Зелич. Он обучался в Киево-Печерской лавре живописи. Будучи архимандритом известного в Далмации монастыря Крупы, он вновь в 1786 г. ездил в Россию с целью сбора материальных средств. Зелич был принят представителями русской знати, с помощью которых собрал сумму в 1500 руб.¹³. Архимандрит получил также церковные книги и дорогие подарки. В конце жизни он написал мемуарно-автобиографическое сочинение, в котором изложил, в частности, свои впечатления о России¹⁴.

В конце XVIII в. молодые сербы из габсбургской монархии, Далмации и с Балкан по-прежнему легально и нелегально уезжали учиться в российские семинарии и духовные академии. Среди них был Павле Кенгелац. По окончании петербургской семинарии он продолжил образование в университете в Галле, где изучал право и естественные науки. Высокообразованный Кенгелац оставил заметный след в сербской культуре своими трудами по всемирной истории и естествознанию. Однако, оказавшись в немилости у митрополита Стратимиевича, он пережил драматическую судьбу¹⁵.

Сам Стратимирович, натура честолюбивая и противоречивая, поддерживал контакты с Россией. Он получал книги, газеты и даже доверительные сообщения из России, общался с русскими людьми. По российскому образцу митрополит организовал учебный процесс в основанной им в Сремски-Карловцах семинарии¹⁶. С началом Первого сербского восстания при всей подчеркнутой приверженности австрийскому двору он имел в виду Россию как союзницу сербов¹⁷.

Общественное воздействие культурных контактов сербов с Россией под эгидой православной церкви было сложным. Эти связи носили устойчивый характер, хотя их историческое значение с выступлением на общественную арену новых социальных сил постепенно снижалось. Церковные контакты создавали впечатляющий фон вечно живой традиции. С другой стороны, на исходе столетия они служили поддержанию консервативных устоев духовного мира сербов, нейтрализации будораживших умы и сердца страстных обличений и призывов сторонников Просвещения, направлению образовательного процесса в нужное для церкви русло. Но в землях под властью Порты, при сохранении сербами патриархальных устоев жизни, в условиях произвола османов, угрожавших самому существованию христиан, церковные связи с Россией еще долго сохраняли для угнетенных народов особое значение, не только культурное, но и политическое.

Как ни живыми были церковные связи, перспектива русско-сербских культурных взаимоотношений была связана со светскими контактами. Они были неоднозначны. Имели место связи в соответствии с устоявшимися представлениями сербов о России. Такими были обращение Раича к драме Козачинского, пение российских кантов, посещение С.Текелией, человеком консервативных убеждений, России с личными целями. Его путешествие получило отражение в мемуарах, вышедших в свет в начале XIX в.¹⁸. Вместе с тем набирали силу российско-сербские культурные отношения, отмеченные новым взаимопониманием и служившие прогрессивным общественным идеалам.

С 60-х годов XVIII в. на первый план культурного развития сербов начала выдвигаться национальная интеллигенция, которая выразила и реализовала в области культурных отношений новые

запросы общества. Большой вклад в развитие русско-сербских творческих контактов внес З.Орфелин. Он был переходной фигурой в процессе смены исторических типов культуры. В области связей с Россией характер его деятельности проявился в противоречивости подхода к российскому материалу. Он следовал традиции, когда брал из арсенала русской культуры готовые формы для обогащения духовного развития сербов. Вместе с тем принципиальное отличие его практики состояло в том, что он обращался к свежим явлениям русской умственной и художественной жизни. В историческом труде о Петре I Орфелин впервые у сербов выразил понимание России как страны, преобразованной на основе знаний и использования европейских достижений. Это имело значение не только в плане развития сербского общественного сознания, но и для ориентации русско-сербских отношений в направлении решения актуальных вопросов сербской жизни. На русском материале сербская историография заявила о себе на уровне науки. Она становилась фактором углубленного взаимопознания сербского и русского народов. Иллюстрации Орфелина на русские темы к труду о Петре I стали вершиной сербского графического искусства XVIII в.

Творческие контакты сербов с Россией получили новый импульс благодаря деятельности Досифея Обрадовича и его круга. Глава сербского Просвещения своим творчеством значительно раздвинул горизонт общественного видения сербов, ломая традиционную изолированность их от католического культурного ареала. При этом в поле зрения сербского писателя постоянно и непреложно, вопреки австрийскому официальному курсу, находилась Россия со всей притягательной мощью ее общественной мысли, культуры и балканской политики. Обрадович был связан с Россией, в той или иной форме, на протяжении всей жизни. Но если в 50-е годы он воспринимал ее сквозь призму церковно-проповеднической литературы, то с начала 80-х годов — под углом зрения идеалов Просвещения.

Закладывая основы глубокого преобразования духовного мира сербов, Обрадович поставил и наметил решение принципиальных вопросов культурного развития, в том числе вопросов об отношении к наследию, церковнославянской языковой и литературной традиции, о культурном взаимодействии сербов с другими народами и др.

Так или иначе они касались отношения к России. Потребность использования инонационального опыта в свою очередь побуждала к осмыслению прежде всего практики русского народа, принадлежавшего к той же, что и сербы, православной культурной сфере и переживавшего в XVIII в. схожие духовные процессы. “И то, что в наши времена просвещение за одно столетие больше, нежели в древности за шесть, преуспеть может, — писал П. Соларич, — нам свидетельствует Россия”¹⁹. Она представляла как наиболее близкая и понятная сербам модель преобразования общества.

Как уже отмечалось, русская общественная мысль, особенно Духовный регламент Петра I, оказала влияние на зарождение рационализма у сербов, содействовала формированию критического взгляда в церковно-религиозном вопросе и понимания общественной важности народного образования. Но в соответствии с уровнем сербского общественного развития и духовным климатом конца XVIII в. Обрадович в своих сочинениях пошел дальше в критике церковных порядков и существующей религии, нежели Феофан Прокопович в законодательном акте, отражавшем российские условия первой четверти XVIII в. И цели критических выступлений в том и другом случае были разными. Порицание отдельных явлений церковной жизни в Духовном регламенте 1721 г., хотя и отражавшее некоторую “секуляризацию” мысли, было направлено на укрепление идеологического и организационного единства православной церкви в разных частях России и тем самым на внутригосударственное сплочение ее обширной территории. Оно сочеталось с ущемлением привилегий духовенства в пользу государственной власти. Обрадович же, подвергая критике православную церковь у сербов, сковывавшую их духовное развитие, стремился научить соплеменников “обо всякой вещи зело и разумно мыслить”²⁰. Для Обрадовича это было частью борьбы против старины, нормативности, за обновление жизни.

Были и другие точки тематических соприкосновений и идейных расхождений в сочинениях Прокоповича и Обрадовича. В Регламенте и Букваре Феофан Прокопович ставил вопрос об издании книг для простого народа, написанных “просторечием”, с истолкованием вероучения²¹. Обрадович пришел к более широкому и глуб-

бокому пониманию проблемы — литература и народ, ставя перед литературой задачу нести “свет разума вплоть до простых крестьян и до последних пастушеских хижин”²².

Регламент, нацеливавший на создание в России Академии и библиотеки, а также семинарий, училищ, школ, включал подробную разработку содержания и методов обучения в них. Педагогическая тема занимала значительное место и в сочинениях Обрадовича. Но в вопросе содержания обучения и воспитания молодежи его взгляды серьезно отличались от позиции Прокоповича, как разнились их концепции человека. Из Регламента Обрадович впервые мог узнать такие понятия, как “здравое учение”, “добро общее”, “польза людская”, но вложил в них общедемократический смысл²³.

Национальная и культурная ситуация у сербов побуждала Обрадовича и его последователей к углубленному осмыслению истории, современного положения, состояния культуры русского народа. Обрадович не писал специальных работ о России, но в своих основных сочинениях он неоднократно обращался к ее прошлому и настоящему. Сербский мыслитель сознательно и целенаправленно подчинял русский материал задаче духовного подъема сербского народа.

Уже в начале писательской деятельности в духе Просвещения Обрадович проявлял осведомленность о состоянии литературно-языкового вопроса в России. В 1783 г. в “Письме Харалампию”, отстаивая необходимость и целесообразность введения единого литературного языка для сербов на народно-разговорной основе, он писал: “Московитяне все свои лучшие книги на своем диалекте и гражданскими буквами печатают”²⁴. Учитывая культ России среди сербов, Обрадович опирался на русский, а также и западноевропейский опыт литературно-языкового развития для обоснования своей программы преобразования сербской культуры.

В сложной литературно-языковой ситуации к российскому материалу для обоснования своей позиции прибегали не только сторонники народного языка в литературе, но и защитники церковнославянского. “Но есть в России, — писал Й. Раич в “Истории”, — и другой особенный чистый называемый своим именем язык славенский, который во общем разговоре не употребляется, но есть точно церковный, и священная писания ово за славу, чистоту

и древность языка, овоже за славу божия слова (тако якоже еврейский и елинский) и вся церковная пения и молитвы на нем печатаются, яко да вси обще уразумети могут²⁵. Иллюзорные представления о слитности России и церковнославянского языка, столь же древнего якобы, как еврейский и греческий, еще многие и многие годы будут удерживать часть сербской интеллигенции от разрыва с церковнославянским языком.

Сам Обрадович в писательской практике прокладывал путь созданию единого литературного языка у сербов, подобный тому, каким шло развитие русского национального литературного языка. Русскому примеру следовал он, издавая свои сочинения гражданским шрифтом. В отличие от Орфелина, который наряду с гражданской азбукой печатал свои сочинения и церковной кириллицей, Обрадович перешел на гражданский шрифт полностью и бесповоротно.

Чрезвычайно важным обстоятельством, наложившим печать и на творчество, а затем и на политическую деятельность Обрадовича было понимание им положительных результатов политики России для подвластных Турции народов. Неослабный интерес сербов к русской воинской славе получил выражение также в аллегорической поэме Й. Раича, в переводе Н. Лазаревичем с немецкого на славяносербский язык "Повести жития славного и победоносного российско-императорского Фельдмаршала Графа от Суварова Римникской" (Буда, 1799).

Отношение сербов к России выражалось и в поэтических произведениях, прославляющих лиц царствующего дома. В 1800 г. в Буде анонимно вышло сочинение, содержавшее "восклицания и всеобщая желания" по случаю бракосочетания венгерского палатина Иосифа и великой княгини Александры Павловны. Терлаич тогда же издал "Славопение... Александре Павловне" в связи с ее прибытием в Буду. Молоденькая княгиня, очень рано, однако, завершившая свой жизненный путь, импонировала сербам не только как лирическое олицетворение России; с ее появлением на венгерском олимпе были связаны робкие надежды на ее покровительство единоверным сербам.

На протяжении всей жизни Обрадовича привлекали эпоха и личность Петра I. Интерес к выдающемуся государственному деятелю России зародился у него еще в монастыре Хопово. В первой

части “Жизни и приключений...” упоминается “российская история”, из которой Обрадович, будучи монахом, почерпнул сведения о Петре²⁶. Это, по-видимому, относилось к посвящению Петру I, которым Бужинский предварил свой перевод “Феатрона” Стратемана²⁷. В процессе идейного развития внимание Обрадовича к Петровской эпохе усилилось и ее понимание углубилось. Российская историческая практика рассматривалась писателем под углом зрения потребностей и задач сербского общественного развития.

Вслед за Орфелиным Обрадович уделил основное внимание преобразовательной деятельности Петра I. В автобиографическом сочинении, обращаясь к его церковным реформам, он отмечал: “Кто читал российскую историю, мог узнать, сколько стараний приложил премудрый и великий царь Петр, чтобы уменьшить в своем царстве количество монастырей и скитов; он лишил их всех сел и имений и в тех, которые он был вынужден на время оставить, навел надлежащий порядок и подчинил их регламенту”²⁸. Обрадович подчеркивал крутое изменение Петром I уклада жизни монастырей. Особое внимание он обращал на частичную секуляризацию монастырских недвижимостей и установление контроля государства над всем имуществом монастырей, в результате чего прежние хозяева лишились права распоряжаться им.

Обрадович остановился на одном направлении церковной политики Петра I, а именно: на ослаблении влияния монастырей. В действительности реформа Петра I была шире, она касалась положения православной церкви в целом и преследовала цель беспрекословного ее подчинения светской власти. Обрадович преследовал конкретные практические задачи. Писатель использовал авторитет Петра I, чтобы убедить сербов в бесполезности православных монастырей и необходимости, если не полной их ликвидации, то по крайней мере сокращения их численности, секуляризации земель упраздненных монастырей и упорядочения монастырской жизни.

Й.Мушкатирович в книге “Краткое размышление о празднице” также использовал материал русской истории, ссылаясь на петровскую политику в отношении церкви в качестве аргумента для доказательства своего положения о необходимости уменьшения числа православных церковных праздников²⁹.

Критической позиции Обрадовича особенно близка была неприязнь Петра I к предрассудкам. Писатель обращался к его практике, отвращая соплеменников от поклонения иконам, мощам и "священным" реликвиям³⁰.

Обрадович полностью одобрял преобразовательную политику Петра I в церковной сфере. Но при этом его исходные позиции были иные. Утверждение абсолютизма в России, бюрократизация государственного аппарата были несовместимы с огромной ролью церкви, могущественное влияние которой определялось не только ее идеологическим воздействием, но и огромными богатствами, которыми она обладала. Петр I подчинял церковь своей власти, лишая ее прежних преимуществ, чтобы превратить в послушное орудие абсолютизма. Отношение же Обрадовича к православной церкви определялось назревшей потребностью секуляризации общественного сознания и всей жизни сербов и идеологически подкреплялось постулатами рационалистической философии. В понимании Обрадовичем церковной реформы Петра I было два аспекта. Сербский мыслитель, руководствуясь общими мировоззренческими принципами, положительно оценивал реорганизацию церковного управления в России. Одновременно он мысленно прилагал эти преобразования и к сербским условиям, находя опыт Петра I плодотворным также для сербского общества.

В поле зрения Обрадовича была военная реформа Петра I, первое его преобразовательное дело и наиболее важное по своим последствиям для страны. "Карл XII, — писал Обрадович, — был счастлив против Петра Великого, пока тот не научил свое войско как следует воевать, и тогда он пропал"³¹. В этом немногословном высказывании сербского писателя раскрываются связи петровской реформы с Северной войной, ее содержание — создание обученной и боеспособной армии, и глубокое воздействие на дальнейший ход событий — военные успехи России, победу над Швецией.

Говоря в "Баснях" о петровской реформе армии, Обрадович подчеркивал важность знаний, обучения, образования во всех сферах жизни общества. В этом смысле его высказывание перекликалось с пафосом Духовного регламента. "Известно есть всему миру, — говорилось в нем, — каковая скудость и немощь была воинства рос-

сийского, когда оное не имело правильного себе учения, и как несравненно умножилась сила его, и надчаяние велика и страшна стала, когда державнейший наш монарх, его царское величество Петр I обучил оное изрядными регулями”³².

В “Баснях” же Обрадович вскользь упомянул и об административной реформе Петра I. “Царь Петр Великий, — писал он, — учредил закон, чтобы на должности избирались добродетельные и образованные”³³. Действительно, петровский Указ 1699 г. о городской реформе, которая положила начало административным преобразованиям, предусматривал выбор городскими жителями из своей среды “добрых и правдивых” представителей в органы городского самоуправления. Регламент, или Устав Главного магистрата, от 1720 г. устанавливал выбирать в состав магistratorов “первостатейных, добрых, пожиточных и умных людей”. Сообразно своим гуманистическим представлениям о внесословной ценности человека, о значении его интеллектуального развития и нравственных качеств, с одной стороны, и своему идеалу просвещенного монарха, с другой — Обрадович отмечал лишь тот аспект петровских указов об управлении, который наиболее отвечал нуждам его собственной просветительской пропаганды, а именно: требование учитывать деловые и нравственные качества людей при замещении должностей.

Особую заслугу Петра I Обрадович видел в его культурно-преобразовательной деятельности. В первой части “Жизни и приключений...” приводятся следующие слова хоповского игумена Т.Милутиновича, обращенные к молодому Обрадовичу: “Как-то ты мне говорил, что читал в той российской истории, как Петр Великий старался ввести в своем царстве различные науки, благодаря чему он заслужил великое и бессмертное имя даже среди всех государей, каковые до него на свете были, возвысил славу своего народа до самых звезд и своим благополучным и всемогущим наследникам, которые пойдут по его богоуправляемым стопам, показал и открыл путь к бессмертию”³⁴. Хоповский игумен был малограмотный человек, но обладал природным умом. В его уста Обрадович вкладывал свои рассуждения и мысли. Писатель неоднократно в своих сочинениях воздавал хвалу Петру I — покровителю наук и просвещения³⁵.

Обрадович высказался о характере и историческом значении

петровских реформ. Он отмечал, что нововведения стоили Петру I больших усилий. Это был тяжелый процесс, полный борьбы и столкновений. “Хочет великий царь Петр Первый, — писал он, — просветить и укрепить свое царство, а патриарх ему не дает”³⁶. Обрадович правильно указывал на патриарха как главу противодействующих петровским новшествам сил. Реакционную позицию занимали патриархи Иоаким, Адриан, скрытым недоброжелателем преобразований был и рязанский митрополит Стефан Яворский, ставший “местоблюстителем” патриаршего престола.

Сербский писатель изображал столкновение Петра I с духовенством как борьбу носителя государственных интересов и просвещения с темными и невежественными силами. “Необразованный не может науку терпеть, — утверждал в связи с этим он, — потому что знает, что с наукой вся власть, которая основана и зиждется на суетии, падет”³⁷. На примере реакционной позиции части духовенства в петровской России Обрадович делал более широкий вывод о вреде невежества.

Сербский мыслитель в понимании петровских реформ исходил из рационалистической философской концепции. Она давала возможность увидеть известные противоречия Петровской эпохи, нащупать противостоявшие общественные лагери, в определенной мере соотнести их позицию с нуждами России, хотя и не могла привести к глубокому пониманию исторического процесса той поры, сводя его к переменам в духовной жизни общества.

Оценка Обрадовичем преобразовательной деятельности Петра I содержится уже в тех определениях, которые писатель придавал его имени. Он называл его “бессмертным законодателем и просветителем российским”³⁸. Сербский писатель прославлял имя, ум и доблести Петра I. Он считал его несравненной личностью, величественной в своих действиях. Вызывая уважение к памяти Петра I, он писал: “Вся Европа и Азия видят и все лучше познают результаты трудов и подвигов, законов и учреждений Петра Великого”³⁹.

Сербский писатель справедливо усматривал в основе деятельности Петра I патриотизм. Он был прав, признавая историческую целесообразность и важность преобразовательной деятельности Петра I для России. Правильны были и соображения Обрадовича о том, что

нововведения первой четверти XVIII в. превратили Россию в могущественную страну, занявшую ведущее положение среди европейских государств. Но при этом Обрадович идеализировал личность и деятельность Петра I. Писатель был человеком эпохи Просвещения, и для него остался скрытым социальный аспект реформ: непосредственными результатами прогрессивного движения воспользовалось дворянство (и отчасти купечество) при усилении крепостного гнета в России.

Обрадович ввел Петра I как реальную историческую личность в свои сочинения для доказательства важных теоретических положений. В "Баснях" он писал: "Если бы Великий Петр хотел, чтобы его россияне остались такими, какими были их предки, они были бы и теперь, как татары; но богоопровожденный монарх знал, что так не должно быть, ввел новые обычаи, науки и законы, и потому Россия в настоящее время столь славна"⁴⁰. Обобщая опыт петровской России, писатель утверждал принцип развития человека и общества, идею возможности и необходимости перемен и обновления, устранения старых, исторически изживших себя идеалов, обычая, законов и порядков. Трактовка реформ Петра I в сочинениях Обрадовича имела глубокий философский смысл как конкретизированное проявление движущей силы просвещенного разума в развитии человечества.

В свою очередь, преобразовательная деятельность Петра I оказала влияние на развитие патриотического сознания, формирование философских, социологических, политических и культурных взглядов Досифея Обрадовича в духе Просвещения.

Петр Первый, его образ, дела, эпоха привлекали пристальное внимание двух наиболее видных представителей сербской культуры второй половины XVIII в. — Орфелина и Обрадовича. Первый дал пространное и в значительной мере художественное описание времен Петра, второй ограничился краткими, иногда упрощенными, с ориентацией на неподготовленного читателя, но глубокими и точными характеристиками. Для Орфелина петровская Россия была материалом для осмыслиения жизни с ее динамизмом и противоречиями, для прославления России и, наконец, для художественного самовыражения. У Обрадовича ссылки на Петра I были подчинены

дидактическим делам. Но концепционное решение у писателей было схожим: оба понимали важность для страны нововведений Петра I.

Вместе с тем образ Петра I выглядел в сочинениях сербских авторов по-разному. В изображении Орфелина личность Петра была отмечена в соответствии с духом барокко контрастными чертами, подвержена страстям, бурным изменениям чувств, характер выступал в многогловой и высшей степени динамичной деятельности. У Обрадовича внешний рисунок образа отличался большей уравновешенностью и гармонией просвещенной мудрости и твердой воли.

Практические цели преследовал Обрадович, обращаясь в числе прочих исторических примеров к биографии Екатерины I в статье "О славных женщинах" ("Собрание разных нравоучительных вещей..." Гл. XIV). Писатель значительно возвышался над сербскими современниками в вопросе о положении женщины. Он подчеркивал право женщин на образование и воспитание, их важную роль в духовном развитии молодого поколения. Обрадович использовал историю жизни Екатерины I, которую он представлял читателям как единомышленницу и преемницу Петра I, для доказательства того, что женщины имеют такую же "душу", что и мужчины⁴¹. Творческие связи сербских писателей с Россией в период Просвещения выражались также в наличии русских пословиц в фольклорном собрании Мушкатировича, в освоении поэтики русского классицизма.

С физической и экономической географией России познакомила сербов книга П. Соларича "Ново гражданско землеописание". В ней содержалось, в частности, описание Петербурга, Москвы и других городов, состояния их хозяйства в контексте современной автору Европы. "Москва... — писал Соларич, — старый и первый главный город государства, почти посреди его... чрезвычайно велика и после Цариграда самый крупный город в Европе"⁴². Говоря о духовном воззвании России, Соларич вместе с тем отмечал нехватку учебных заведений и пристекавшую отсюда "суворость" простого народа⁴³.

Обращение деятелей сербской культуры к России, ее прошлому и настоящему, прежде всего способствовало более глубокому познанию ими самой сербской жизни, осмыслению задач национального развития и путей их решения. Русский материал использовался интеллигенцией в распространении среди сербов идеалов Просвеще-

ния. Освоение сю интеллектуальных и художественных ценностей России было важным способом подъема сербской культуры в соответствии с требованиями национального развития. Деятели сербского Просвещения знакомили сербов с Россией с прогрессивных позиций. Это имело особое значение в плане формирования ее образа в сознании сербского общества.

Российские сюжеты были широко представлены в газете "Славянно-сербский ведомости". Она сообщала о важнейших государственных актах Екатерины II, действиях русской дипломатии, назначениях и перемещении послов, экономических мерах российского правительства. К числу крупных событий 1793 г., которым газета уделяла пристальное внимание, были разрыв Российской дипломатических отношений с Францией и заключение сю договора о совместных действиях с Англией, приготовления "ко всему" российской армии и флота, присоединение новых земель из состава Польши к российским губерниям в результате второго раздела Речи Посполитой. Особое место в газете заняло описание торжеств по случаю заключения мира между Российской и Турцией, а также " милостей и благодеяний" императрицы армии и подданным по поводу этого события. Сообщалось об отъезде в Турцию в качестве русского посла М.И.Кутузова со свитой в 382 персоны и его парадном приеме в Константинополе. Важным событием в жизни Российской империи, вызвавшим живой интерес газеты, было обручение и бракосочетание внука Екатерины II, будущего императора Александра I с баденской княгиней, нареченной Елизаветой Алексеевной. Приводились в "Ведомостях" и другие сведения о России.

В 1794 г. в газетной россике основное место занимали русско-польские отношения, а с апреля в связи с польским восстанием под предводительством Т.Костюшко военные действия. В этой связи "Ведомости" регулярно упоминали об А.В.Суворове, о котором газета, называя его "славным генералом", впервые писала еще в 1792 г. в связи с 50-летием его службы. Теперь Суворов командовал русской армией в Польше. Отношение газеты к русско-польской войне было противоречивым. С одной стороны, "Ведомости" называли поляков не иначе, как "бунтовщиками" и "мятежниками", с другой — писали "славный оный Кошчиуско", отдавая должное мужеству и храбро-

сти их военачальника. Газета связывала победы русской армии с полководческим талантом Суворова, с удовлетворением отмечая назначение его фельдмаршалом⁴⁴.

Сербская газета, отражая постоянное расположение сербов к России, не скучилась на выражение добросердечных чувств к ней, чему благоприятствовала совместная русско-австрийская политика в те годы.

Досифей Обрадович был первым представителем сербской интеллигенции, посетившим Россию. В 1788 г. он жил в имении генерала Зорича. Сербского писателя привела сюда заветная цель просвещения своего "милого рода" с помощью типографии, которую намеревался создать российский аристократ.

Семен Гаврилович Зорич, усыновленный М.Зоричем — сербом, ставшим русским генералом, был человеком любопытной и изменчивой судьбы. Энергичный, исключительной храбрости офицер, познавший и военные успехи, и турецкий плen, он, будучи адъютантом князя Потемкина, оказался в милости у Екатерины II. Он получил генеральский чин, высокие звания и был щедро одарен императрицей. Однако не прошло и года, как Зорич, столкнувшись с Потемкиным, "выбыл из случая" и был удален от двора. Бывший фаворит императрицы был вынужден в 1778 г. покинуть столицу и сделал своей резиденцией местечко Шклов в Могилевской губернии.

Шкловский дворец, полный роскоши и великолепия, жил шумной безалаберной жизнью. Бесконечные развлечения, пиры, зрелища, охота, крупная карточная игра проходили при многолюдном съезде гостей, среди которых бывала и знать из Петербурга и Москвы. По словам генерала Л.Н.Энгельгардта, который был сыном Могилевского губернатора и хорошо знал жизнь Шклова, "ни одного не было барина в России, который бы так жил, как Зорич. Шклов был наполнен живущими людьми всякого рода, звания и наций..."⁴⁵. Шклов был открыт для всех, и собиравшееся там общество было пестрым как по национальному составу, так и социальному положению. На шкловские ярмарки съезжались купцы из разных концов России.

Желая придать своему имению блеск, Зорич купил в Петербурге солидную библиотеку и основал крепостной театр с постоянными дра-

матической и балетной труппами. Кроме того, в театрѣ были хор и оркестр. Великосветскими любителями ставилась в Шклове французская опера. Зорич устроил в имении военное училище с хорошо поставленной системой преподавания, в котором на его счет воспитывались молодые дворяне. Видный общественный деятель С.Н.Глинка, брат которого учился в шкловском корпусе, вспоминая о широкой жизни в Шклове, писал: "Из Шклова можно было отправиться в столицы в полном смысле человеском модного света"⁴⁶.

Вместе с тем владелец Шклова не порывал связей с современниками. В шкловском училище воспитывалась молодежь из югославянских земель. Среди них были родственник Зорича В. Райкович, племянник архимандрита Герасима Зелича, племянник бачского епископа Йована Йовановича П. Йованович, который стал офицером русской армии⁴⁷. А.С.Пишевич, сын С.С.Пишевича, побывав в 1783 г. в Шклове, вспоминал впоследствии: "Сербы сюда ездят, как в России поселившиеся, так и из Цесарии..."⁴⁸. Он писал о Зориче как об обожаемом "всеми сербами вельможе". В 1780 г. Шклов посетил С.Текелия, а в 1787 г. — Герасим Зелич⁴⁹. Зорич был осведомлен об умственной жизни сербов, о чем свидетельствует и его приглашение в качестве преподавателей для своего училища двух наиболее видных в интеллектуальной жизни сербов — Досифея Обрадовича и Эм.Янковича⁵⁰.

Однако, как ни велики были богатства Зорича, расточительный образ жизни привел в расстройство его состояние. Еще в 1784 г. Зорич был уволен с военной службы в связи с раскрытием аферы далматинских графов братьев Зановичей, которые, будучи управляющими Шклова, наладили здесь выпуск фальшивых ассигнаций. Обрадович, обманутый в своих надеждах на обещанную типографию, через полгода покинул Шклов.

Однако солидная шкловская библиотека, театр, широкие возможности для непосредственных контактов с представителями разных слоев российского общества — все это не могло не способствовать расширению знаний Обрадовича о России. Не случайно, что русского материала особенно много в его "Баснях", которые вышли в свет вскоре по возвращении Обрадовича из России. И все же представления о ней были у сербского писателя ограни-

ченными. Современную русскую литературную жизнь он знал недостаточно. Вне поля зрения его остались и М.В.Ломоносов, полное собрание сочинений которого в издании Академии наук вышло в 1784-1787 гг., и Н.И.Новиков, сатирические журналы которого "Трутень" и "Живописец" (1769-1773) были главной трибуной русской передовой общественно-политической жизни, и радикальный публицист Я.А.Козельский, энциклопедически разносторонняя деятельность которого пришлась на 1760-1770 годы, и Д.И.Фонвизин, литературное творчество которого развернулось в те же годы.

Одной из традиционных форм русско-сербских связей была книготорговля, в последних десятилетиях XVIII в. существенно вырос объем и изменился репертуар поступавших из России книг. В конце столетия на сербском книжном рынке обращались тысячи российских изданий, не только церковных, но и светских. Книготорговец Д.Каулици в Нови-Саде предлагал сербским читателям собрание сочинений М.В.Ломоносова, журналы Н.И.Новикова "Московское ежемесячное издание" и "Вечерняя заря", учебники, педагогическую, хозяйственную, нравоучительную, философскую и художественную западную литературу в переводе на русский язык, в том числе книги Дж.Локка, И.П.Ланге и др. В личной библиотеке свободомыслящего темишварского епископа Петара Петровича, советника Венгерской придворной канцелярии, имелись полное собрание сочинений А.П.Сумарокова, книги, наиболее характерные для издательской деятельности Российской Академии наук, Московского университета и Н.И.Новикова. Библиотека Петровича располагала также русскими изданиями сочинений А.Ф.Прево, К.М.Виланда, Ж.Ж.Руссо и других западных авторов. Среди книг были "Переводы из энциклопедии" (ч. 1—3. М., 1767) — составленные М.М.Херасковым извлечения из знаменитого собрания Д.Дидро с включением статей Ф.Вольтера, П.А.Гольбаха, Руссо. Сербы были знакомы также с сочинениями по стихосложению А.Д.Кантемира и В.К.Тредиаковского, как и с их переводческой деятельностью⁵¹.

Сербы получали из России разнообразную литературу, отражавшую российскую жизнь второй половины столетия. Русские переводы сохраняли значение в знакомстве сербов с западным миром. Существенный сдвиг в этой области произошел в сторону прогрес-

сивных изданий и познания посредством них российских и европейских проблем. Но значение русской книги для сербов познавательной функцией, хотя само по себе это было важно, не исчерпывалось. Русская книга участвовала в формировании сербской читательской публики, ее литературных интересов и вкуса. Движение русской книги в общем потоке литературной продукции способствовало развитию сербского книжного рынка.

Русско-сербские связи в области культуры носили характер взаимного обогащения. О русской судьбе труда Орфелина о Петре I говорилось выше. В 1795 г. в России увидел свет первый том “Истории” Раича. Дальнейшая публикация труда была приостановлена в связи с вмешательством через Стратимировича Ст. Новаковича, обеспокоенного конкуренцией своему изданию⁵². В 1806 г. в связи с повышением интереса к сербам, поднявшимся на борьбу против власти Порты, в Петербурге были изданы анонимно стихотворение Обрадовича под названием “Песна о избавлению Сербие, сочинено в Белграде” и анонимный же вольный перевод его на русский язык. В 1807 г. “Вестник Европы”, основанный Н. М. Карамзиным, откликнулся на издание Раичем “Траедокомедии” Козачинского. Журнал писал, что с точки зрения исторического развития театрального искусства “она драгоценна для любителя изящных художеств, а еще более для любителя языка отечественного”⁵³.

На протяжении XVIII в. российское правительство ввиду нехватки образованных людей приглашало в страну специалистов разных профилей. Во второй половине столетия наряду с офицерскими кадрами отправились в Россию представители сербской интеллигенции. Они сыграли особую и неоднозначную роль в процессе взаимодействия сербской, русской и украинской культур.

Среди пересекавших были Т. (Ф. И.) Янкович Мириевский, участвовавший в разработке плана школьных реформ 1782-1786 гг. Член Российской Академии наук, он руководствовался передовыми принципами педагогики⁵⁴. Ряд сербов преподавали в высших учебных заведениях страны. В начале XIX в., когда был основан Харьковский университет, в нем работали А. Стойкович, Дж. Коритари, Д. Дубравич, Л. Павлович, С. Милинович⁵⁵.

Одним из проявлений пробуждавшегося общественного интереса

в России к родственным славянским народам, связанного с развитием русского национального самосознания, явилось путешествие А.С.Кайсарова и А.И.Тургенева с научно-познавательными целями по славянским землям. В то время студенты Геттингенского университета, они в дальнейшем стали известными России людьми: Кайсаров — профессором Дерптского университета, А.Тургенев — брат декабриста Н.Тургенева — видным общественным деятелем.

В 1804 г. Кайсаров и Тургенев были в Сремски-Карловцах, где общались с митрополитом Ст.Стратимировичем, его секретарем — поэтом Лукианом Мушицким и другими образованными сербами⁵⁶. В Триесте они посетили Обрадовича. Свое впечатление от встречи с ним Кайсаров по возвращении в Геттинген выразил в письме Мушицкому следующими словами: “Кажется, я не сказал, что в Триесте мы были у нашего Обрадовича, он подарил нам некоторые из своих книг и был очень рад, что мы его посетили. Это не ординарный человек”⁵⁷. Несколько ранее Каисаров в письме Мишицкому цитировал рефрен из известного стихотворения Обрадовича “Песня о восстании сербов”: “Возстань Сербие! Давно се заспала!”⁵⁸. Называя сербского писателя “наш Обрадович”, Кайсаров признал тем самым значимость его деятельности для всего славянского мира.

Встреча Досифея Обрадовича с А.С.Кайсаровым и А.И.Тургеневым знаменовала собой эволюцию его контактов с русской культурой и ее представителями от богословской литературы и монашеской среды через литературу, отмеченную чертами раннего рационализма, до личного общения с представителями русской передовой дворянской молодежи начала XIX в. При всей кратковременности эта встреча была значительной в плане перспективы русско-сербских культурных связей. Кайсаров и Тургенев принадлежали к той новой общественной среде, из которой в скором времени вырос декабризм. Посещение ими Обрадовича было не только признанием заслуг писателя перед своим народом и славянами в целом. Оно было предвестником подъема светского направления в русско-сербских культурных отношениях, открывая перспективу контактов, связанных с потребностями освободительных движений и служащих их интересам.

Благодаря связям России с сербской культурой расширялись воз-

можности развития исторического сознания российского общества, роста объема его интересов и знаний. Контакты способствовали развитию педагогики и обеспечению ка драми образовательных учреждений страны.

Мощным завершением взаимосвязей сербского Просвещения и России стала деятельность Досифея Обрадовича в годы Первого сербского восстания. Его российские контакты получили тогда политический характер, подкрепляясь взаимным личным расположением его и русских официальных лиц.

По приследе в Белград Обрадович первое время жил в резиденции бывшего паша, а затем в доме Петра Новаковича Чардаклии, в прошлом капитана австрийской армии, повстанческого деятеля, неоднократно участвовавшего в составе сербских депутатий в переговорах с русскими официальными лицами.

Обрадович поддерживал самые тесные контакты с главным дипломатическим агентом России в Сербии К.К.Родофиникиным. Как человек высокообразованный и притом искренне заинтересованный в укреплении связей Сербии с Россией, он нередко выполнял посредническую роль в отношениях между Карагеоргием, а также сербскими воеводами, с одной стороны, и русским дипломатическим представителем, с другой. По словам Родофиникина, он предпочитал передавать официальную корреспонденцию, поступавшую на имя Карагеоргия из России, через Обрадовича. “Иеромонах, — писал Родофиникин главнокомандующему Молдавской армией А.А.Прозоровскому, — не только прочитает и переведет ему вразумительным образом, но притом присовокупит и свои примечания и советы как человек, истинно любящий свое отчество и здравомыслящий”⁵⁹. Русский дипломат, питая глубокое уважение и доверие к Обрадовичу, прибегал к его помощи для разъяснения политики России. Родофиникин в обществе Обрадовича посещал Карагеоргия в его доме в селе Тополе⁶⁰.

В свою очередь, Карагеоргий, председатель Правительствующего совета Младен Милованович обращались к Обрадовичу для составления писем к русским официальным лицам. Карагеоргий в присутствии Обрадовича решал с Родофиникиным вопросы текущей политики. Он доверял Обрадовичу “обо всем” говорить с русским представителем⁶¹.

15 (27) января 1808 г. Родофиникин сообщал Прозоровскому, что по указанию Карагеоргия его посетили Обрадович и секретарь Совета и ознакомили с проектом письма сербского вождя австрийскому эрцгерцогу Карлу. В письме содержалась просьба о продаже сербам боеприпасов. Карагеоргий хотел узнать мнение Родофиникина по этому вопросу. “Иеромонах Доситеј, — писал русский дипломат, — человек ученый и известный своими сочинениями между австрийскими сербами, пришедший сюда из любви к соотечественникам своим, дабы посвятить им познания свои, прежде, нежели я начал говорить, признался в легкомысленности поступка вождя сербского и что к оному его уговорили семлинские купцы Милош и Драгутин и поглавари здешние, их товарищи по торговле”⁶². Родофиникин привел доводы против подобного письма. Он полагал, что при покровительстве сербам со стороны России им не следовало обращаться за помощью к другим дворам, тем более что Австрия никогда не согласилась бы продать сербам боеприпасы. Она “не желает, — разъяснял Родофиникин, — чтобы Сербия усилилась и была бы благополучна, ибо тогда все сербы, живущие на той стороне, перейдут сюда и тем оной двор лишится немалого числа своих подданных”. Наконец, цель купца Милоша “по согласию с поглаварями клонится токмо к торговой их спекуляции”. “Иеромонах Доситеј и секретарь Совета, — продолжал Родофиникин в донесении, — пересказали все Черному Георгию”. Однако последний не внял доводам русского дипломата, и письмо было отдано купцу Милошу, “с коим он переправился на ту сторону”⁶³. Досифей Обрадович видел влияние на Карагеоргия сербских торговцев из Австрийской монархии, коммерческие интересы которых были связаны с Австрией, и не разделял колебаний сербского вождя в вопросе об отношениях с ней. Взгляды Обрадовича на Австрию сближали его с Родофиникиным.

Обрадович поддерживал мнение Родофиникина о целесообразности отправить сына Карагеоргия Алексу, мальчика 9 лет, для воспитания и получения образования в Петербург. И Карагеоргий под влиянием Обрадовича склонялся к этому⁶⁴.

Обрадович был человеком скромного достатка. В Сербии он не имел практически средств к существованию. После смерти Чердаклии в феврале 1808 г. он оказался в затруднительном положении. Родофи-

никин предложил Обрадовичу переехать вместе с сыном Карагеоргия, которого тот воспитывал, в его дом, и это предложение было принято. Такая ситуация не была исключительной, поскольку в просторном доме Родофиникина, самом лучшем в Белграде, некоторое время размещался сам Правительствующий совет, включая "канцелярию" и архив, после его переезда в декабре 1807 г. из Смедерева в Белград. У Родофиникина Обрадович общался и с Т.Недобой, секретарем русского представительства, который также жил в этом доме⁶⁵.

Родофиникин оказывал материальную поддержку Обрадовичу. В донесении русского дипломата Прозоровскому от 26 мая (7 июня) 1809 г. говорилось: "Иеромонах Доситеј, призывающий за сыном Черного Георгия, хотя имеет у меня стол и квартиру, лишен, однако, средств к одеянию себя, не получая никакой оплаты от здешних, сей человек, пользующийся доверием, можно сказать, всей нации Сербской, на австрийской стороне обитающей, и особенно уважаемый Черным Георгием, не мог оставаться без пособия, которое и решил я ему сделать, хотя весьма умеренно"⁶⁶. В документе "Счет чрезвычайным издержкам с 1-го января 1809-го года" за подписью Родофиникина под датой 28 января (9 февраля) значится: "Иеромонаху Доситею, воспитывающему сына Черного Георгия, не получающему за то ни от кого никакого платежа, сверх того употребленного мною в разные времена для письмоводства на сербском языке дано ...— 40 червонных"⁶⁷. Родофиникин же оплачивал и услуги доктора, который лечил Обрадовича. Держа отчет перед Прозоровским в денежных расходах, он в донесении от 25 февраля (9 марта) 1809 г. писал: "семлинскому доктору Крудимск, ползовавшему живущего у меня иеромонаха Доситея и коллежского регистратора Павковича, за визиты 20 червон(ных) и за медикаменты 18 черв(онных) и 5 пиастров. Всего тридцать восемь червон(ных) пять пиастров"⁶⁸. Это относилось к ноябрю 1808 г. Материальная поддержка Родофиникина имела существенное значение для Обрадовича. Только с мая 1810 г., когда Обрадович официально стал членом Правительствующего совета, он получал государственное содержание.

Как вспоминал участник восстания А.Протич со слов Обрадовича, Родофиникин предложил Обрадовичу в августе 1809 г. в связи с

наступлением турецких войск вместе с ним и митрополитом Леонтием покинуть Белград. Однако Обрадович ответил: “Я приехал в Белград, в любимое наше отчество. Если страдает отчество, пусть турецкие кони и меня затопчут”⁶⁹. Именно Обрадович и черногорский архимандрит Филипович удержали Карагеоргия от безрассудного разгрома дома Родофиникина, когда тот уехал из Белграда⁷⁰.

Как уже сообщалось, прямые контакты Обрадовича в качестве представителя повстанческой Сербии с русским командованием имели место еще в 1806 г. В составе сербской депутации в 1810 г. он вновь участвовал в переговорах с Н.М.Каменским, новым главнокомандующим Молдавской армии. Сербская депутация, в которую помимо Обрадовича как члена Совета входили коменданты Миленко Стойкович и Милан Обрадович, “от имени всего народа” просила ввести русские гарнизоны во все сербские крепости и направить в Сербию двух русских чиновников “для сочинения законов и введения устройства в земле”⁷¹. В этих пожеланиях получила выражение внутренняя политическая борьба в Сербии, оппозиция неограниченной власти Карагеоргия и его неустойчивому внешнеполитическому курсу со стороны ряда авторитетных воевод, приверженцев России⁷². Что касается позиции Обрадовича в столь сложной политической ситуации, он был сторонником власти, опирающейся на “твердые законы”, и союза с Россией. Письма Обрадовича близким знакомым были проникнуты желанием скорейшего урегулирования внутренней жизни Сербии⁷³. Как человек, носитель идеалов Просвещения, он не мог оправдывать и необузданную жестокость Карагеоргия.

В ответ на просьбу сербской депутации Каменский выразил намерение направить в Белград отряд русских войск со строгим предписанием “не мешаться никому из наших в дела их”. Каменский обещал сербам послать также в Белград особу, “которая, не мешаясь ни во что, будет токмо преподавать им нужные советы к введению некоторого устройства, поколику то возможно при настоящем положении дел”. Эти обещания были приняты сербскими посланцами с благодарностью⁷⁴.

В январе 1811 г. Каменский направил Карагеоргию письмо, в котором дал высокую оценку деятельности сербской депутации в лице

М.Стойковича и Досифея Обрадовича⁷⁵. Главнокомандующий Молдавской армией писал Карагеоргию “об отличном усердии и по-печительно показанных ими к выполнению возложенного от Вас на них поручения и об истинной преданности их к отечеству своему, о благе коего они здесь пешись не преставали”⁷⁵.

В годы Первого сербского восстания глава сербского Просвещения Досифей Обрадович сочетал литературную работу и государственную деятельность. Соответственно и связи его с Россией, личные и творческие, тесно смыкались с политическими контактами. Включение ведущего писателя в освободительную борьбу, которую сербский народ развернул против османских угнетателей, и в результате этого теснейшее сплетение разных форм и уровней его российских контактов открывали характерное для XIX века — века интенсивного формирования национальных культур и освободительных движений южнославянских народов — сращивание культурных и политических взаимоотношений передовых представителей интеллигенции и в их лице идеологов и руководителей освободительных движений с Россией.

В последних десятилетиях XVIII — начале XIX в. динамичную роль в широком русле русско-сербских культурных связей играли контакты сербского Просвещения и России, возвестившие о зарождении нового типа двусторонних культурных отношений. Он был еще незрелым, на него налагались устоявшиеся формы, усложнявшие панораму культурных контактов, но тенденция развития русско-сербских взаимоотношений в сфере культуры проявилась достаточно определенно. Новый тип контактов в области культуры характеризовался содержанием, отвечавшим запросам общественного развития, национальной основой и вхождением двусторонних отношений в многолицую общеевропейскую сферу расширявшегося и углублявшегося взаимообогащения народов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вступив в XVIII век в позднесредневековом состоянии, сербы завершили его духовными завоеваниями, соответствовавшему переходу сербского общества к жизни на началах свободной собственности и предпринимательства, равных прав и обязанностей граждан, национальных связей и вхождения в современный европейский мир. Вначале незнакомые ранее творческие явления и признаки "европеизации" быта коснулись городской и церковной среды сербов в Австрийской монополии как результат их интегрирования в отличную от Балкан цивилизацию. Но постепенно, с 60-х годов XVIII века на основе начавшихся кардинальных базисных перемен, под воздействием целенаправленной деятельности передовых умов и веяний, шедших из России и с Запада, духовное возвышение сербского общества получило новое качество, которое стало необратимым. В переходную эпоху в общем комплексе сербской культуры сосуществовали новые и привычные явления, воплощая культурную преемственность времен.

Церковная православная культура с ее монополией на мысль, мощными историческими корнями и средневековым наследием, но также с общенациональными и общечеловеческими нравственными ценностями отступала перед решительным самосознанием гражданского общества. Все это происходило в этнически чуждом и социально враждебном окружении, на фоне нарастания всяческого сопротивления христианской рапи турецкому режиму на Балканах. Сербы вошли в новое столетие духовно обновленные и обогащенные. Свежая атмосфера захватила сербов в основном в Австрийской монархии, но ее волны докатывались и до Балкан.

Каждая историческая эпоха формирует свойственный ей тип Личности, который концентрирует и воплощает прогрессивные черты духовного облика общества своего времени. Национальное Просвещение в результате накопления сербами духовным сил, опираясь на барокко, которое вывело людей из оцепенения и однозначности, сделало рывок от средневековой способности души, ума и сердца человека, сдавленного идеологическими и институциональными

регуляторами производственной деятельности, мышления, поведения и быта, к Человеку с духовным многообразием, несущего в себе заряд всестороннего обновления мира.

Выработанный сербским Просвещением идеал Личности предстал в лице свободного человека-творца с сильным общественным темпераментом, преисполненного национальными чувствами и всесоветской солидарностью, обращенного всеми помыслами и делами к "общей пользе" и сознательно стремившегося к облагораживанию мира. В реальной жизни носителем высоких интеллектуальных и нравственных ценностей века "безумия" и мудрости стал Досифей Обрадович, явивший собой самое мощное выражение духовного преображения сербов.

В сербских условиях обновление духовного мира общества про текало с трудом как в силу особенностей предшествовавшего развития, так и вхождения разных частей сербов в различные цивилизации и чуждости им государственных структур. Но динамичная действительность меняла образ мышления, характер восприятия окружающего мира и поведения сербской интеллигенции, торговцев, учащейся молодежи прежде всего в городах Австрийской монархии. В свою очередь и в среде духовенства и немногих дворян развивалась потребность приспособления к менящейся жизни.

На исходе века имущие сербы проявляли интерес к сербской литературе, выступали издателями книг, устроителями школ. Сформировался если не массовый, то все же немалочисленный читательский круг из учителей, священников, дворян, торговцев, ремесленников, учащейся молодежи. Образованные сербы читали национальных и русских авторов, западных писателей и античных классиков в оригинале и в переводах на немецкий и французский языки. Сербская читательская публика привыкла и к национальной периодике. Достоинством зажиточных домов стали библиотеки, насчитывающие не редко тысячи томов книг. Личные библиотеки, располагавшие новейшей литературой мирового значения, играли не только культурную, но и репрезентативную роль. Появились частные коллекции картин. Театральные школьные представления в крупных городах собирали многочисленную публику.

На рубеже XVIII и XIX веков не было сербского зажиточного городского дома, интерьер которого не украшали бы многочисленные

гравюры классицистского характера большей частью итальянской или французской работы. Костюм, манеры, этикет состоятельного населения отвечали европейскому стилю жизни. Образованные сербы в Австрийской монархии завершали XVIII столетие с противоречиями духа и чертами цивилизации, свойственными главной тенденции во всей Европе.

На Балканах почти поголовная неграмотность населения была существенным препятствием для распространения передовых идей, выработанных и приспособленных для восприятия патриархального сознания национальными деятелями Просвещения. Но сельские торговцы не столько посредством литературы, сколько благодаря личному общению с партнерами в Австрийской монархии были осведомлены о жизни “за Савой”. И все же духовный настрой сербов в Белградском пашалыке в конце XVIII века определяла сама действительность.

Сербия располагала духовным потенциалом особого характера и моши. При всех намечавшихся различиях социальных интересов внутри райи она, в силу всеобщей беззащитности перед османским произволом, одинаковой принженности, а также сохранявшихся в течение веков патриархальных устоев, по характеру мышления, образу поведения и бережно охраняемым традициям представляла целостное общество. И если “за Савой” существовал значительный разрыв между строем жизни обеспеченных грамотных слоев населения и устоями села, которое жило “своими” началами и “своей” культурой, то в духовной устойчивости и общности райи состояла внутренняя сила Сербии.

Вопреки османской автократии и произволу патриархальное сербское село жило многоцветной духовной жизнью. Сквозь века оно пронесло жгучее чувство вражды и отвращения к османскому насилию. Простой народ выработал глубокие представления об отношениях людей между собой и на практике выражал их в обычаях взаимопомощи и взаимоподдержки. Задавленное поборами, истерзанное бесчинствами разного рода чинов и званий крестьянство своей духовностью и художественным вкусом создало фольклор высочайшей эстетической силы. На духовный строй серба — пахаря и скотовода, торговца и священника — налагалось трагическое ощущение своей истории. Отсюда пронизывающий народную психоло-

гию культ героического. Внутренний мир патриархального сербского села был подобен сжатой пружине, способной явить в исторический момент мощный взрыв народного самосознания.

Сербский народ вступил в XIX век, разделенный в государственно-политическом отношении на части. Но их объединяло всеобщее сознание сопричастности судеб и чувство национальной целостности. Если плеяда передовых деятелей на территории Австрийской монархии являла уровень сербской духовности на фоне европейской цивилизации, то народная масса, особенно Балканах, храни вековые самобытные традиции, питала этнические истоки национальной культуры и наполняла ее героическим пафосом. Все это составило субъективную предпосылку Первого сербского восстания, определив его духовную высоту. Поистине исторический шаг сделала Сербия, поднявшаяся на том общественном уровне до высшей гуманной цели — политического, социального и духовного освобождения народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

1. *Костић M.* Гроф Колер као културнопросветни реформатор код срба у Угарској у XVIII веку. Београд, 1932.
2. *Скерлић J.* Српска књижевност у XVIII веку //Сабрана дела. Београд, 1966. Књ. IX.
3. *Остојић T.* Српска књижевност од Велике сеобе до Доситеја Обрадовића. Сремски Карловци, 1905; *Он же.* Доситеј Обрадовић у Хопову. Нови Сад, 1907; *Он же.* Живот Доситеја Обрадовића. Нови Сад, 1911; *Он же.* Захарија Орфелин. Живот и рад му. Београд, 1923; *Он же.* Историја српске књижевности. Београд, 1923.
4. *Петровић B., Кашанин M.* Српска уметност у Војводини од доба деспота до уједињења. Нови Сад, 1927.
5. *Радонић J.* Гроф Ђорђе Бранковић и његово време. Београд, 1911.
6. *Павић M.* Историја српске књижевности барокног доба (XVII и XVIII век). Београд, 1970. С.19. *Он же.* Историја српске књижевности класицизма и предромантизма: Класицизам. Београд, 1979.
7. *Павић M.* Историја српске књижевности ... Класицизам. С.13.
8. *Deretić J.* Istorija srpske književnosti. Beograd, 1983; *Idem.* Kratka istorija srpske književnosti. Beograd, 1987. S. 58 – 59.
9. Павић М. Гаврил Стефановић Венцловић. Београд, 1972.
10. *Ерчић B.* Мануил (Михаил) Козачински и његова Траедокомедија. Нови Сад-Београд, 1980.
11. *Костић M.* Доситеј Обрадовић у историској перспективи XVIII и XIX века. Београд, 1952. С. 7, 111.
12. *Деретић J.* Доситеј и његово доба. Београд, 1969; *Он же.* Поетика Доситеја Обрадовића. Београд, 1974.
13. *Стојановић M.* Доситеј и Антика. Београд, 1971; *Стојковић A.* Философски погледи Доситеја Обрадовића. Београд, 1980.

14. Косовска битка – мит, легенда и стварност. Београд, 1987; *Михаљчић Р.* Јунаци косовске легенде. Београд, 1989; *Он же.* Лазар Хребельјановић. Београд, 1989. и др.
15. *Коларић М.* Српска уметност XVIII века. Београд, 1954; *Он же.* Класицизам код Срба. 1790-1848. Београд, 1965.
16. *Медаковић Д.* Путеви српског барока. Београд, 1971; *Давидов Д.* Српска графика XVIII века. Нови Сад, 1978; *Он же.* Српски бакрорези 18. века. Нови Сад, 1983; *Васић П.* Доба барока. Београд, 1971.
17. *Медаковић Д.* Српска уметност у XVIII веку. Београд, 1980.
18. *Томандл М.* Српско позориште у Војводини. 1736–1868. Стари Бечеј, 1953. Књ. 1; Класицизам код Срба: Грађевинарство. Београд, 1966.
19. *Радојчић Н.* Српски историчар Јован Рајић. Београд, 1952, *Самарџић Р.* Писци српске историје. Београд, 1976.
20. *Ивић П.* Српски народ и његов језик. Београд, 1971; *Младенович А.* Норма и книжный язык у сербов во второй половине XVIII – первых десятилетиях XIX вв. //Проблемы нормы в славянских литературных языках в синхронном и диахронном аспектах. М., 1976.
21. *Петровић К.* Историја Карловачке гимназије. Нови Сад, 1951; Историја школа и образовања код срба. Београд, 1974.
22. *Гавриловић Н.* Историја ћирилских штампарија у Хабзбуршкој монархији у XVIII веку. Нови Сад, 1974; *Крестић В.* Историја српске штампе у Угарској. 1791-1914. Нови Сад, 1980.
23. *Михаиловић Г.* Српска библиографија XVIII века. Београд, 1964.
24. *Поповић Д.* Срби у Војводини. Нови Сад, 1959, 1963. Књ. II-III.
25. *Стайић В.* Новосадске биографије. Нови Сад, 1936-1940. Св. 1-В. Нови Сад, 1956. Св. V1. ; *Он же.* Грађа за културну историју Новог Сада. Нови Сад, 1947, 1951. Св. 1, 2; *Он же.* Грађа за политичку историју Новог Сада. Нови Сад, 1951.
26. *Бошков М.* Руска штампана књига у нашем XVIII веку //ГФФ. Нови Сад, 1973. Књ. XVI, св.2; *Она же.* Захарија Орфелин и књижевност руског просветитељства //ЗС. Нови Сад, 1974. N 7.; *Кићовић-Пејаковић С.* Енглеска књижевност у Срба у XVIII и XIX веку. Београд, 1973.

27. Историја народа Југославије. Београд, 1960. Књ. II.
28. Историја српског народа. Београд, 1986. Књ. IV, т.2: Срби у XVIII веку.
29. Библиографију статеј см. в тексте.
30. Попов Н.А. К вопросу о реформе Вука Караджича //ЖМНП, 1882. Ч. 220, N 4.
31. Заболотский П.А. Очерки русского влияния в славянских литературах нового времени. Варшава, 1908. Т.1. Кн.1: Русская струя в литературе сербского возрождения.
32. Шевченко Ф.П. Роль Києва в міжслов'янських зв'язках у XVII – XVIII ст. Київ, 1963.
33. Рогович М.Д. Мировоззрение М. Козачинского и его место в истории отечественной философской мысли первой половины XVIII в. Дисс...канд. философ. н. Киев, 1978; Колыбанова К.В. Культурные и общественные связи Украины с Сербией в XVIII веке. Дисс...канд. ист. н. Ужгород, 1989.
34. Голенищев-Кутузов И.Н. Эпос сербского народа. М., 1963; Кравцов Н.И. Сербскохорватский эпос. М., 1985.

ГЛАВА 1.

1. Арсение III Црноевич в 1674-1690 гг. был главой Печской патриархии, которая распространяла свою юрисдикцию на все сербское население Балкан.
2. Историја српског народа. Београд, 1986. Књ. IV, т.1: Срби у XVIII веку. С. 216.
3. Karaćin B. Географическо-статистическо описание Србије //Сабрана дела. Београд, 1909. Књ. 8. С.156. В 1781 г. материковая часть Далмации имела 187069 жителей, в том числе 34149 православных //Станојевић Г. Далматинске крајине у XVIII вијеку. Београд, Загреб, 1987. С.19. В 1797 г. по Кампоформийскому миру, заключенному между Францией и Австрией, венецианские владения на восточном побережье Адриатического моря перешли под власть Габсбургов.
4. В исторической литературе оно употребляется и для более ранних периодов. Причем Банат включал в XVIII в. территорию, которая теперь находится в составе Румынии. Ныне Воеводина входит в состав Сербии.
5. Радонић J., Костић M. Српске привилегије од 1690 до 1792. Београд, 1954; Форишковић A. Привилегије срба у Угарској 1740-1790 // ЗИ. Нови Сад, 1980. Св. 22.

6. Радонић Ј., Костић М. Српске привилегије... С. 126 и сл.
7. Там же. С. 179.
8. Сабор состоялся в городе Темишваре – теперь Тимишоара в составе Румынии.
9. Јанкулов Б. Преглед колонизације Војводине у XVIII и XIX веку. Нови Сад, 1961.
10. По реке Тисса в Бачке и Банате было два коронных дистрикта, которые пользовались правом самоуправления. Собственником земли здесь выступало государство. Население было обложено разного рода платежами и повинностями.
11. Војводина. Знаменитости и лепоте. Београд, 1968. С. 251.
12. Об аграрных отношениях в XVIII в. см.: Гавриловић С. Срем од края XVII до середине XVIII века. Нови Сад, 1980; Он же. Урбаријална експлоатација кмета у јужној Угарској XVIII–XIX века //ЗИ. Нови Сад, 1982. Св. 25; Он же. Скица за историју аграрных односа од краја XVII до середине XIX века на подручју данашње Војводине //ИЧ. 1988. Књ. XXXV.
13. Историја народа Југославије. Београд, 1960. Књ. II. С. 1097–1098.
14. Bićanić R. Doba manufakture u Hrvatskoj i Slavoniji (1750–1860). Zagreb, 1951. S. 144–145.
15. О состоянии торговли Барани, Бачки, Баната и Срема в XVIII в. см.: Костић М. О дунавско-савској трговини, лађама, лађарима и лађарским цеховима у XVIII и XIX веку до појаве жељезница //ИЧ. Београд, 1960. Књ. IX–X. С. 259–293; Гавриловић С. Прилог историји трговине и миграције Балкан-Подунавље XVIII и XIX столећа. Београд, 1969. С. 10, 11, 12.
16. Статус торгово-рамесленых центров был различный. Свободные королевские города являлись собственностью короны и пользовались самоуправлением. Торговые места, обладая некоторыми правами, находились в зависимости. Комунитеты на Военной Границе представляли городские общины, население которых за денежную сумму было освобождено от военной службы и пользовалось правом самоуправления.
17. Гавриловић С. Срем у револуцији 1848–1849. Београд, 1963. С. 39, 47, 58, 59, 60.
18. Илић Т.Ж. Предговор //Грађа из земунских архива за историју Првог српског устанка. Београд, 1955. Књ. 1.

- 1804–1808. С. XXIX, XXXII, XXXIII, 264–265; Београд, 1961. Књ. II. 1809. С. 111.
19. *Стајић В.* Грађа за политичку историју Новог Сада. Нови Сад, 1951. С. 17–18; Историја српског народа. С. 296.
20. Цит по кн.: *Поповић Д.* Срби у Војводини. Нови Сад, 1963. Књ. III. С. 111.
21. Историја српског народа. С. 323–325.
22. Историја Београда. Београд, 1974. Књ. I. С. 691, 692, 750; *Стојанчевић В.* Градови, вароши, паланке и тржишта пред Први српски устанак 1804. године: Културно-историјска проблематика // Градска култура на Балкану (XV–XIX век). Београд, 1984. С. 145, 150, 156, 158, 160.
23. *Станојевић Г.* Нешто о Србима у Далмацији у другој половини XVIII вијека // И.Г. 1955. N 1; Он же. Далматинске крајине...; *Perićić H.* Dalmacija uoči pada Mletačke republike. Zagreb, 1980.
24. *Поповић Д.* Срби у Војводини. Књ. III. С. 70, 196; *Форишковић А.* Племство код Срба у Угарској у XVIII веку // ЗИ. Нови сад, 1981. Св. 24.
25. *Sm. Gavrilović S.* Srbi b Habsburškoj Monarhiji pred ugarski sabor // JIČ. 1965. N 4. S. 18–21, 32–33.
26. Историја српског народа. С. 373, 386, 392.
27. Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. М., 1984. С. 399–401.
28. *Милутиновић К.* Из историје Новог Сада у доба Кочине крајине и Првог српског устанка // ЗДН. Нови Сад, 1954. Св. 7. С. 68, 69, 71.
29. Политические и культурные отношения России... С. 401–407.
30. Историја српског народа. С. 366, 367.
31. *Илић Т.Ж.* Предговор // Грађа из земунских архива... Књ. I. С. XXXIII, XXXV; *Гавриловић С.* Срем... С. 50.
32. *Петровић К.* Карловци и карловачко становништво од 1753 до 1815 // ИЧ. Београд, 1960. Књ. IX–X. С. 305–306.
33. *Костић М.* О дунавско-савској трговини... С. 268, 269, 274; Историја српског народа. С. 229–230, 297.
34. Историја српског народа. С. 269, 270, 271, 295.
35. *Стајић В.* Грађа за културну историју Новог Сада. Нови Сад, 1947. Св. I. С. 66.
36. Temišvarski sabor 1790. Novi Cad – Sremski Karlovci, 1972. S. 44–45, 61.
37. Там же. С. 427.

38. *Поповић Д.* Срби у Војводини. Књ. III. С. 108.
39. *Гавриловић С.* Прилог историји трговине... С. 106–110.
40. Пожонь – теперь Братислава.
41. *Ковијанић Р.* Срби који су учили у Словачкој (XVIII–XIX век) //ЗКЈ. Нови Сад, 1971. Књ. XIX. Св. 3.
42. *Костић М.* Гроф Колер као културнопросветни реформатор код срба у Угарској у XVIII веку. Београд, 1932. С. 89.
43. *Temišvarska sabor 1790.* С. 441, 442.
44. Историја српског народа. С. 259.
45. *Ненадовић М.* Мемоари. Београд, 1980. С. 88.
46. *Кулаковский П.А.* Начало русской школы у сербов в XVIII веке. СПб., 1903. С. 55 и сл., 61–63.

ГЛАВА II.

1. *Самарџић Р.* Писци српске историје. Београд, 1976. С.39.
2. *Голенищев-Кутузов И.Н.* Эпос сербского народа. М., 1963; *Кравцов Н.И.* Сербскохорватский эпос. М., 1985.
3. *Филиповић М.* Стање епске песме код срба у Хабзбуршким земљама око 1731 //Ковчежић. 1968. Књ. VIII. С. 48,49.
4. Югославские народные песни. М., 1956. Перевод П.Эрастова, сделан по собранию В.Караджича.
5. *Геземан Г.* Ерлангенски рукопис старих српскохорватских народных песама. Сремски Карловци, 1925.
6. Жизнь Александра Пишчевича, им самим описанная. 1764-1787. Ч.1. // ЧОИДР. 1885. Кн.1, январь-март. С.30.
7. *Васић П.* Поствизантијско сликарство у Србији у XVIII и XIX веку // Градска култура на Балкану (XV-XIX век). Београд, 1984. С. 227,228; *Давидов Д.* Иконостаси српских варошких цркава Сремске архиђецезе у XVIII веку //Там же. С. 244-245.
8. *Павић М.* Историја српске књижевности барокног доба (XVII и XVIII век). Београд, 1970. С.28.
9. *Скерлић Ј.* Српска књижевност у XVIII веку // Сабрана дела. Београд, 1966. Књ. IX. С. 193-194.
10. О творчестве Венцловича см.: *Поповић Д., Богдановић М.* Девет писама Гаврила Стефановића Венцловића //ЗКЈ. Нови Сад, 1958. Књ. IV-V; *Павић М.* Гаврил Стефановић Венцловић. Београд, 1972.

11. Толстой Н.И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988. С. 180.
12. Князь Лазарь – последний самостоятельный сербский князь, возглавивший объединенные войска сербов в битве на Косово поле. Был взят турками в плен и казнен. Это один из легендарных героев сербского эпоса.
13. Ерчић В. Мануил (Михаил) Козачинскиј и његова Траедокомедија. Нови Сад. Београд, 1980. С. 441.
14. Там же. С. 453.
15. Там же. С. 513.
16. Там же. С. 523.
17. Павић М. Историја српске књижевности барокног доба. С. 147.
18. Кићовић М. Школско позориште код Срба у току XVIII и на почетку XIX века //Зборник радова Српске Академије наука. Књ. XVII. Институт за проучавање књижевности. Београд, 1952. Књ. 2. С. 103, 104; Ерчић В. Указ. соч. С. 259.
19. Остојић Т., Ђоровић В. Српска грађанска лирика XVIII века. Из старих песмарица. Сремски Карловци, 1926; Стојановић М. Фанариотско и српско грађанско песништво //Градска култура... С. 204.
20. Радојчић Н. Гроф Ђорђе Бранковић и његово време. Београд, 1911.
21. Драгојловић Д. Штампање и преписивање ћирилских књига у балканским градовима Турског царства XV-XVIII века // Градска култура... С. 173-177.
22. Костић М. Гроф Колер као културнопросветни реформатор код срба у Угарској у XVIII веку. Београд, 1932. С. 28.
23. Грујић Р. Прилози за историју Србије у доба аустријске окупације (1718-1739.) //Споменик СКА. Београд, 1914. Т. LII. Други разред, 44. С. 84, 110 и сл.
24. Давидов Д. Предговор //Стематографија: Изображеније оружјј илирических. Изрезали у бакру Христофор Жефаровић и Тома Месмер, 1741. Нови Сад, 1972. Фототип. изд.
25. Микић О. Христофор Жефаровић и живопис манастира Бојана //Дело Христофора Жефаровића. Нови Сад, 1961.
26. Петровский Н.М. К биографии Христофора Жефаровича //Известия ОРЯС. СПб., 1910. Т. ХУ. Кн.3; Медаковић Д. Христофор Жефаровић //Летопис. Нови Сад, 1962. Књ. 389, св. 3. Библиографију творчества Жефаровича

- см.: *Маринковић Б.* Литература о српским писцима ХУШ столећа //ЗИ. Нови Сад, 1973. Св.8.
27. *Давидов Д.* Предговор. С. 6, 8.
  28. Там же. С. 8-9.
  29. Стематографија. С. 10 об., 11 об.
  30. Там же. С. 11об.
  31. *Давидов Д.* Предговор. С. 12, 14-15.
  32. *Радојчић Н.* Облик првих модерних српских историја: Поводом Марсилијеве историје срба //ЗДН. Нови Сад, 1951. Св.2. С. 33, 34; *Веселиновић Р.* Српска историографија XVIII века // Српска штампана књига 18. века. Каталог. Нови Сад-Београд, 1963. С. 38.
  33. *Веселиновић Р.* Указ.соч. С. 37.
  34. *Медаковић Д.* Барокна архитектура у Подунављу //Летопис. Нови Сад, 1961. Књ. 388, св. 5.
  35. *Јовановић М.* Руско-српске уметничке везе у XVIII веку //ЗФФ. Београд, 1963. Књ VII, св. 1.
  36. Вojводина. Знаменитости и лепоте. Београд, 1968. С. 349,350.
  37. *Давидов Д.* Иконостаси српских варошких цркава Сремске архиђијецезе у XVIII веку //Градска култура... С. 249-250.
  38. О творчестве Х. Жефаровича в области резцовой гравюры см.: *Давидов Д. Жефаровић* први српски бакрорезац XVIII века //Дело Христофора Жефаровића; *Он же.* Српски бакрорези 18. века. Нови Сад, 1983; *Јовановић М.* Руско-српске уметничке везе у XVIII веку. С. 387, 388, 389.
  39. *Петровић Д.* Српска музика и руско-српске културне везе у XVIII веку //Југословенске земље и Русија у XVIII веку. Београд, 1986.
  40. *Михаиловић Г.* Српска библиографија... С. 22-55.
  41. По истории вопроса о сербской типографии в первой половине XVIII см.: *Грујић Р.* Прилощици за историју српских штампарија у Угарској у половини XVIII. века //Споменик СКА. Београд, 1910. Т. XLIX С. 145-152, *Гавриловић Н.* Историја ћирилских штампарија у Хабзбуршкој монархији у XVIII веку. Нови Сад, 1974. С.53 и сл.; *Чурчић Л.* Српске књиге и српски писци 18. века. Нови Сад, 1988. С.19; *Марковић Ж.* Проблем оснивања штампарије у Србији у Аустрији у првој половини 18. века //ЗКЈ. Нови Сад, 1988. Књ. 35, св.2.

42. Temišvarski sabor 1790. Novi Sad-Sremski Karlovci, 1972. 431–432.
43. Костин М. Књиге, књижарство и књижнице Срба у XVIII веку // Српска штампана књига... С. 22, 24.
44. Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. М., 1984. С. 80.
45. Геземан Г. Ерлангенски рукопис.. С. XVI, XXIV; Кадак Ив. Српска грађанска ношња XVIII века у Војводини // ЗДН. Нови Сад, 1959. Св.24. С. 75.
46. Российско-сербским культурным связям в XVIII в. посвящена большая литература. Последние работы общего плана: Вулетин В. Улога Русије у културном и националном развоју Срба у 18. и 19. веку // Славянские культуры и Балканы. София, 1978. Т.2 ; Бажова А.П. Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. М., 1982. С. 183-226; Сохань П.С. Киев в духовном общении славянских народов (традиции и современность) // IX Міжнародний з'їзд славістів. Історія, культура, фольклор та етнографія слов'янських народів. Доповіді. Київ, 1983; Наумов Е.П. Из истории русско-сербских культурных связей конца XVIII - первой трети XIX вв.// Балканские исследования. М., 1987 : Общественные и культурные связи народов СССР и Балкан XVIII-XX вв. и др.
47. См. Политические и культурные отношения России... С. 21–22, 25–26, 36–37, 75, 98–99, 111, 138, 252, 248–249.
48. Там же. С. 51–53, 138–139, 215–217, 252, 256.
48. Большой и разнообразный материал по этому вопросу содержится в сборнике документов "Политические и культурные отношения..."
50. Там же. С. 158–159.
51. Стематографија. С.9.
52. Там же. С. 28 об.
53. Политические и культурные отношения... С. 26–27, 29, 44, 81, 92, 133, 257, 260.; Кулаковский П.А. Начало русской школы у сербов в XVIII веке. СПб., 1903. С. 74.
54. Полное собрание постановлений и рапорожений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1876. Т. IV. С. 128.
55. Политические и культурные отношения... С. 92, 259, 260–261, 267.
56. Там же. С. 43, 133, 137, 257, 267 и др.

57. В 1770 г. печатная книга в среднем стоила 10 фор., столько же стоил конь с телегой. См. *Марковић Ж.* Проблем оснивања ... С.327.
58. *Костић М.* Књиге... С. 14, 15.
59. *Соларич П.* Поминак книжескій о славено-сербском в Млетках печатанію. В Млетках, 1810. С. 58, 59.
60. *Костић М.* Књиге... С. 17.
61. См. описание митрополичьей библиотеки в Белграде от 1733 г. *Грујић, Р.* Прилози за историју Србије у доба аустријске окупације (1718.-1739.) // Споменик СКА. Београд, 1914. Т. LII. Други разред, 44. С.113 и сл.; *Бошков М.* Руска штампана књига у нашем XVIII веку// ГФФ. Нови Сад, 1973. Књ. XVI, св. 2.
62. История русской литературы. Л., 1980. Т.1. С. 335, 406.
63. ПСЗ. СПб., 1830. Т. VI. 1720-1722. С. 3196, 320а, б, 321а, 323б, 324б, 325а.
64. Там же. С. 331а.
65. Библиографическое описание книг см.: *Быкова Т.А., Гуревич М.М.* Описание изданий гражданской печати. 1708-январь 1725 г. М.-Л., 1955; *Они же.* Описание изданий напечатанных кириллицей. 1689-январь 1725 г. М.-Л., 1958.
66. *Михаилович Г.* Српска библиографија... С. 14-15, 33, 44, 48, 51-52.
67. *Остојић Т. Ђоровић В.* Указ. соч. С. VI, XII, XXI, XXII.
68. Историја српског народа. Београд, 1986. Књ. IV, т.2. С.350.
69. Политические и культурные отношения... С. 56-58, 63.
70. Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии. Киев, 1904. Отд. I. Т. I, ч. I. С. 122-123.
71. *Кулаковский П.А.* Начало русской школы... С. 78, 79, 80.
72. *Грујић В.* Прилози за историју српских школа у првој половини XVIII. века // Споменик СКА. Београд, 1910. Т. XLIX. С. 106.
73. Политические и культурные отношения... С.79.
74. *Руварац Д.* Писма Максима Суворова руско-српского учителя и митрополита Моисија Петровића // Споменик СКА. Београд, 1910. Т.XLIX. Други разред, 42. С. 84.
75. Там же. С.82. См. также *Грујић Р.* Прилози... С. 109.
76. *Руварац Д.* Указ соч. С. 84.
77. Политические и культурные отношения... С. 79.

78. *Грујић В.* Прилози... С.111, 112.
79. Политические и культурные отношения... С. 79, 80.
80. Там же. С. 81.
81. *Кулаковский П.А.* Начало русской школы... С.109, 123, 125.
82. Политические и культурные отношения...С. 83-84.
83. См. *Грујић Р.* Прилози ... С. 115.
84. Политические и культурные отношения ...С. 85.
85. *Грујић Р.* Прилози ... С. 130-131.
86. *Кулаковский П.А.* Начало русской школы...С.154 и сл.; *Пащенко Е.М.* Києво-Могилянська академія і розвиток шкільництва в Сербії //Радянське літературознавство. 1989. N 2.
87. *Вишневский Д.* Киевская Академия в первой половине XVIII столетия. Приложение VII. Киев, 1903. С. 349.
88. Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии. С. 235, 236.
89. *Шевченко Ф.П.* Роль Києва в міжслов'янських зв'язках у XVII – XVIII ст. Київ, 1963.
90. *Костић М.* Гроф Колер ... С.12; Историја српског народа. Књ. IV, т. 2. С. 354-355.
91. О Киево-Могилянской академии см.: *Вишневский Д.* Указ. соч.; *Хижняк З.У.* Києво-Могилянська академія. Київ, 1970.
92. Политические и культурные отношения... С.167, 193-194, 261; *Петров Н.П.* Воспитанники Киевской Академии из сербов с начала синодального периода и до царствования Екатерины II (1721-1762) // Известия ОРЯС. СПб., 1904. Т. IX, кн. 4. С. 6, 7; *Шевченко Ф.П.* Роль Києва ... С. 26-28.
93. Цит. по кн.: *Шевченко Ф.П.* Роль Києва ... С. 29-30.
94. *Чурчин Л.* Српске књиге... С. 76-92.
95. *Младенович А.* Русскославянский язык и формирование литературного языка у сербов во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. // Славянские культуры и Балканы. София, 1978. Т.2; *Гудков В.П.* Русский язык в истории литературного языка у сербов // Вестник Моск. ун-та. М., 1983. Серия 9. Филология, N 4.

ГЛАВА III.

1. *Конев И.* Българского Възраждане и Просвещението: История,историческо съзнание, взаимодействия. София, 1983. С. 148,223, 224.

2. Библиографию жизни и деятельности З.Орфелина см.: *Маринковић Б.* Bibliographia Orpheliniana // ГФФ. Нови Сад, 1973. Књ. XVI, св. 2; *Он же.* Bibliographia Orpheliniana (II) // ГФФ. Нови Сад, 1975. Књ. XVIII, св. 2.
3. *Маринковић Б.* Извори за Орфелинову преписку (I). Прилози //Споменица о 250-годишњици рођења Захарије Орфелина. Београд, 1976. С.116; *Остојић Т.* Захарија Орфелин. Живот и рад му. Београд, 1923; *Паланчанин С.* Data Orfeliniana // Орфелиново Житије Петра Великог. 1772–1972. Нови Сад, 1972.
4. *Дурковић-Јакшић Љ.* Орфелинова библиотека //Споменица... С. 43, 46, 48.
5. *Маринковић Б.* Извори за Орфелинову преписку. С.116.
6. *Чурчић Л.* Захарија Орфелин и српска књига //Споменица...С.8
7. См.: *Кириловић Д.* Предговор //Орфелин З. Зрцало науке. Нови Сад, 1952. С.5-9.
8. *Михаиловић Г.* Српска библиографија XVIII века. Београд, 1964. С. 59.
9. *Гавриловић З.* Антологија српског родољубивог песништва (XIV–XX век). Београд, 1967. С.49.
10. См.: Славено-сербський магазин. В Венеції, 1768. Т. I, ч. I. С.77; Житіє і славная дела... Петра Великаго. В Венеції, 1772. Т. I. Предисловие, б/с (далее –Житие).
11. Славено-сербський магазин. С.3.
12. Там же. С.4,5.
13. Там же. С. 6, 9, 13, 86.
14. Там же. С. 8.
15. Там же. С. 11.
16. О языковой ситуации у сербов в XVIII в. см.: *Дмитриев П.А., Сафонов Г.И.* Вук С.Караджич и его реформа сербохорватского/хорвато-сербского литературного языка. Л., 1984; *Толстой Н.И.* История и структура славянских литературных языков. М., 1988; *Гудков В.П.* Сербская лексикография XVIII века. М., 1993.
17. *Јулинац П.* Краткое введение в историю происхождения славено-сербского народа. Београд, 1981. Фототип. изд. С.(13).
18. Славено-сербский магазин. С. 16.
19. *Толстой Н.И.* Указ. соч. С. 181,189, 192.
20. Житие. Ч.1. Предисловие.
21. *Орфелин З.* Представка Марији Терезији. Нови Сад, 1972. С. 21, 31, 33, 73, 107.

22. Там же. С.83.
23. О П.Юлинаце см.: *Георгијевић К.* Павле Јулинац //ЗФФ. Београд, 1952. Књ. II; *Радојчић Н.* О Павлу Јулинцу //ЗДН. Нови Сад, 1952. Св.4; *Маринковић Б.* Трагом Павла Јулинца//Летопис. Нови Сад, 1968. Књ.402, св.1; *Деретић Ј.* Српски роман. 1800-1950. Београд, 1981. С. 61-62.
24. *Остојић Т., Ђоровић В.* Српска грађанска лирика XVIII века. Из старих песмарица. Сремски Карловци, 1926. С. III, VI, XII, XXII; *Пал Џ.* Прва балканска песмарица грађанског песништва // ЗКЈ. Нови сад, 1988. Књ. 36, св. 1.
25. Чурчић Л. Српске књиге и српски писци 18. века. Нови Сад, 1988. С. 32-62.
26. Чурчић Л. Захарија Орфелин и српска књига. С. 29-30.
27. См. *Давидов Д.* Српски бакрорези 18. века. Нови сад. 1983.
28. Из переписки З.Орфелина следует, что он в 1779 г. еще работал над иллюстрациями на петровскую тему. См.: *Форишковић Д.* Две белешке о Захарију Орфелину //ЗКЈ. Нови Сад, 1969. Књ. XVII, св.2. С. 259; *Паланчанин С.* Указ. соч. С.15.
29. *Давидов Д.* Бакрорезне илустрације Захарије Орфелина у Историји Петра Великог // ЗЛУ. Нови Сад, 1974. Т.10.
30. *Маринковић Б.* Извори...С. 119.
31. *Давидов Д.* Иконостаси српских варошких цркава Сремске архиђеџезе у XVIII веку // Градска култура на Балкану (XV-XIX век). Београд, 1984. С. 247-252.
32. *Медаковић Д.* Српска уметност у XVIII веку. Београд, 1980. С.86 и сл.
33. О книге Юлинаца см.: *Радојчић Н.* Облик првих модерних српских историја //ЗДН. Нови Сад, 1951. Св.2.
34. *Јулинац П.* Краткоје введение...(С. 118-119).
35. *Форишковић А.* Две белешке ... С. 254, 255, 257; *Паланчанин С.* Указ. соч. С. 9, 10.
36. *Маринковић Б.* Трагом Павла Јулинца . С.108-109.
37. Славено-сербский магазин. С.84, 85, 86, 87.
38. *Михајловић В.* О Орфелиновом латинско-руско-српскохрватско немачком речнику из 1767. године //Споменица... С. 61-65.
39. *Пецињачки С.* Основна српска народна школа у Суботици у XVIII веку (1710-1801/2) //ЗИ. Нови Сад, 1980. Св.22.

40. Историја српског народа. Књ. IV, т.2. С.360,361.
41. *Бошков М.* Руска штампана књига у нашем XVIII веку // ГФФ. Нови Сад, 1973. Књ. XVI, св.2. С. 561.
42. *Михаиловић Г.* Српска библиографија ... С. 55–161.
43. Славено-србскиј магазин. С. 6-7.
44. Там же. С. 10, 15.
45. Там же. С. 12.
46. Там же.
47. *Бошков М.* Захарија Орфелин и књижевност руског просветитељства //ЗС. Нови Сад, 1974. С.50, 51, 71.
48. *Михаиловић Г.* Српска библиографија... С. 80–81.
49. *Таубе Ф.* Опис Славоније и Срема // ЗКЈ. Нови Сад, 1958. Књ. IV–V. С. 222.
50. *Орфелин З.* Представка... С. 13,15.
51. *Кадак И.* Српска грађанска ношња XVIII века у Војводини // ЗДН. Нови Сад, 1959. Св.24; *Васић Т.* Градска ношња срба от XVI до XIX века //Градска култура... С.264–267.
52. О сербском барокко см. : *Медаковић Д.* Путеви српског барока. Београд, 1971; *Васић П.* Доба барока. Београд, 1971; *Павић М.* Историја српске књижевности барокног доба (XVII и XVIII век). Београд, 1970.
53. *Павић М.* Историја српске књижевности класицизма и предромантизма: Класицизам. Београд, 1979. С.44.
54. *Денић Ч.* Школовање срба у Русији крајем XVIII века и однос сународника према нима //Југословенске земље и Русија у XVIII веку. Београд, 1986. С.241,242.
55. *Давидов Д.* Иконостаси. ..С. 250.
56. *Васић П.* Поствизантијско сликарство у Србији у XVIII и XIX веку// Градска култура... С. 227, 228, 230, 231.
57. Об авторству гравюра см.: Стематографија. Нови Сад, 1972. Фототип. изд. С. 29-30.
58. Об отражении деятельности Петра I в югославянских литературах см.: *Заболотский П.А.* Очерки русского влияния в славянских литературах нового времени. Варшава, 1908. Т.1, кн.І: Русская струя в литературе сербского возрождения. С. 32–33, 37, 39–42, 48; *Костић М.* Култ Петра Великог међу Русима, Србима и Хрватима у XVIII веку //ИЧ. Београд, 1959. Књ. VIII; *Радојичич Г.С.* Отражение реформ Петра I в сербской письменности XVIII в. //Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры: М.–Л., 1966. С. 56; *Mokuter J.* Petar Veliki u srpskoj književnosti

XVIII veka //*Studia slavica*. Budapest, 1965. Т.Х1, f. 3-4.
S.349-350.

59. Паланчанин С. Указ. соч. С. 12.

60. Бошков М. Житије Петра Великог у Бакмајстеровом часопису 1778. године. Прилог проучавању руске рецепције // Споменица... С.90, 97.

61. Житие и славныя дела Петра Великаго. СПб., 1774.
Преуведомление.

62. Михаиловић Г. Српска библиографија... С. 104-105.

63. См.: Губерти Н.В. Материалы для русской библиографии. Хронологическое обозрение редких и замечательных русских книг XVIII столетия. М., 1878. Т. I. С. 186.

64. Житие. Предисловие. б/с.

65. Михаиловић Г. Српска библиографија... С.116,118-120, 124-126.

66. Житие. Предисловие.

67. Там же.

68. Житие.Т.1. С. 241,251.

69. Там же. С. 1, 2, 34.

70. Там же. С. 35,36.

71. Там же. С. 37.

72. Там же. С. 37, 38.

73. Там же. С. 3.

74. Там же. С. 32.

75. Там же. С. 5, 6.

76. Там же. Предисловие.

77. Там же. С. 40.

78. Там же. С. 42, 43.

79. Житие (Посвящение).

80. Чурчин Л. Захарија Орфелин и српска књига. С. 26.

81. Житие. Т.1. С. 51, 52, 54, 63-64.

82. Там же. С. 56, 59.

83. Там же. С. 67.

84. Там же. С. 74.

85. Там же. С. 87.

86. Там же. С. 111.

87. Там же. С. 117.

88. Там же. С. 125.

89. Там же. С. 128.

90. Там же. С. 150, 163.

91. Там же. Предисловие.

92. Там же. С. 155.

93. Там же. С. 164.

94. Там же. С. 204, 238.
95. Там же. С. 281. См. также: Т. II. С. 73.
96. Там же. Т. I. С. 259.
97. Там же. С. 237.
98. Там же. С. 191-192, 238.
99. Житие. Предисловие.
100. Там же. С. 254-255, 282.
101. Там же. С. 276.
102. Там же. С. 250.
103. Там же. С. 259.
104. Там же. С. 205-206.
105. Там же. С. 218.
106. Там же. С. 238.
107. Там же. С. 121-122.
108. Там же. С. 124-125.
109. Там же. С. 249.
110. Житие. Т.1. С.143, 246, 247; Т.II. С. 184.
111. Житие. Т.1. С.100, 156, 163.
112. Там же. С. 129, 307.
113. Житие. Предисловие.

ГЛАВА IV.

1. Биография Досифея Обрадовича дается на основе мемуарно-автобиографического сочинения писателя. Важные сведения содержатся в комментариях к собранию сочинений Обрадовича (*Обрадовић Д. Сабрана дела. Т. I-III. 1811-1961. Београд, 1961*), а также в работе: *Паланчанин С. Data Dositeana // ЗК Ј. Нови Сад, 1981. Књ. XXVIII. Св.1*. Здесь же библиография жизни и деятельности Обрадовича.

2. Год рождения Досифея Обрадовича неизвестен. В новейших сербских исследованиях преобладает точка зрения, согласно которой писатель родился в 1739 или 1740 гг.

3. *Обрадовић Д. Сабрана дела. Т.1. С.151,152; Остојић Т. Доситеј Обрадовић у Хопову. Нови Сад, 1907. С. 342.*

4. *Остојић Т. Доситеј Обрадовић... С. 359 и сл., 365, 368.*

5. *Обрадовић Д. Сабрана дела. Т.1. С. 152.*

6. *Остојић Т. Доситеј Обрадовић... С. 283-284.*

7. *Обрадовић Д. Сабрана дела. Т. I. С. 153.*

8. Там же. С.175.

9. Там же. С.178, 183.

10. Там же. С.185. Белешке. С. 752.

11. Там же. С. 186, 187,

12. Там же. С. 198 и сл., 220-221, 642; Т. III. С. 33-34. Белешке. С. 416 и след.
13. *Обрадовић* Д. Сабрана дела. Т.1. С. 226.
14. Там же. С. 228.
15. Там же. С. 229.
16. Там же; *Костић* М. Доситеј Обрадовић у историској перспективи XVIII и XIX века. Београд, 1952. С. 62.
17. *Обрадовић* Д. Сабрана дела. Т.1. С. 237.
18. Там же. С. 238, 239.
19. Там же. С. 250.
20. Там же. С. 306-308, 310, 311-313.
21. Там же. С. 254, 255.
22. Там же. С. 259, 267, 269. Белешке. С. 768-769.
23. *Обрадовић* Д. Сабрана дела. Т.1. С. 281.
24. Там же. С. 281, 252.
25. Там же. Т. III. С.17-19.
26. Там же. С. 274.
27. Там же. С. 285.
28. *Перовић* Р. О једном тобожњем писму Доситеја Обрадовића из доба Првог српског устанка // Ковчежић Београд, 1958. Књ. I. С. 7-13, 15, 17, 18, 20; *Он же*. Око боравка Доситеја Обрадовића у Београду (1807-1811): Прилог историји Београда у XIX веку // Ковчежин. Београд, 1966. Књ. УП. С. 66.
29. Первое сербское восстание 1804-1813 гг. и Россия. М., 1980. Кн.1. 1804-1807. С. 315.
30. *Ивић* Ал. Архивска грађа о српским књижевним и културним радницима. 1740-1880. Београд-Суботица, 1926. С.35.
31. *Перовић* Р. Око боравка...// Ковчежић. Београд, 1968. Књ. VIII. С. 89.
32. *Обрадовић* Д. Сабрана дела. Т.III. С. 334.
33. *Ивић* Ал. Списи бечких архива о Првом српском устанку. Година 1808. Суботица, 1939. Књ. V. С. 649.
34. Там же. С. 672.
35. *Обрадовић* Д. Сабрана дела. Т.1. С. 289.
36. Temišvarski sabor 1790. Novi Sad-Sremski Karlovci, 1972. S.1.
37. Об Эм. Янковиче см.: *Маринковић* Б. Емануил Јанковић с оне стране непознатог //ГФФ. Нови Сад, 1971. Књ. XIV, св.1; *Он же*. Твораштво по сродности или Емануил Јанковић //ГФФ. Нови Сад,1972. Књ. XV, св.1.

38. Библиографию творчества Стойковича см.: *Марин С.* Грађа за библиографију о Атанасију Стојковићу //ЗКЈ. Нови Сад, 1954. Књ. 1.
39. *Костић М.* Доситеј Обрадовић...С. 267-268.
40. Наиболее крупные работы, в которых освещались взгляды Обрадовича: *Костић М.* Указ.соч.; *Деретић Ј.* Доситеј и његово доба. Београд, 1969; *Стојковић А.* Философски погледи Доситеја Обрадовића. Београд, 1980.
41. *Обрадовић Д.* Сабрана дела. Т. II, С.490.
42. Там же. Т.1. С. 110, 352, 477, 561.
43. Там же.Т. II. С. 328.
44. Там же. С.227.
45. Там же. С.453.
46. Там же. Т.1. С.648.
47. См.: Историја народа Југославије. Београд, 1960. Књ. II. С. 1115, 1116; *Деретић Ј.* Доситеј и Русо //Ковчежић. Београд, 1961. Књ. IV. С. 35.
48. *Костић М.* Доситеј Обрадовић ...С.118-123; *Јаварек В.* Доситејево интересовање за дела енглеских моралиста XVII и XVIII века //Ковчежић. Београд, 1961. Књ. IV. С. 5-13; *Деретић Ј.* Доситеј и његово доба. С. 84, 88; *Стојковић А.* Философски погледи...С. 39.
49. *Обрадовић Д.* Сабрана дела. Т.1. С. 81.
50. Там же. С. 326.
51. Там же. С. 134, 135. 136, 354, 646, 654.
52. Там же. С. 81.
53. Там же. С. 150.
54. Там же. С. 65.
55. *Обрадовић Д.* Сабрана дела. Т.1. С. 615-616.
56. О влиянии реформ Петра I на зарождение рационализма у сербов см. : *Деретић Ј.* Доситеј Обрадовић према "Историји" Јована Рајића //Ковчежић. Београд, 1960. Књ. III. С. 28; *Mokuter J.* Petar Veliki u srpskoj književnosti XVIII veka //*Studia slavica. Budapest*, 1965. Т. XI. F. 3-4.
57. *Обрадовић Д.* Сабрана дела. Т.1. С. 165, 320, 335, 688.
58. Там же. С. 252.
59. Там же. С. 548-549.
60. ПЗС. Т.VI. С. 345а, 345б.
61. *Обрадовић Д.* Сабрана дела. Т.1. С. 117. Обрадович вложил эти слова в уста темишварского епископа Поповича, действительного исторического лица, но идеализированного автором.
62. Там же. С. 119, 548, 549.

63. Там же. С. 117, 123, 156, 162, 504, 549.
 64. Там же. С. 146, 163, 566, 567, 651, 652.
 65. Там же. С. 566.
 66. См. там же. С. 141, 331-334, 651, 652, 658, 688.
 67. Там же. С. 80. См. также с. 335, 336, 417.
 68. *Мушкатирович Ј.* Краткое размышление о праздници. У Бечу, 1786.
 69. О Максимовиче см.: *Костић М.* Михајло Максимовић сатиричар наше г друштва XVIII века //ЗКЈ. Нови Сад, 1954. Књ.1.
 70. *Обрадовић Д.* Сабрана дела. Т.1. С.460.
 71. Там же. С.338.
 72. Там же. С. 66.
 73. Там же. С. 178, 333, 337, 539, 583, 684–685.
 74. Там же. С.474.
 75. Там же. Т.II. С. 320.
 76. Там же. Т.I. С. 535.
 77. Там же. С. 63.
 78. Там же. С. 301.
 79. Там же. Т.II. С. 281.
 80. Там же. Т.1. С. 65.
 81. Там же. С. 284.
 82. *Соларич П.* Ключич у мое землеописаніе. У Венеції, 1804. С.9.
 83. *Обрадовић Д.* Сабрана дела. Т.1. С. 302–304, 667, 668.
 84. Там же. С. 105, 106, 108, 235, 355.
 85. Там же. С. 342, 344, 369.
 86. *Соларич П.* Ново граждансько землеописаніе. У Венеції, 1804. Ч. I. С. VI, XIV.
 87. *Обрадовић Д.* Сабрана дела. Т.1. С. 164.
 88. Там же. Т. II. С. 172, 402.
 89. Там же. С. 504-505.
 90. Там же. Т. I. 371, 416, 539.
 91. Там же. С. 704.
 92. Там же. С. 156.
 93. Там же. С. 213.
 94. Там же. Т. II. С. 488.
 95. Там же. Т. I. С. 469.
 96. Там же. С. 472.
 97. Там же. С. 567, 608–609.
 98. Там же. Т. II. С. 320.
 99. Там же. Т. III. С. 344.
 100. Там же. Т. I. С. 65.

101. Там же. Т. II. С. 440.
102. Там же. Т. I. С. 323.
103. Іанкович Е. Терговци. У Лайпцигу. 1787. С. 4.
104. Обрадовић Д. Сабрана дела. Т. II. С. 280.
105. Там же. Т. I. С. 62, 685.
106. Там же. Т. III. С. 17–19.
107. Там же. Т. I. С. 303, 306, 424.
108. Там же. С. 613.
109. Там же. Т. III. С. 22, 25.
110. Temišvarski sabor 1790. S. 5-6, 9.
111. Обрадовић Д. Сабрана дела. Т. II. С. 454, 455.
112. Там же. Т. I. С. 648–649.
113. Там же. С. 80. См. также с. 173.
114. Іанкович Е. Терговци. С. 2, 3.
115. Толстой Н.И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988. С. 192.
116. Обрадовић Д. Сабрана дела. Т. I. С. 161.
117. Историја српског народа. Београд, 1986. Књ. IV, т.2. С.93–94.
118. Мушкатирович И. Причте илити по простому пословице тем же сентенцие илити реченија. У Бечу, 1787. С.2.
119. См.: Михаиловић Г. Српска библиографија XVIII века. Београд, 1964. С. 210.
120. Обрадовић Д. Сабрана дела. Т. II. С. 277–278.
121. Дмитриев П.А., Сафонов Г.И. Вук С. Караджич и его реформа сербохорватского/хорватосербского литературного языка. Л., 1984. С.18.
122. Обрадовић Д. Сабрана дела. Т. II. С.281.
123. О славяносербском языке в конце XVIII в. см.: Гудков В.П. Сербская лексикография XVIII века. М., 1993. С.164.
124. Обрадовић Д. Сабрана дела. Т. II. С. 181.
125. Там же. С. 183.
126. Там же. С. 182.
127. Там же. С. 184.
128. См. Стојановић М. Доситеј и Антика. Београд, 1971; Кићовић-Пејаковић С. Енглеска књижевност у Срба у XVIII и XIX веку. Београд, 1973. С. 141 и сл.
129. Обрадовић Д. Сабрана дела. Т. I. С. 407,
130. Там же. С. 171.
131. Там же. С. 185, 187.
132. Там же. С. 133–134.
133. Там же. С. 184.

134. См. *Стојановић М.* Доситеј и Антика.

135. · Известие и похождении Симеона Степановича Пишчевича. 1731 - 1785 // ЧОИДР. М., 1881. Кн. 4. 1882. Кн. 2. 1883. Кн. 2. О Пишчевиче и его сочинении см.: *Бажова А.П.* Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. М., 1982. С. 150, 209; *Беляева Ю.Д.* "Мемуары" Симеона Пишчевича // Русско-сербские литературные связи XVIII – начала XIX века. М., 1989. Там же библиография вопроса.

136. *Шаулић А.* Доситеј према народној књижевности // *Ковчежић Б.* Београд, 1977. Књ. XIV и XV.

137. *Обрадовић Д.* Сабрана дела. Т. II. С. 487.

138. Там же. С. 178.

139. О собрании Мушкатировича см.: *Шаулић А.* Јован Мушкатировић први скупљач српских народних пословица // *Јужнословенски филолог.* Београд, 1955–1956. Књ. XXI, св. 1-4.

140. *Павић М.* Историја...Класицизам. С.500.

141. Там же. С.113, 245, 261-266.

142. *Іанкович Е.* Терговци. С.3.

143. О классицизме в сербском изобразительном искусстве см.: *Коларић М.* Класицизам код срба. 1790–1848. Београд, 1965; *Медаковић Д.* Српска уметност у XVIII веку. Београд, 1980.

144. *Медаковић Д.* Српска уметност...С. 144–155.

145. Там же. С. 238–239.

146. *Іанкович Е.* Терговци. С. 1,2.

147. *Павић М.* Историја српске књижевности барокног доба (XVII и XVIII век). Београд, 1970. С. 279–281.

148. Класицизм код Срба: Грађевинарство. Београд, 1966. С. 10.

149. *Обрадовић Д.* Сабрана дела. Т. III. С. 268.

150. *Стойкович А.* Фисика. В Будиме, 1803. Ч. III. С. 235.

151. Там же. В Будиме. 1802. Ч. II. С. 86.

152. Там же. Ч. III. С. 222. См. также. С. 237.

153. Там же. Ч. II. Предисловие.

154. *Соларич П.* Ново грађанско землеописање. С. V.

155. *Обрадовић Д.* Сабрана дела. Т. II. С. 40.

156. Там же. С. 374–375.

157. Там же. С. 376, 377, 378.

158. Там же. С. 376.

159. *Радојчић Н.* Српски историчар Јован Рајић. Београд, 1952; *Самарџић Р.* Писци српске историје. Београд, 1976. С.49 и сл.
160. *Раич И.* Исторія разных славенских народов наиначе болгар, хорватов и сербов: В 4-х ч. В Віенне, 1794, 1795. Ч. I. Предисловие. б/с.
161. Там же. Ч. II. С.701.
162. Там же. Ч. III. С. 69.
163. Там же. Ч. II. С. 146.
164. *Обрадовић Д.* Сабрана дела. Т. II. С. 415.
165. См. там же. С. 375.
166. *Михаилович Г.* Српска библиографија...С. 161–362.
167. *Костић М.* Књиге, књижарство и књижнице срба у XVIII веку //Српска штампана књига 18. века. Каталог. Београд, 1963. С.19; *Давидов Д.* Српски бакрорези 18. века. Нови Сад, 1983. С. 33-35.
168. *Маринковић Б.* Емануил Јанковић с оне стране непознатог//ГФФ. Нови Сад, 1971. Књ. XIV, св. I. С. 222, 233, 235.
169. *Костић М.* Књиге....С. 19; *Гавриловић Н.* Историја ћирилских штампарија у Хабзбуршкој монархији у XVIII веку. Нови Сад. 1974. С. 202 и след.
170. *Обрадовић Д.* Сабрана дела. Т. II. С. 10.
171. *Стојановић М.* Фанариотско и српско грађанско песништво // Градска култура на Балкану (XV–XIX век). Београд, 1984. С. 204–205, 212 и сл.
172. *Павић М.* Историја...Класицизам. С. 153, 157.
173. О сербской периодической печати см.: *Крестић В.* Историја српске штампе у Угарској 1791-1914. Нови Сад, 1980.
174. Славенно-сербскія ведомости. 1792–1793, 1794. Нови Сад, 1961. Фототип. изд.
175. *Костић М.* Доситеј Обрадовић у историској перспективи...С.84–85.
176. *Temišvarska sabor 1790.* S.72–73.
177. *Петровић К.* Историја Карловачке гимназије. Нови Сад, 1951.
178. *Караџић В.* Географическо-статистическо описание Србије // Сабрана дела. Београд, 1969. Т.8. С.175, 176.
179. Обрадовић Д. Сабрана дела. Т. III. С. 283.
180. *Гавриловић С.* Ситне вести у вези с Доситејем и његовим делима //Ковчежић. Београд, 1972. Књ. X. С. 123,

124. Об отношениях между Стратимировичем и Обрадовичем см.: *Петровић Т.* Митрополит Стратимировић и Доситеј Обрадовић // Ковчежић. Београд, 1959. Књ. II.

181. *Костић М.* Књиге... С. 23.

182. *Веселиновић Г.* Српска историографија XVIII века // Српска штампана књига... С. 54.

183. *Караџић В.* Указ. соч. С. 162, 171.

ГЛАВА V.

1. *Обрадовић Д.* Сабрана дела. Т. I-III. Београд, 1961. Т. I. С. 161.

2. Чурчић *Л.* Српске књиге и српски писци 18. века. Нови Сад, 1988. С. 282 и сл.

3. *Костић М.* Књиге, књижарство и књижнице Срба у XVIII веку // Српска штампана књига 18. века. Каталог. Београд, 1963. С. 19.

4. Павић *М.* Историја српске књижевности класицизма и предромантизма: Класицизам. Београд, 1979. С. 54, 55, 66 и др. О связях Обрадовича с западной литературой и журналистикой см. обстоятельные примечания к собранию сочинений писателя.

5. Јаварек *В.* Доситејево интересовање за дела енглеских моралиста XVII и XVIII века // Ковчежић. Београд, 1961. Књ. IV. С. 5-14; Киховић-Пејаковић *С.* Енглеска књижевност у Срба у XVIII и XIX веку. Београд, 1973.

6. Славенско-сербскія ведомости. 1792-1793, 1794. Нови Сад, 1961. Фототип. изд.

7. Историја српског народа. Београд, 1986. Књ. IV, т. 2. С. 131. Собрание Гердера получило особую известность в последнем издании 1807 г. под названием "Голоса народов в песнях".

8. Павић *М.* Историја... Класицизам. С. 197 и сл., 203, 264.

9. См.: Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. М., 1984. С. 332, 333, 334 и др.

10. См. там же. С. 327-330.

11. Там же. С. 400

12. Там же. С. 327.

13. Бажрова *А.П.* Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. М., 1982. С. 199.

14. Житије Герасима Зелића. Београд, 1897. Св. I.

15. *Денић Ч.* Школовање срба у Русији крајем XVIII века и однос субородника према њима //Југословенске земље и Русија у XVIII веку. Београд, 1986. С. 246 и сл.
16. Там же, с. 259, 260.
17. См. Политические и культурные отношения... С.401 и сл.
18. *Текелија С.* Описаније живота. Београд, 1966.
19. *Соларич П.* Ново грађанско землеописаніе. У Венеції, 1804. С. XIII-XIV.
20. *Обрадовић Д.* Сабрана дела. Т.1. С. 324.
21. ПСЗ. СПб., 1830. Т.VI. С. 3216, 322а.
22. *Обрадовић Д.* Сабрана дела. Т.1. С. 68. См. также с. 64.
23. ПСЗ. Т.VI. С. 317, 346.
24. *Обрадовић Д.* Сабрана дела. Т. 1. С. 65.
25. *Раич И.* Исторія разных славенских народов наипаче болгар, хорватов и сербов. В Віенне, 1794. Ч. 1. С. 46.
26. *Обрадовић Д.* Сабрана дела. Т.1. С. 155.
27. *Остојић Т.* Доситеј Обрадовић у Хопову. Нови Сад, 1907. С.376.
28. *Обрадовић Д.* Сабрана дела. Т. 1. С. 116.
29. *Мушкатирович Ј.* Краткое размышление о праздници. У Бечу, 1786. С. 22, 24, 25, 26.
30. *Обрадовић Д.* Сабрана дела. Т.1. С. 688.
31. Там же. С. 556.
32. ПСЗ. Т.VI. С. 330.
33. *Обрадовић Д.* Сабрана дела. Т.I. С. 554.
34. *Обрадовић Д.* Сабрана деле. Т. I. С. 155.
35. Там же. С. 607; Т. II. С. 323.
36. Там же. Т. I. С. 460.
37. Там же.
38. Там же. Т. II. С. 323.
39. Там же. Т. I. С. 607.
40. Там же. С. 574.
41. Там же. Т. II. С. 110-112.
42. *Соларич П.* Ново грађанско землеописаніе. С. 408.
43. Там же. С. 407.
44. Славенско-сербскія ведомости. 1792-1793, 1794.
45. Энгельгардт Л.Н. Записки. М., 1860. С. 24.
46. Глинка С.Н. Записки. СПб., 1895. С. 138.
47. Зорич Семен Гаврилович. Письма к Булгакову Якову Ивановичу. — Российская государственная библиотека. ОР.

- Ф.41.** Булгаковы, 88. Ед. хр. N 4. Письмо от 12. XI. 1798; *Денић Ч.* Указ. соч. С. 255.
48. Жизнь А.С.Пищевича им самим описанная. 1764–1787. Ч. I //ЧОИДР. 1885. Кн. I. С. 28.
49. *Текелија С.* Описаније живота. С. 113; *Попов Н.* Савва Текели в России (1787-1788) //Русский архив. 1878. Кн. 3; *Житије Герасима Зелића.* Св. I. С. 173.
50. *Обрадовић Д.* Сабрана дела. Т. III. С. 240.
51. *Бошков М.* Руска штампана књига у нашем XVIII веку //ГФФ. Нови Сад. 1973. Књ. XVI, св. 2. С. 561, 562, 563.
52. *Веселиновић Р.* Српска историографија XVIII века //Српска штампана књига 18. века. Каталог. Београд, 1963. С. 50-51.
53. Вестник Европы. 1807. N 11. С. 502.
54. Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. М., 1956. С. 424.
55. *Милосављевић П.* Срби-професори Харковског универзитета // *Balcanica. Belgrade*, 1977. Т. VIII.
56. Письма Александра Тургенева Булгаковым. М., 1939. С.40, 42; Архив братьев Тургеневых. СПб. 1911. Вып.2. С.132 и сл., 344.
57. Кайсаров А.С. – Мушицкому. 30 марта (11 апреля) 1805 г.– *Ягич И.В.* Новые письма Добровского, Копитара и других югозападных славян //Сборник ОРЯС АН. СПб., 1897. Т.62. С. 697.
58. Кайсаров А.С.–Мушицкому. 1(13) января 1805 г.///Там же. С. 695.
59. Белград 17(29) февраля 1808 г. – Российский государственный военно-исторический архив (далее– РГВИА). Ф.ВУА. Д. 394. Ч.1. Л.208об.
60. См. Донесение К.К.Родофиникина А.А.Прозоровскому. Белград, 23 мая (4 июня) 1808 г. – РГВИА. Ф.ВУА. Д.394. Ч.2. Л. 230.
61. *Перовић Р.* Око боравка Доситеја Обрадовића у Београду (1807-1811) //Ковчежић. Београд, 1966. Књ. VII. С.63.
62. Первое сербское восстание 1804-1813 гг. и Россия. М., 1983. Кн. 2. 1808-1813. С. 8. Имелись в виду земунские торговцы Милош Урошевич и Драгутин Милутинович, с которыми Карагеоргий был связан еще до восстания.
63. Там же. С. 9. Предположения Родофиникина о позиции австрийского двора в данном вопросе подтвердились. Эрцгерцог Карл ответил, что Австрия ввиду нейтралитета не

может разрешить вывоз военного материала в Сербию. См. Дубровин Н. Сербский вопрос в царствование императора Александра I. //Русский вестник. 1863. Т. 46. С. 157.

64. Ивић Ал. Списи бечких архива о Првом српском устанку. Суботица, 1939. Књ. V. Година 1808. С. 469.

65. Перовић Р. Око боравка Доситеја Обрадовића... //Ковчежић. Књ. VII. С. 61; Београд, 1968. Књ. VIII. С. 57.

66. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 6. Л. 117 об.-118. С небольшими изменениями опубликовано в кн.: Дубровин Н. Князь П.И.Багратион // Военный сборник. СПб., 1864. Т.40. С. 228-229.

67. РГВИА. Ф.ВУА. Д. 394. Ч. 6. Л. 120.

68. Там же. Д.394. Ч.5. Л.216.

69. Причања савременика о Првом устанку. Београд, 1954.С. 208.

70. См. Донесение К.К.Родофинкина А.А.Прозоровскому, 22 августа (3 сентября) 1809 г. Германштадт. – РГВИА. Ф.ВУА. Д. 394. Ч. 7. Л. 335.

71. Депеша Н.М.Каменского министру иностранных дел Н.П.Румянцеву, 12 (24) декабря 1810 г. Бухарест. // Первое сербское восстание... Кн. 2. С. 200.

72. См. Историја српског народа. Београд, 1981. Књ. V, т.1. С. 73-74.

73. Обрадовић Д. Сабрана дела. Т. III. С. 318, 321, 342.

74. Первое сербское восстание.. Кн. 2. С. 200.

75. М.Обренович умер в Бухаресте.

76. Первое сербское восстание...Кн. 2. С. 205.

Список сокращений

ГФФ – Годишњак Филозофског факултета. Нови Сад.

ЖМНП – Журнал министерства народного просвещения.

ЗДН – Матица српска. Зборник за друштвене науке.

ЗИ – Матица српска. Зборник за историју.

ЗКЈ – Матица српске. Зборник за књижевност и језик.

ЗЛУ – Зборник за ликовне уметности.

ЗС – Зборник за славистику.

ЗФФ – Зборник Филозофског факултета. Београд.

ИГ – Историјски гласник.

Известия ОРЯС – Известия отделения русского языка и словесности Академии наук.

ИЧ – Историјски часопис.

JIC – Jugoslovenski istorijski časopis

Летопис – Летопис Матице српске.

ПЗС – Полное собрание законов Российской империи.

Споменик СКА – Споменик Српске Краљевске академије.

ЧОИДР – Чтения Общества истории и древностей российских.

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I	
СЕРБСКИЙ НАРОД В XVIII ВЕКЕ	13
Под властью Австрии, Турции и Венеции	13
Хозяйство	19
Общество	25
ГЛАВА II	
СЕРБСКАЯ КУЛЬТУРА , ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА	40
Под знаком традиции	40
“Стематография” в контексте сербской культуры сере- дины XVIII века	51
Связи сербов с Россией в области культуры в первой половине XVIII века	63
ГЛАВА III	
НА ПУТИ К ПРОСВЕЩЕНИЮ	83
Захария Орфелин и его время	83
Пути и судьбы сербского барокко	110
Образ России в сербской литературе и историографии	122
ГЛАВА IV	
СЕРБСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ	141
Жизнь и приключения Досифея Обрадовича	141
Общественно-политическая мысль	155
Художественные направления	180
Наука	200
Культура и общество	209
ГЛАВА V	
СЕРБСКАЯ КУЛЬТУРА В ПРОЦЕССЕ ОБЩЕЕВРОПЕЙ- СКОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ	222
Сербы и Западный мир	222
Сербы и Россия	229
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	255
ПРИМЕЧАНИЯ	259
.....	267
.....	267
.....	267

**С благословения
Святейшего Патриарха Московского
и всея Руси
АЛЕКСИЯ II
восстанавливается
Храм Христа Спасителя,
уничтоженный 5 декабря 1931 г.**

Этот выдающийся Храм — Памятник в честь победы русского народа в Отечественной войне 1812 г. — на протяжении 70 лет, сменяя одно поколение другим, создавали наши предки. 25 декабря 1812 года был обнародован Манифест императора Александра I о возведении в Москве в память о бессмертном подвиге российского народа Храма во имя Спасителя Христа. Спустя более полувека, 26 мая 1883 г., произошло торжественное освящение Храма. Создавая Пантеон русской Славы и Доблести, принося на алтарь народные средства, умение русских мастеров, талант лучших архитекторов, скульпторов, художников нации, россияне с любовью отдавали достойную дань таким нравственным качествам, как патриотизм, верность, честь, достоинство, служащим прочным и надежным фундаментом духовного здоровья нации.

Возрождение Храма Христа Спасителя — акт национального покаяния и духовного возрождения России.

Материальные пожертвования на восстановление Храма передавать на расчетный счет *Православной общины Храма Христа Спасителя N 609001 в МАБ “Гермес-центр” N 1161615 РКЦ-2 в ГУ ЦБ РФ по г. Москве, МФО 201779, код Н-9.*

Лещиловская Инна Ивановна. Сербская культура XVIII века.
М., АО "ИСМ", 1994. — 286 с.

Набор и оригинал-макет — компьютерно-издательский центр
Акционерного Общества

"Информатика, Системы и Моделирование"
Почтовый адрес: 103050, г. Москва, а/я 134

Телефон: +7 095 229-06-76
Факс: +7 095 229-06-76

Технический редактор *Л. В. Шемшур*

Издательство АО "ИСМ"
103050, Москва, а/я 134

Формат 60x84/16. Усл.-печ. л. 15. Тираж 500. Заказ 174

Отпечатано в типографии ТОО "Валери",
105483 г. Москва, Сиреневый б-р, 4

Компьютерно-издательский центр
Акционерного Общества
"Информатика, Системы и Моделирование"
Изготовление оригинал-макетов книг, буклетов
Быстро, качественно.

Университет им. Е.Р.Дашковой

сочетает традиции и современные достижения гуманитарного образования. На очном и заочном отделениях Университета имеются следующие факультеты:

- юридический,
- предпринимательский,
- финансово-экономический,
- психологический,
- иностранных языков,
- журналистики и рекламного дела,
- педагогический,
- историко-филологический.

Обучение платное. Срок обучения — 4 года. В программе каждого факультета несколько специализаций и изучение двух иностранных языков. По окончании Университета выдается диплом о высшем образовании с присвоением степени бакалавра.

Принимаются лица со средним образованием по результатам собеседования. Отдельным категориям студентов предоставляются льготы. Иногородние заочники обеспечиваются общежитием. Имеется студенческая коммерческая фирма. Возможны стажировка и работа за рубежом.

Адрес: 105483, г. Москва, Сиреневый бульвар, д. 4.

inlav